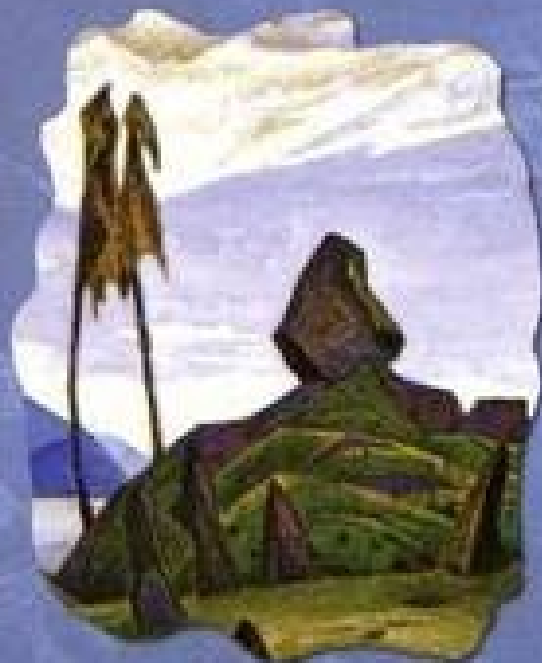

**ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ**

Р МЕГАЛИТЫ РУССКОЙ РАВНИНЫ

Врата Иного Мира

Нижний Мир

Бог, стоящий за Камнем

Мегалиты и астрономия
древней Европы

Попытка классификации

**АНТОН
ПЛАТОВ**

Кто не слышал о Стоунхендже или рядах «стоячих камней Карнака»? Однако ничуть не менее загадочные сооружения таятся совсем рядом с нами, в самом сердце России.

Книга историка А. Платова посвящена интереснейшей и малоразработанной еще теме — священным Камням Центральной и Северо-Западной России. Элементы древних святилищ, астрономические сооружения, объекты, почитавшиеся нашими предками, они являлись некогда неотъемлемой частью традиционной культуры, ныне забытой и хранящей множество тайн.

Антон Платов

Мегалиты Русской равнины

Предисловие и благодарности

*Но когда все уйдут, Господи, оставь мне
Серые Камни на зеленой траве...*

Борис Гребенищikov

Эта книга посвящена интереснейшей, хотя и недостаточно на настоящий момент разработанной теме — священным камням центральной и северо-западной России. Будучи элементами древних святилищ, астрономическими сооружениями, просто объектами, почитаемыми нашими предками, они являлись некогда неотъемлемой частью традиционной культуры и, более того, — Традиции с большой буквы.

Эта книга еще и не совсем обычна по своей компоновке. Помимо собственно моей работы (давшей название и книге в целом), она включает еще два очерка, посвященных той же теме, но написанных с других точек зрения. Я благодарен своим коллегам — а в контексте данной книги фактически соавторам — Вячеславу Мизину из Санкт-Петербурга и Лаймутису Василявичюсу из Литвы за их готовность внести и свой вклад в подготовку этого издания. Без их очерков книга была бы неполна.

Вместе с тем и собственно моя работа, хотя и подписанная только одним автором, на самом деле есть результат труда многих людей, без знаний, усилий и дружеской поддержки которых она просто не состоялась бы. Я искренне признателен и с радостью выражаю благодарность:

всем участникам наших экспедиций — за их труд и верность делу;

Дмитрию Громову, Игорю Маланину и, опять-таки, Лаймутису Василявичюсу — за помощь в работе с литературой и обсуждение материалов, которые вошли в эту книгу;

и Алексу ван Дарт — как всегда — за рабочую критику книги.

Антон Платов,

Москва, 2009

«Даже наша культура, внешний лоск цивилизации имеют бреши: сквозь них проникают реальные силы religio paganorum... Они по-прежнему действенны — как бы мы ни старались забыть об их существовании. Эти силы есть не что иное, как скрытые силы Природы: языческие культуры базировались на признании реальности этих сил, тогда как наша цивилизация основана на искусственном «отделении» от Природы, на убежденности в том, что мы можем быть «выше» этих сил и контролировать их по своему желанию...» [\[1\]](#)

Эти слова Тома Грэйвса, известного британского исследователя, я часто вспоминаю, когда задумываюсь о тонком искусстве понимания и использования рождаемых Землей сил — искусстве, которым владели древние и которое практически забыто сегодня...

Religio paganorum — латинский термин для обозначения языческих, дохристианских верований Европы. Неуклюжее осмысление этих слов на славянской языковой почве привело к появлению в древнерусских летописях термина «поганые», которым называли язычников местных, русских. На самом же деле исходное значение слов religio paganorum — «религия крестьян», «религия тех, кто близок земле». Смысл этого определения гораздо глубже, чем может показаться, ведь оно — пусть косвенно! — отражает тот факт, что древнее европейское языческое учение базировалось на приятии и использовании тех самых скрытых сил Природы, которые Том Грэйвс и называет «реальными силами religio paganorum».

Во II веке н. э. Цельс писал об этом языческом учении: «Существует исконное древнее учение, которым занимались мудрейшие народы и государства и мудрые люди — египтяне, ассирийцы, персы, одризы, самофракийцы; елевсинцы и гиперборейцы, мудрейшие древние народы — гомеровские галактофаги, кельтские друиды и геты...» Очень немного из этого «исконного учения» сохранилось до наших дней, и одна из самых больших загадок такого рода реликтов — мегалитические сооружения Европы, исполнявшие некогда религиозные, астрономические и магические функции, служившие, как показывают современные исследования, для работы с могучими и совершенно реальными «скрытыми силами Природы».

Общее число известных мегалитических памятников Европы, если учитывать и второстепенные, превышает на настоящий момент несколько тысяч. Именно «на настоящий момент», поскольку время от времени исследователям удается обнаруживать новые памятники. Иногда это просто вертикально врытый в землю камень, иногда — отесанный валун с высеченным на нем следом человека или зверя. Но иногда — и такие открытия поистине можно считать величайшей наградой за кропотливую работу — удается обнаружить и колоссальные мегалитические комплексы, причем там, где этого меньше всего ожидают.

Кто не слышал о Стоунхендже или рядах стоячих камней Карнака? Но многие ли знают о том, что ничуть не менее загадочные сооружения таятся совсем рядом с нами, в самом сердце России?..

...Я до сих пор хорошо помню то ощущение чуда, открытия, волшебства, которое владело мною, когда я впервые коснулся рукой древнего священного камня. Наверное, ничто не передаст это ощущение лучше, чем запись в старом полевом дневнике...

01.05.1994

Междуречье Дона и Непрядвы

Утренний маршрут — овраг Курца, к ЮВ от хут. Сабуров

[...]

Зрелище незабываемое.

Широкая балка, ограниченная высокими склонами. Ручей звенит по серым и розоватым валунам (девонские метаморфизованные кварцевые песчаники). Где-то наверху шумит ветер, но здесь, в долине, воздух неподвижен.

И дно, и склоны балки усеяны камнями — от маленьких до огромных, — лежащими или вырастающими из земли; невольно вспоминается скандинавский миф о том, что скалы и камни — это кости земли... В камнях — углубления и отверстия, строго цилиндрические, диаметром от двух до пяти — десяти сантиметров, глубиной с палец... Здесь же, среди этого почти фантастического нагромождения «дырчатых» камней, лежит и древний Цыган-Камень, один из священных камней вятичей. Многие века касались его руки людей, сгладили до зеркального блеска. Кладешь руку. Камень чуть теплый — от Солнца и рук тех, кто был раньше...

Священные камни Русской равнины

Изучение священных и культовых камней, находящихся на территории Центральной России и европейской ее части в целом, имеет уже свою историю. Первые упоминания таких камней в научной литературе появились еще в первой половине XIX века. Одним из первых, кто обратил на их историческую и культурную значимость, был декабрист Ф. Н. Глинка. После отбытия ссылки он проводил много времени в усадьбе в селе Кузнецово Тверской губернии, в окрестностях которого обнаружил и описал ряд «заметных камней», с некоторыми из которых были связаны местные легенды, а некоторые несли изображения, которые сам Глинка определял как «рунические». В 1837 году он опубликовал специальную работу, посвященную этому вопросу ^[2], а когда (при участии самого Глинки) был открыт Тверской краеведческий музей, он передал собранные им материалы музею. Позднее упоминания о священных камнях появлялись в краеведческих работах И. П. Сахарова ^[3], Н. Н. Троицкого ^[4] и других российских авторов.

Однако масштабные специальные исследования начались лишь столетие спустя и были направлены на выявление и описание отдельных таких камней — например, следовиков, камней со знаками и т. д. Усилиями авторов того времени (и прежде всего замечательного краеведа С. Н. Ильина) были выявлены десятки почитаемых камней, а уже к 1980-м годам количество известных памятников такого рода измерялось сотнями.

По мере накопления данных по памятникам такого рода в печати начали появляться первые обзорные публикации и первые попытки обобщения (А. А. Александров, И. Д. Маланин, В. В. Шевелев, А. Чигрин и др.). Постепенно становилось ясно, что речь идет не просто об отдельных памятниках времен язычества, но о некоей цельной древней культурной и культовой традиции, связанной со священными камнями.

Примерно с середины 80-х годов стали появляться публикации, посвященные уже не отдельным камням, но культовым комплексам (святилищам), главным (или одним из главных) элементов которых являются священные камни. Некоторые из таких святилищ становятся сейчас своего рода «классикой»: это, например, святилище на р. Кимерше в Московской области, открытое и описанное Ю. М. Золотовым ^[5], а позднее — А. В. Платовым ^[6], или — связанное со знаменитым Синь-Камнем святилище на берегу Плещеева озера, подробно описанное С. Э. Ермаковым и А. В. Платовым ^[7]. Примерно в то же время начали появляться работы, свидетельствующие о существовании на Русской равнине глобальных мегалитических комплексов, имевших, помимо всего прочего, функции астрономических обсерваторий ^[8].

На данный момент в Центральной России нам известно немногим менее тысячи почитаемых и культовых камней (и число их постоянно растет), более десятка древних святилищ, связанных с камнями, как минимум два мегалитических комплекса (на Куликовом поле и на Чертовом городище). Опровергнуто распространенное ранее мнение археологов и этнографов об отсутствии в средней полосе России большинства известных на Западе типов культовых камней — «чашечников», менгиров и т. д. ^[9] Появились работы, авторы которых рассматривают феномен священных камней в общем контексте дохристианской традиционной культуры, устанавливают связь почитания таких камней с языческой мифологией и традиционными магическими представлениями ^[10].

Таким образом, на настоящее время мы вполне можем говорить о существовании на территории Центральной России единой и значительной мегалитической культуры, являвшейся в свое время весьма важным элементом традиционной культуры вообще и сакральной Традиции в частности. Конечно, употребляя здесь термин мегалит (дословно означающий «большой камень»), мы допускаем определенную неточность, поскольку далеко не все почитаемые камни

отвечают определению «большой». Однако, полагая единой культуру, в рамках которой были созданы и/или использовались все известные нам памятники такого рода — от небольших камней-следовиков до потрясающего воображение Каменного Коня на Красивой Мече, масса основного блока которого превышает два десятка тонн, — полагая эту культуру единой, мы — пусть условно — предлагаем сохранить за ней название мегалитической.

Европейская наука — включая российскую — накопила к настоящему времени весьма значительный массив знаний о мегалитических (в широком смысле этого слова) памятниках. Собранные сведения и материалы охватывают такие области знания, как история, культурология, этнография, археология, археоастрономия и т. д. Если смотреть с точки зрения «внешнего наблюдателя», т. е. рассматривать лишь внешние проявления культа, то можно, вероятно, выделить три основных «функции» мегалитов. Ниже, когда мы приступим к более подробному рассмотрению мегалитических памятников, мы прежде всего зададимся вопросом о сакральных истоках самого феномена почитания камней; здесь просто назовем три эти функции.

Итак, во-первых: многие священные камни так или иначе связаны в сознании народа с божественными или иными мифологическими персонажами. Об этом говорят уже их имена: например, Кольцо Бродгара в Шотландии; Чертов Камень, Перунов Камень, Божьи Стопки в России и т. д. В определенных случаях можно даже говорить о том, что данный конкретный камень «представляет» того бога (или полубога, или героя и т. д.), которому он посвящен.

Во-вторых: многие почитаемые камни в прошлом являлись частью языческих святилищ (жертвенниками или иными их элементами). Сохранилось немало свидетельств — и в письменных источниках, и в этнографических материалах — о магической функции камней и сооружений из них. Зачастую и материалы археологических исследований подтверждают, что тот или иной почитаемый сейчас или еще совсем недавно камень был в древности центральным элементом святилища.

Так, например, в Литве, в районе Шилале, на берегу небольшой реки до сих пор лежит большой почитаемый камень, который в народе называют камнем святого Йонаса [\[11\]](#). С южной стороны в камне есть напоминающее кресло углубление размером 30×80 см. По местным преданиям, в старину на камне жгли огонь и приносили в жертву телят; действительно, остатки углей и обожженных костей можно найти в грунте вокруг камня. Это же место упоминается в любопытном документе, сохранившемся в литовских архивах; в документе говорится о том, что некто Й. Колишка. при допросе на суде ведьм в 1740 году признался, что его жена Катрина научилась колдовать именно здесь, у ручья и камня. В 1971 году здесь проводил раскопки В. Урбонавичус. Археологические работы вскрыли вокруг камня три каменных настила (один над другим) и три ямы, в которых некогда возжигался огонь, что говорит именно о том, что в древности камень был центром языческого святилища. И это далеко не единственный случай, когда фольклорные материалы, письменные источники и данные археологии подтверждают и дополняют друг друга.

Важно подчеркнуть, что большинство из священных камней не утратило своего ритуального значения и после официального введения христианства. До самого последнего времени практически по всей Европе сохранялось почитание «заметных камней», как их называл Ф. Н. Глинка. Вот, например, что говорит летопись о знаменитом Синем Камне на берегу Плещеева озера: «Бысть во граде Переславле камень за Борисом и Глебом в боярку, в нем же вселился демон, мечты творя и привлекая к себе ис Переславля людей: мужей и жен и детей их и рассевая сердца в праздник великих верховных апостолов Петра и Павла. И они слушаху его и стекахуся из году в год и творяху ему почесть...»

Более того, наследием эпохи двоеверия, т. е. одновременного сосуществования христианства и язычества (на Руси — X–XVI века), стало то, что многие священные камни сохранили даже связь с тем или иным божеством, которое в позднее время просто приняло иное,

христианское имя. Так камни Велеса стали на Руси Власиевыми камнями, камни Макоши — камнями Параскевы Пятницы [{12}](#) и т. д.

И, наконец, третья функция древних священных камней: астрономическая. Действительно, как мы сейчас знаем, многие поставленные древними камни и комплексы из них служили совершенно конкретным астрономическим целям, в основном — для наблюдения восходов и заходов Солнца и Луны, а иногда — для наблюдения ярких навигационных звезд. Простейшие из таких сооружений позволяли древним жрецам по смещению точки восхода Солнца определять моменты наступления важных в сакральном отношении точек года — солнцестояний и равноденствий; более сложные — даже предсказывать моменты лунных и солнечных затмений.

Серьезные исследования в области археоастрономии начались с обнаружения астрономических функций Стоунхенджа в середине XX столетия и с соответствующих публикаций Дж. Хокинса [{13}](#), Р. Аткинсона [{14}](#) и других. Несколько позднее было установлено, что функции астрономических обсерваторий несли и многие другие мегалитические сооружения Западной Европы — знаменитые ряды стоячих камней Бретани, кромлехи Шотландии и т. д. Во второй половине XX века археоастрономические мегалитические сооружения были обнаружены и в Восточной Европе — в Литве, Латвии, Армении, в ряде других стран, включая и центральную Россию. Впрочем, это — уже тема отдельной главы этой книги.

*Там, где наступают сроки,
Там, где сходятся дороги,
Там, где ветры рвутся в клочья,
Там, где день не знает ночи,
Там, где смотрит Камушек
Да на шесть сторонушек —
Огонь и ветер, волче статью —
Я плету свое заклятье...*

М. Грашина

Речь у нас пойдет в основном о священных камнях, — так, перефразируя Толкиена, можно начать первую главу этой книги. Особого нашего внимания — прежде, чем мы перейдем к мегалитам собственно Русской равнины, — особого нашего внимания потребует сам феномен почитания камня: не задумавшись о причинах, о внутреннем смысле того огромного значения, которое камень имеет в европейской сакральной Традиции, мы не сможем увидеть священные камни так, как видели их наши предки.

А значение камня в Традиции действительно велико. Так, например, по некоторым данным, когда в середине XIII века рыцари Тевтонского Ордена погасили священный огонь прусского святилища в низовьях Немана, то в качестве доказательства победы над язычеством отправили в Рим не что иное, как жертвенный камень этого капища. Многие средневековые авторы (например, Хельмольд) упоминают о том, что люди разных европейских народов, включая славян, клянутся на камнях. Во многих архаических преданиях и волшебных сказках из камня или из-под камня герой, находящийся под покровительством богов, достает священное оружие (вспомним, например, меч короля Артура). И в скандинавских, и в славянских преданиях можно встретить упоминание о том, что камни — это «кости земли», а известное белорусское присловье прямо говорит: «Что из земли, то от самого Бога».

...Когда мы рассматриваем тот или иной феномен, играющий значительную роль в сакральной Традиции, мы всегда должны иметь в виду, что сколь бы разнообразны ни были его проявления, они всегда будут «отражением» некоего единого символа, — архетипа, если использовать терминологию Юнга, — подобно платоновским теням на стене пещеры, которые отбрасывает настоящее в свете костра у входа [{15}](#). Так каждое копье в руках древнего воина в магическом своем качестве было «отражением» копья Одина, каждый молот в руках кузнеца — «отражением» молота небесного бога-кузнеца, и каждое дерево во время обряда — «отражением» мирового Древа Жизни...

На море на Окияне, на свят-божьем острове на Буяне лежит бел горяч камень Алатырь...

Так или примерно так начинаются многие русские заговоры, и прежде всего — заговоры архаические, сохранившие для нас древние традиционные представления о мире и его «магической структуре». Мифологическое представление о «бел горяч камне» Алатыре дает нам ключи к пониманию значения камня в Традиции: в Голубиной Книге (по крайней мере, в тех ее вариантах, что сложились еще в домонгольское время) говорится, что «Белый Латырь камень всем камням мати» [{16}](#). Иначе говоря, камень Алатырь, лежащий на «свят-божьем» острове посреди моря Окиян, и есть архетип, «первообраз» всех священных камней Европы.

Для того чтобы понять, почему древние святилища индоевропейцев почти всегда в качестве одного из основных своих элементов содержат камень (или его аналог), мы должны вспомнить, что такое есть само святилище. Благодаря работам современных исследователей-традиционалистов и тем знаниям, которые сохранили для нас живые ветви индоевропейской Традиции (например, индуизм), мы знаем, что храм в представлении язычника всегда есть *imago mundi*, «образ Мира» [{17}](#). Иначе говоря, каждый храм — будь то огромное святилище в Арконе или Ромуве, или небольшое деревенское капище — каждый храм в символической структуре своей повторяет структуру Мира.

Если быть более точным, то следует сказать, что сакральное пространство святилища на магическом уровне воспроизводит пространство и время Мироздания (и потому обряд освящения храма всегда есть «проигрывание заново» мифологемы сотворения Мира), а ритуальный Центр святилища представляется «отражением» Центра Мира. В индоевропейской мифологии в качестве Центра Мира выступает либо Древо Мира, либо Мировая Гора, либо сочетание того и другого [{18}](#). Каждый из этих двух архетипических символов может выступать в самых разных вариантах, но первооснова их всегда остается неизменной. Так, Древо Мира может представать в мифах и в обрядах как столб (таков, например, знаменитый *Irmisul* — священная колонна главного храма саксов, снесенная в 772 г. Карлом Великим [{19}](#)), как ветвь, лиана, росток и т. д. (вспомните, например, английскую сказку «Джек и бобовый стебель», где главный герой взбирается на небо по стеблю боба). В свою очередь Мировая Гора может быть представлена как остров (во многих древних индоевропейских языках понятия «гора» и «остров» вообще не различаются; такова, например, древнекельтская основа *lon: London* — «Твердыня-на-Холме», но *Avallon* — «Яблонеый Остров» [{20}](#)) или — как камень...

...Если мы задумаемся о том, как именно — с магической точки зрения — работают архаические русские заговоры, то мы увидим, что начальная, «вводящая» их часть, фактически, представляет собой построение «виртуального», как сказали бы сейчас, храма — т. е. воссоздание вокруг творящего заговор человека магической структуры Мира. Сам же заклинатель оказывается при этом в сакральном Центре Мира, у подножия Мировой Горы и Древа Мира:

Встану я, раб Божий (имярек), благословясь, пойду перекрестясь; умоюсь утреннею росой, утрюсь тонким белым полотном и пойду из избы в двери, из дверей в ворота, под восточную сторону к Окияну морю. На том Окияне море стоит Божий остров, на том острове лежит бел горяч камень Алатр [{21}](#)...

И реальное святилище, и вступительная часть заговора служат одной и той же цели —

восстановить связь человека с Центром Мира, поскольку именно там находится источник Силы, которой и оперирует индоевропейский маг или жрец:

...Камень Алатырь, никем не ведомый, под тем камнем сокрыта Сила могуча, и Силе нет конца [{22}](#)...

В некоторых сохранившихся заговорах присутствует мотив прямого обращения к этой Силе, иногда персонифицированной в странных (для современного обывателя) формах:

Есть в чистом поле Окиян море, и есть на Окияне море белый камень, и есть под белым камнем щука золотая — и перье золотое, и кости золотыя, и зубы золотыя. И прийди, щука, к рабу Божьему [{23}](#)...

И естественно, что обратиться к этой Силе, причаститься ее можно именно там, где находится ее источник — в Центре Мира — там, где возвышается Мировое Древо и лежит камень, отмечающий начало Всего.

За сим мы и возвращаемся к древним европейским святилищам, центром которых всегда были Камень и Дерево.

Здесь я позволю себе небольшое отступление. Пытаясь реконструировать и восстанавливать утраченные грани нашей собственной, европейской, Традиции, мы часто обращаемся к тем ветвям Традиции изначальной, которые «в живом виде» просуществовали дольше других, — и это разумно. Но, к сожалению, это обращение ограничивается, как правило, одним только индуизмом: здесь сказывается, вероятно, и общее «почтение» европейца к «загадочному Востоку», и тот факт, что именно к индуизму обращались многие исследователи Традиции, шедшие впереди нас: Эвола, Дюмезиль, Элиаде... Но сейчас многое меняется: мы открываем для себя новые источники знания о Традиции, источники, связанные с нашей землей. Мы признаем, наконец, что язычество в Восточной Европе не было прервано событиями X–XI веков; так, например, открытие И. Ф. Никитинским на Вологодчине языческого святилища, действовавшего вплоть до конца XVI века [{24}](#), самым сенсационным образом подтверждает представление о существовании на Руси «двоеверия» в X–XVI веках. Мы вспоминаем, наконец, что в Восточной Европе есть государства, вплоть до конца XIV века оставшиеся официально языческими. Так не следует ли нам чаще обращаться к собственному «багажу» памяти?

Землей, где язычество дольше всего в Европе сохранялось как нормальная, а не преследуемая «законом» часть жизни, является восточная Прибалтика [{25}](#). Именно по этой причине на страницах этой книги мы часто будем обращаться к языческой Традиции Литвы, в «живом виде» сохранившей многое из того, что было некогда частью общего достояния Европы. Здесь же мы вспомнили о Прибалтике затем, чтобы на живом примере проиллюстрировать то, что было сказано выше.

На территории современной Литвы и окружающих ее земель — там, где некогда лежали обширные земли балтов, — часто можно встретить небольшие святилища весьма характерного облика. Некоторые из них почитаемы до сих пор (иногда — под видом христианских священных мест), некоторые — давно забыты, и тогда набрести на них можно лишь случайно, в окрестностях бывших балтских поселений или хуторов. Очень простые по форме и очень глубокие по магическому «содержанию», они представляют собой древнее священное дерево (как правило, дуб) и лежащий под ним священный камень. Это — очень древняя форма простейших европейских святилищ, широко распространенная в Прибалтике [{26}](#); однако и многие большие святилища создавались по той же схеме: ведь схема эта — не что иное, как

отображение мифологического описания Центра Мира.

Одно из таких святилищ было обнаружено и описано нами в ходе Самбийской экспедиции 2002 года в западной части Калининградской области РФ (см. рис. 1.1.).

Сохранился датируемый 1704 годом рассказ ксендза Вильгельма Мартиния, в котором тот описывает балтский обряд на таком святилище. Приведем его здесь [{27}](#) _:

На Жямайтийской стороне разросся дуб, и в пяти шагах от него лежал весьма большой камень. Недалеко от камня была воткнута длинная жердь не менее 8 сажень с большой охапкой злаков и трав, а на камне растянута козлиная шкура. У камня, на котором был ковш, наполненный какой-то жидкостью, стоял старый мужчина. Вскоре подошла пожилая красиво одетая женщина с большим кувшином. Старый мужчина взял кувшин, отлил немножко в ковш и стал молиться. Когда кончилась молитва, молодежь, твердо взявшись за руки, стали танцевать вокруг дуба и жерди. Их танец окончился, когда жрец (Waidelut) продолжил молитву, держа чашу в руке. Окончив молитву, он выпил чашу до дна и прикоснулся к жерди. Тогда к ней сбежались все собравшиеся, вырвали жердь из земли и тыкали ею охапку злаков и трав. Козью шкуру взял жрец за свою работу, а злаки очень бережно раздал собравшимся. Потом все сели вокруг дуба и камня, говорил жрец. Все сидели, опустив головы. Они благодарили своего бога, дающего им пищу, напитки и кров. Потом стали есть и пить, и это длилось до третьего дня.

Описывая традиционное святилище как *imago mundi*, а его осевой столб (дерево) — как *axis mundi* [{28}](#), Мирча Элиаде приводит замечательный пример из области этнографии: в племени квакиутли (Британская Колумбия) юноши, проходящие обряды возрастной инициации в священном месте, восклицают: «Я нахожусь в Центре Мира» [{29}](#). С этой функцией святилища — «переносить» человека в Центр Мира связано одно из очень распространенных названий «заметных камней» России: Конь-Камень.

Один из наиболее известных священных камней, носящих такое имя, находится у реки Красивая Меча (бассейн верхнего Дона) близ села Козье. Пожалуй, можно сказать, что это — один из самых впечатляющих мегалитических памятников центральной России. На высоком крутом берегу реки (перепад высот составляет здесь более 70 метров) на трех каменных опорах установлен огромный — более 20 тонн весом — камень, который в народе и зовется «Каменным Конем».

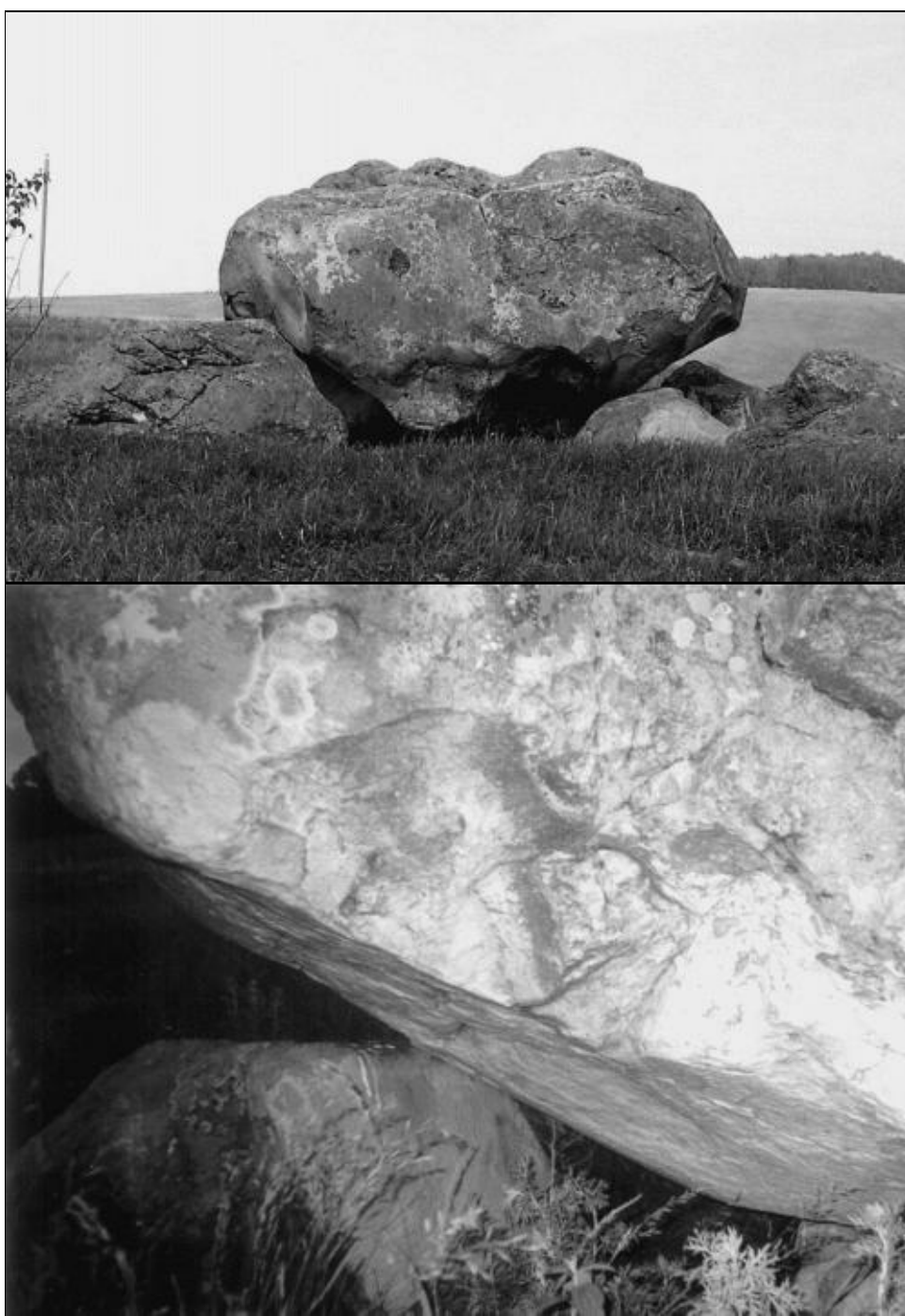
Первое упоминание этого памятника относится еще к XV веку: о нем говорится в описании путешествия в Кафу русского посла А. Голохвостова в 1499 году («Клалися в судно на Мече у Каменного коня»). В XIX веке о Камне писали И. П. Сахаров, А. Н. Афанасьев, Н. И. Троицкий. У местных жителей с ним связывается немало преданий и поверий; в частности, Афанасьев приводит следующую легенду [{30}](#):

«На берегу Красивой Мечи, близ села Козьего, есть огромный гранитный камень. Крестьяне называют его Конь-Камнем и рассказывают о нем следующее предание: в незапамятную старину явился на берегу Красивой Мечи витязь-великан, в блестящей одежде, на белом коне. В тоскливом раздумье смотрел он на реку и потом бросился в воду, а одинокий конь его тут же окаменел.

По ночам камень оживает, принимает образ коня, скачет по окрестным холмам и громко ржет».

Еще в XIX веке Камень сохранял, хотя бы отчасти, свои функции святилища. Тот же Афанасьев указывает, например, что во времена «скотского мора» вокруг Камня совершалось опахивание, чтобы остановить бедствие. «Во время скотского падежа — коровьей смерти, — пишет И. П. Сахаров [{31}](#), — в старые годы поселяне отправляли около Конь-Камня известный обряд опахивания. У них исстари существует поверье, что коровья смерть является под видом старухи, губит коров и ночью сидит на этом камне».

Другой известный пример — это священный камень, находящийся на о-ве Коневец у северо-восточного побережья Ладоги. В свое время на острове находилось связанное с Конь-Камнем святилище (именно от камня остров и получил свое имя); жертвоприношения у камня продолжались вплоть до самого конца XIV века, когда на острове обосновался валаамский инок Арсений, основавший, как водится, на месте святилища монастырь, получивший со временем большую известность. Камень не был уничтожен, как то нередко бывало на Руси; вероятно, у монастыря просто не нашлось возможности это сделать: камень действительно огромен, высота его от поверхности почвы превышает 5 метров. Как сообщает церковное предание, Арсений «приступил к камню с молитвой», окропил его святой водой и водрузил на его вершине крест, дабы пресечь совершение языческих обрядов. Позднее место креста заняла небольшая часовня, которая не раз разрушалась, но несколько лет назад была вновь восстановлена.

По предположению И. Д. Маланина, первоначально носил имя «Конь-Камень» и знаменитый Камень-Гром, находившийся некогда неподалеку от побережья Лахтинского залива близ Петербурга и легший в середине XVIII века по слову Екатерины II в основание Медного всадника ^[32]. Любопытно, что этот огромный (весом около полутора тысяч тонн) камень,

несомненно, почитавшийся прежде местным населением, определенным образом связан с Конь-Камнем на острове Коневец. По упомянутому уже церковному преданию, когда инок Арсений освящал коневецкий священный камень, боги, жившие в нем, поднялись в воздух в виде черных воронов, улетели с острова и поселились на выборгском берегу, в Лахте...

Количество известных на территории России священных камней, носящих это имя, нельзя назвать очень большим, и все-таки оно достаточно велико, чтобы сделать вывод о некоей особой его значимости (к слову, один из Конь-Камней находится в Москве, на территории Музея-заповедника Коломенское). Некоторые авторы предпочитают понимать это имя буквально и связывают его происхождение с преданиями, которыми может быть окружен камень, или с другими столь же очевидными причинами. Так, например, А. А. Левин склонен видеть на фасаде красивомеченского Конь-Камня выбитое изображение лошади [\[33\]](#) (которое сам я не обнаружил при непосредственном обследовании камня), а А. Н. Афанасьев связывает название священного камня на о-ве Коневец с тем, что духи камня охраняли лошадей, выпасаемых местными крестьянами на острове [\[34\]](#). Однако такой подход не объясняет ни распространенности имени «Конь-Камень», ни того, что этим именем называются, как правило, большие и очень известные камни, с которыми, вероятно, были связаны в древности святилища очень высокого «ранга».

На самом же деле объективных оснований связывать название «Конь-Камень» с конем как животным нет никаких. Даже в тех случаях, когда с камнем действительно связано то или иное предание, упоминающее коня (например, о том, что камень — это окаменевший конь), это предание, скорее всего, представляет собой лишь народную попытку объяснить ставшее непонятным названием, которое в древности имело совсем иной, более сакрально значимый, смысл.

В славянских языках широко распространена основа кон/кън, которую мы видим в таких словах как кон (т. е. «круг», начало и завершение чего-либо), конец, исконный, закон, покон (т. е. «начало», «установление» — в «Русской Правде»). (Более того, данная основа имеет характер общеиндоевропейский; так, например, мы встречаем ее в санскрите: *kuṇ* — «конец», «кончатъ».) Как мы видим, в славянских языках основа кон передает понятие начала и конца, коловращения, которые в контексте сакральной Традиции прямо связаны с представлением о Центре Мира, т. е. о точке, из которой развернулся Мир и вокруг которой совершается его коловращение. К этому можно добавить, что в раннесредневековом русском языке слово «кон» имело мягкое окончание — конь (а не конъ) [\[35\]](#); именно поэтому архаичное русское слово искони (т. е. «с самого начала») звучит именно так, как звучит, а не в варианте искона, как оно звучало бы, будь оно образовано от слова конъ. От той же основы с добавлением глагольного форманта — ес [\[36\]](#) образовано славянское слово князь (кънязь, кънесь), изначально означавшее «тот, кто в центре» или «тот, кто есть закон» [\[37\]](#).

Таким образом, славянское название (а точнее — понятие) «Конь-Камень» возвращает нас к представлению о священном камне как о камне, лежащем в Центре Мира, т. е., фактически является синонимом к слову «Алатырь», причем синонимом, вероятно, более древним.

Итак, установка (или освящение) священного камня размещает святилище в символическом Центре Мира и устанавливает связь с Центром Мира вселенским. Однако помимо этого у священного камня есть и другие специфические функции, отличающие его от других магических «инструментов» сакрализации пространства (например, от столба или дерева). Ключ к пониманию этой специфики, которую не всегда можно отследить на прямом этнографическом материале, дает нам фольклор, причем не только предания об известных почитаемых камнях, но и волшебные сказки.

Мысль о том, что наделенные особыми волшебными качествами камни, фигурирующие во многих европейских сказках, являются фольклорным отражением реальных священных камней, высказывалась не раз. Так, например, А. А. Александров в одной из своих работ указывает: «По существу, сведения о культовых камнях в сказках и реально существующие культовые камни являются отражением одного и того же мифологического образа мышления. При этом сходство между ними часто доходит до тождества» [\[38\]](#). Это означает, что, проанализировав связанные с особыми камнями сказочные сюжеты, мы сможем и функции культовых камней древних святилищ.

Одним из самых интересных и часто повторяющихся таких сюжетов является сюжет, в котором камень закрывает «проход» в Иной Мир или просто оказывается вратами в него. Сказочные сюжеты этого типа были тщательно отобраны и исследованы тем же А. А. Александровым; дабы избежать повторения, я позволю себе просто процитировать его посвященную культовым камням в волшебных сказках статью [\[39\]](#):

«В двух сказках упоминается Баба-Яга, которая живет в подземном царстве, вход в это царство закрывает камень.

[...]

Еще один сказочный камень загораживал доброму молодцу вход в тридцатое царство. Тут с шеи его соскочила змея, которую он нес, ударились о сырую землю и сделалась по-прежнему красной девицей, которая повела его под камень подземным ходом в царство подземной стороны.

[...]

Смотрит латышский пастух на большой камень близ розового куста и видит, что камень приподнимается и из-под него выходит красавица-девица, которая затем там же и скрывается. Под камнем оказывается другой мир, где растут деревья с серебряными, золотыми и алмазными листьями».

Здесь следует вспомнить и знакомый с детства образ камня, стоящего на перекрестке дорог: «направо пойдешь...» За внешней функцией «дорожного указателя» этот образ скрывает нечто значительно более глубокое, и именно потому моменты встречи героя с таким камнем всегда наполнены в сказке или былинке определенной торжественностью, даже пафосом. Сам по себе архетип перекрестка имеет в Традиции двойственное значение: с одной стороны, это место, где сходятся дороги и идущему открывается выбор, куда идти. На психолого-мифологическом уровне это означает, что перекресток — это место, откуда можно попасть в иной мир — в мир, лежащий за границей привычного и за гранью выбора. С другой стороны, перекресток как архетип семантически связан с понятием Центра...

Две эти идеи — идея перехода в Иной Мир и идея Центра Мира — в Традиции не просто

взаимосвязаны, но фактически являются продолжением друг друга. Мне уже доводилось писать об этой проблеме [{40}](#) и констатировать, что в мифологическом сознании переход в Иной Мир может быть произведен только через Центр Мира, где сходятся все дороги и где лежит начальный священный камень...

Идея Иного Мира, Мира-по-ту-сторону, прочно связана в индоевропейском мифологическом мышлении с идеей Нижнего Мира, т. е. мира мертвых. Иногда два этих понятия-образа просто сливаются (как, например, в русской традиции); иногда — образуют своего рода дуальную пару, описывающую две стороны чего-то единого. Именно так обстоит дело, например, в валлийской ветви кельтской традиции, где элементами этой пары являются Аннун (предначальная Бездна, мир мертвых) и Аваллон (священный остров бессмертных).

Эта же дуальность, эта же взаимосвязь «мира за гранью» и «мира мертвых» прослеживается и в европейском почитании священных камней. Так, например, литовский исследователь Л. Василевичус неоднократно подчеркивает традиционное для балтов ассоциирование почитаемых камней с предками и описывает жертвоприношения на камнях-чашечниках как жертвы предкам [\[41\]](#). Д. К. Зеленин указывал на связь камня и мертвого в русской традиции: «В Нижегородском уезде у головы умирающего помещали сосуд с водой, полотенце и камень, в Калужской губернии на 40 день после смерти клали прикрытый полотном камень... Не исключена возможность, что камень считается вместилищем души умершего, которая, покинув тело, ищет себе место, как птица гнездо». В храме Марса, находившемся неподалеку от Рима, хранился, согласно некоторым источникам, Lapis Manalis, «Камень Предков». Как ни странно это может звучать для далекого от истории религий человека, но именно к этим представлениям о связи души умершего и камня восходит, вероятно, и традиция установления надгробных и поминальных камней.

С Нижним Миром связывается в Традиции и особое «нижнее», «подземное» плодородие, противопоставляемое плодородию солнечному, небесному так же, как огонь небесный (например, молния) противопоставляется огню подземному. Это также находит отражение в специфике связанных со священными камнями обрядов и верований, часто связанных с плодородием и/или целительством.

Целебными свойствами практически по всей Европе наделяется росная или дождевая вода, собирающаяся в углублениях почитаемых камней. Однако многие такие камни в целом считаются приносящими исцеление или дарующими плодовитость женщинам. Таков, например, известный Девий камень в Коломенском (ныне на территории Москвы), к которому еще и в наше время приходят женщины, желающие исцелиться от тяжелой болезни или забеременеть: считается, что для этого нужно посидеть на камне, а уходя, оставить на нем конфету, монету, цветок или какую-либо другую небольшую жертву. Таков Киндяковский камень на севере Московской области, исцеляющий детей от неизлечимых болезней, для чего необходимо обмыть и напоить их водой, «скаченной» с камня (подробнее речь о Киндяковском камне пойдет в следующей главе). Целебными и, главное, плодородными свойствами обладает знаменитый Синий Камень на берегу Плещеева озера в Ярославской области. В Литве близ деревни Нерушелю некогда находился напоминающий по форме женский торс камень, который помогал забеременеть бездетным женщинам. В той же Литве имеется несколько камней с именем Мокас, которые считаются воплощениями ушедших в Иной Мир предков; литовские женщины верили, что та, которая хочет родить ребенка-витязя (лит. Витис), должна оставить на таком камне рубашку [\[42\]](#). Перечисление таких примеров можно продолжать очень долго.

Наконец, еще одна архетипическая функция, четко ассоциируемая в Традиции с Нижним Миром — это магия. Связь священного камня-алтаря с магией очевидна, — и об этом мы уже немало говорили выше...

В целом, совершенно естественно, что камень как архетип связан именно с Нижним Миром — ведь он сам происходит из земли и, более того, является как бы ее квинтэссенцией: вспомним скандинавское предание о том, что «камни — это кости земли». И все же такое объяснение имеет характер скорее «феноменологический», в то время как традиционное мышление мифологично и подо всем существующим подразумевает определенную мифологическую подоснову.

Так почему же все-таки камню свойственны именно те сакральные функции, что были перечислены?

Камень всегда более, чем другие элементы сакрального пространства, связан с магией и с обретением магических возможностей. Священный камень очень часто связан с плодородием, рождением детей или целительством. И, наконец, камень практически всегда ассоциируется с силами смерти.

Магия, возрождение, смерть. Сложно по этому набору сакральных функций не узнать того индоевропейского бога, который стоит за архетипом священного камня. Князь Павших, Владыка князей и магов — бог смерти, мудрости и магии [{43}](#) — славянский Велес, скандинавский Один и т. д. — вот образ, который стоит за символом священного камня.

В Балтославянских землях взаимосвязь священных камней с этим богом (рус. Велес, лит. Вяльняс и т. д.) не только следует из единства сакральных функций, но и прямо прослеживается на этнографическо-фольклорном материале. Так, например, связь почитаемых камней с Велесом в русских сказках подробно рассматривает А. Александров [{44}](#). Академик Б. А. Рыбаков приводил очень любопытный пример посвящения почитаемого камня Бабе-Яге — женской ипостаси Велеса: «Огромный камень, связанный с редким культом Бабы-Яги, стоял над древним Берендеевым озером. Этому камню приносились в жертву ягоды и грибы» [{45}](#).

В Восточной Прибалтике эта связь еще более очевидна; Л. Василявичюс в своей книге о священных камнях пишет: «Почти половина всех следов на камнях в Литве связана с легендами о Вяльнясе. В литовском языке слова Вяльняс/Велинас (Чёрт, Велес), Велинес (ноябрь, месяц духов), велионис (покойник), веяс (ветер), велява (знамя) объединяет основа веле — «дух», «душа». Вяльняс/Велинас был невидимым проводником душ в Анапилис (потусторонний мир)». И, далее: «Древние мифологические представления и характер обрядов указывают на связь культовых камней с божеством подземного мира мертвых Велесом или балтийским Веленом (Вяльнясом). Вяльняс прячется от стрел Перкунаса под камнем. Вход во дворец Вяльняса завален огромным камнем». Обзор аналогичных латышских представлений приводит С. И. Рыжакова [{46}](#).

Теперь же вернемся к Алатырю как архетипу священного камня и, одновременно, «матери» всех камней. Связь Велеса/Вяльняса со священными камнями, совершенно очевидная на уровне этнографическом, корнями своими должна уходить именно в уровень мифологический, в уровень пра-образов, архетипов. Неоднократно подчеркивался исследователями тот факт, что образ Велеса «вытекает» из древнейшего образа Черного Бога, соучастника творения нашего мира и левого компонента архаической диалектической пары Черный-Белый Боги [{47}](#). Именно на этом, предельно глубинном уровне, и следует искать основу связи священных камней с Велесом/Вяльнясом и, соответственно, основание тех функций, которые свойственны священному камню в традиционной культуре. И эту основу увидеть совсем несложно, если мысленно вернуться к «эпохе» созидания нашего мира — так, как это видели наши далекие предки.

В славянской мифологии (а также финской, угорской, тюркской и др.) существует известный миф о том, что твердь нашего мира была создана Двумя Богами из комка земли (варианты: камня, горсти песка), поднятого Черным Богом со дна предначального океана, Мировой Бездны. Этот единственный начальный камушек или комок земли и стал «всем камням матери», ибо он и породил все прочие камни и землю в целом...

Священный Алатырь — вот что поднял со дна Мировой Бездны Черный Бог в первые дни творения. Отпечаток его руки навсегда остался на поверхности Алатыря, а значит — и на поверхности всех священных камней, в таком изобилии покрывающих земли Севера.

Глава 2

КАМНИ ВЕРШИН И КАМНИ ИСТОКОВ

Суть же скверные молбища их: лес и камене и реки и блата, источники и горы и холмы, солнце и месяц и звезды...

Архиепископ новгородский Макарий, в год 1534

Мы рассмотрели общее значение священного камня в структуре святилища. Но реальные древние святилища всегда были связаны с природой, с особенностями места, в котором они находились. И естественно, эти особенности ландшафта придавали специфику и святилищу в целом, и сакральным функциям самого камня. В этой главе мы поговорим об этом подробнее, но прежде нам придется сделать небольшой экскурс в геомантику — ту область сакральной географии, которая как раз и занимается сакральным (магическим) значением ландшафта.

Небольшое отступление в геомантику

Исторический анализ сведений о древних святилищах — в тех немногих случаях, когда он оказывается возможным, — показывает нам, что эти «места Силы», имеющие «определенную ориентацию» на ту или иную группу божеств, почти никогда не меняли ее с течением времени — даже при смене этнической принадлежности населения, использовавшего данное место, а иногда даже после прихода христианства. Так, известно, что храмы Ильи-пророка нередко появлялись на месте святилищ Перуна, храмы, посвященные св. Параскеве-Пятнице — на месте святилищ Макоши и т. д. Очевидно, существуют некие объективные характеристики места, определяющие характер его магии. Это прекрасно известно и народной магической традиции: для совершения разных магических действий многие знахари и деревенские колдуны предпочитают выбирать разные места.

Накопленный современными исследователями опыт позволяет нам утверждать, что одной из важнейших таких характеристик является рельеф конкретного места, что прекрасно согласуется с положениями иных, неиндоевропейских, но сохранившихся лучше, геомантических традиций, например, с китайским Фэн-Шуй.

Действительно, давайте задумаемся: и в магии, и в культовой ритуалистике огромное значение придается геометрической форме ритуальных предметов, четко разделяемых на два класса по соответствию «мужскому» или «женскому» принципу. Острые, вытянутые предметы, имеющие «не-вогнутую» поверхность, считаются «мужскими» — нож, посох, жезл. Напротив, предметы, обладающие вогнутыми поверхностями, определяются как «женские» — чаша, котел. С таким разделением связан, например, один из распространенных «плодородных» магических ритуалов — погружение ножа в ритуальную чашу.

Вернемся к сакральной географии.

Одинокий высокий холм стягивает к своей вершине «мужскую» силу, — чтобы увидеть это, не обязательно знакомиться с Фэн-Шуй или другими геомантическими учениями, достаточно просто почувствовать жизнь, дух этого холма — как горделиво, величественно возвышается он над равниной, утверждая свое солнечное «Я». Остроконечный холм — это ли не повторение на ином уровне мужского символа, отраженного в посохе и ноже? А глубокая долина, ограниченная отвесными склонами, закрытая от Солнца ветвями деревьев, вбирающая в себя воды дождей и ручьев, — чем не аналог колдовского котла? Долина хранит «женскую» силу, беспрепятственно стекающую с высоких холмов.

Любопытным доводом в пользу соотнесения положительных форм рельефа с мужским, а отрицательных — с женским началами может послужить известная на Руси средневековая традиция парного расположения монастырей на противоположных берегах реки: мужского — на высоком обрывистом, и женского — на низком залильном берегу ^{48}.

Необходимо вспомнить и о священном браке Земли и Неба, известном индоевропейской традиции; Небо (в котором находятся вершины холмов) всегда связывается именно с мужским принципом, а Земля (в которую погружены долины) — с женским. Согласно Фэн-Шуй, там, где долины уравнивают холмы, где гармония Инь и Ян рождает чистую Ци, — там идеальное место для жизни...

Однако здесь данная область сакральной географии интересует нас лишь постольку, поскольку к разным формам рельефа привязаны святилища разных типов и, соответственно, — священные камни, имеющие различный «характер» — как магический, так и мифологический.

Прекрасным примером четкой привязки (в геомантическом контексте) конкретного божества или Силы к конкретному типу ландшафта могут послужить проци — очень широко распространенные на славянских землях святилища местного, как правило, значения. В Центральной России, например, таких святилищ можно насчитать десятки — а то и сотни — в любой области, в том числе и в Московской. Наиболее характерные их черты — наличие источника, называемого святым или целебным, расположение в заросшей долине или низинном лесу и почитание в этом месте св. Параскевы Пятницы, а в более поздние времена — Богородицы.

Здесь стоит остановиться несколько подробнее, поскольку и сами проци, и связанный с ними круг магических и религиозных представлений видятся нам очень интересными.

Кульм Святой Пятницы неоднократно уже становился предметом серьезных этнографических исследований ^[49]. Связь этой святой с источниками и родниками (в том числе — и со священными) была известна еще самым первым исследователям славянского фольклора. «Св. Параскева считается покровительницею воды и имеет, по народному взгляду, особую близость к ней. На это верование указывают существующие в народе предания о том, что образ св. Параскевы чудесно являлся иногда на воде, на реке, или в колодце, вследствие чего вода приобретала особую силу...» ^[50]

Вот один из многочисленных примеров такого чудесного явления, описанный С. В. Максимовым ^[51]: «В Муромском уезде Владимирской губернии, в селе Спас-Сечен, рассказывают о недавнем случае, относящемся приблизительно к 1881–1882 гг. истекшего столетия, по поводу явления новой чудотворной иконы Параскевы Пятницы. Один крестьянин, проездом мимо суглинистого холма, вблизи села, заметил вновь пробившийся ключ. Подивился он и забыл. Но напомнил о том тайный голос, говоривший во сне одной богомольной старушке: «Иди к горе, увидишь у подножия ключик, а в нем чудотворную икону. Вынь ее и вели мужичкам строить тут часовню». Народ старухи не послушался, а икона, поставленная в церкви священником, — «ушла» и вновь, как была, с ликом св. мученицы Параскевы в серебряном окладе, оказалась на дне источника. Так повторялось до трех раз, пока над родником не построили часовню и не списали копию с иконы, которую тут же и повесили. Случилось, однако, так, что, в первый же год по явлении, одна баба, бывшая «с придурью», вздумала взять из колодца воды для стирки белья. Тотчас же вода в нем пропала, а через несколько дней источник пробился в другом месте, позади часовни. Новый колодец существует до сих пор, считаясь целебным...»

Как неоднократно указывалось исследователями, народный культ Святой Пятницы практически полностью повторяет древний культ Богини-Матери Макоши — богини судьбы и плодородия. Любопытно, что культ этот, остававшийся живым очень долго, сохранил даже некоторые формальные стороны древнего языческого культа — такие, например, как почитание «идолов» и жертвоприношения. С. В. Моряков, например, описывает следующее в одной из своих работ: «...даже в советский период в разоренной Троицкой церкви погоста Отолово Тверской области крестьяне продолжали поклоняться деревянной скульптуре «Матушки Пятницы». Местный благочинный архимандрит Нилово-Столбенской пустоши Вассиан немало сокрушался по поводу идолопоклонничества «Пятнице», но, будучи человеком мудрым, оставил свои претензии. И сегодня в возобновленном приходе, в теплой церкви, вы найдете разодетую статую. Матушке Пятнице несут платки, чулки, шерсть и другие женские подношения как покорительнице пряж, ткачих, женского ремесла и торговли. Рядом с погостом у древнего

камня-следовика ежегодно совершались молебны в связи с культом Пятницы» [152](#) _.

Этот пример интересен нам еще и тем, что здесь упоминается связанный с культом Пятницы/Макоши почитаемый камень. Хотя автор и не упоминает о существовании здесь в древности посвященного Макоши святилища-прощи, но такой вывод напрашивается сам собой: в его пользу говорит и устойчивость культа Пятницы, и наличие священного камня... Это далеко не единственный такой случай; камень присутствует на многих прощах, особенно — в северной части Руси, в Тверской, Новгородской, Псковской и других областях.

Одно из таких святилищ Богини, центром которых являются родник и камень, было подробно исследовано нами в 1994–1998 годах [153](#) _ . Речь идет о достаточно известном сейчас Киндяковском святилище на севере Московской области.

Из полевого дневника:

15.04.1994.

У впадения безымянного ручья в р. Кимершу,

к В от дороги, к ЮВ от села

[...]

Не верится, что это Подмосковье, и даже не дальше.

Чуть ниже по течению реки — поляна ондатровых нор, чуть выше — бобровые постройки. Прекрасный смешанный лес на вершине холма обилен следами лосей и кабанов. Ничего не боясь, выходит к дороге олень... Все правильно, все сходится. Все дороги ведут в Рим. Не одному только человеку дано ведать места Силы.

Впадающий здесь с востока в Кимершу ручей течет по глубокой затененной и заболоченной лощине.

Вот и Камень. Два шага в длину, шаг в ширину. Ровные, словно отесанные грани. Серый кварцит, принесенный ледниками в незапамятные времена откуда-то с Севера...

Впервые это святилище было описано два десятилетия тому назад Ю. М. Золотовым [154](#) _, которому, как первооткрывателю, мы и предоставим слово:

«Сейчас Камень полузабыт, а когда-то известность о нем распространялась километров на двадцать вокруг. Он имел славу целителя от всяких болезней, но более всего — от детских. Сюда несли тяжелобольных детей и проделывали следующее. Набирали из ручья ковшиком воду и «скатывали», т. е. обливали ею Камень, собирая стекавшую воду в особую посудинку. Этой водой, считавшейся целительной, чудодейственной, обмывали больного дитя, надевая после этого на него новое белье. [...] Народная молва утверждала, что результаты такой процедуры могут быть двоякого рода (что вообще характерно для памятников такого типа): «если ребенку суждено жить, то он сразу после омовения пойдет на поправку, а коль суждено умереть — быстро зачахнет». Популярность Камня в старину была очень велика...»

Действительно, предания, связанные с Киндяковским камнем, достаточно типичны. Народная молва, как уже упоминалось, издревле приписывала воде, коснувшейся поверхности священных камней, целебную силу. Если камень — чашечник или следовик, целебную считалась вода, скопившаяся в его углублениях; если же камень, как и Киндяковский, не имел углублений, то воду «скатывали» по его поверхности. Но другие детали выделяют если не сам камень, то связанное с ним святилище-процу из ряда ему подобных. Во-первых, это легенда о том, что камень некогда приплыл сюда по реке в дни Купалы (хотя известно и несколько других схожих преданий, связанных со священными камнями). Во-вторых, само расположение Камня — у слияния трех ручьев, что само по себе говорит о волшебстве этого места. И в третьих — упоминание о том, что максимальной силы волшебство Камня достигает именно на Купалу.

Любопытно, что эта связь между водой, священным камнем и временем летнего Солнцеворота прослеживается в связанном с почитаемыми камнями фольклоре достаточно часто. Так, например, в Британии, на юге Уэльса (в Гламоргане), находится Коэтан Артур, знаменитое древнее захоронение. Могильная камера погребения, находящегося на высоком берегу моря, сложена из каменных плит; в шутку говорят, что покровной плитой для этой камеры стал камешек, попавший в туфлю короля Артура и вытряхнутый им на этом месте. По легенде, две ночи в году — в канун Дня Всех Святых и в канун Иванова Дня — этот камень спускается на берег, чтобы искупаться в морской воде. Эта могила до сих пор почитается у местных жителей; в полную луну к камню приносят пирожки и кусочки тортов, и девушки, желающие обеспечить себе верность возлюбленных, семь раз медленно обходят вокруг него...

И все же в целом Киндяковское святилище можно, вероятно, считать классическим примером прощи, святилища Богини-Матери. Давайте попытаемся представить себе, как могли видеть это святилище древние — попытаемся отойти от представлений о «скверных молбищах» и взглянуть на данное место Силы с точки зрения Традиции.

Итак, Камень. Будучи центром всего комплекса, священный камень в данном случае является символом Центра Мира, воплощением архетипа Мирового Древа или Мировой Горы — так же, как воплощает этот архетип новогодняя елка у нас дома. Далее, — источник, ручей, текущая вода у подножия Камня... Реки, берущие начало в Центре Мира, под бел-горюч камнем Алатырем! — но не только. Это еще и Источник Судеб Мирового Древа, источник, у которого, согласно северной мифологии, богини судьбы спрядают нити судеб всего сущего:

«20. Ясень я знаю
по имени Иггдрасиль,
древо, омытое
влагою мутной;
росы с него
на доли нисходят;
над источником Урд
зеленеет он вечно.

21. Мудрые девы
оттуда возникли,
три из ключа
под деревом высоким;
Урд имя первой,
вторая Верданди, —
резали руны, —
Скульд имя третьей;
судьбы судили,
жизнь выбирали
детям людей,
жребий готовят».

(Старшая Эдда)

В самом сердце Мира, у корней Мирового Древа, возле священного источника Урд, живут три девы — норны, — имена которых: Урд, Верданди и Скульд, что значит «Судьба», «Становление» и «Долг». Эти девы прядут волшебную пряжу, определяющую судьбы всего сущего. Спрядаемая нить человека начинается в момент рождения и рвется, когда человек умирает. Пряжа доброго и счастливого человека — ровная и гладкая, злого и несчастного — драная и покрытая узлами. Никто не может противиться воле норн — даже боги...

Еще одна черта народного культа св. Пятницы, отмеченная уже первыми исследователями, была полностью интерпретирована уже в нашем столетии. По всем восточнославянским землям простой народ всегда помнил об особой, даже загадочной, связи св. Параскевы Пятницы с прядением. Достаточно добавить к этому повсеместно же распространенное поверие о том, что

св. Пятница изменяет судьбу (наказывает, например) плохо ее почитающих, и перед нами предстанет общеиндоевропейский образ богини судьбы и священных вод, — богини, спрядающей судьбу каждого человека.

Божественные пряжи, спрядающие нити судеб, известны магическим и религиозным традициям всех индоевропейцев. Сравните, например, со сказанным выше греческие представления о трех мойрах, две из которых — Клото и Лахезис — спрядают нить жизни, а третья — Атропа — обрезает ее. Славянская мифология — не исключение, здесь аналогом норны выступает все та же Макошь, чье имя допускает интерпретацию «Мать Жребия» или «Мать Судьбы» [f561](#). Снова, как видим, образ св. Пятницы прекрасно «укладывается» в образ Макоши...

«То, что вверху, как то, что внизу». Древний, как мир, принцип магии. Где-то там наверху, далеко-далеко, у священного источника богов, сплетает Богиня судьбы людей. А здесь, внизу, те же люди приносят больных детей к слиянию трех вод, к отражению того, божественного, источника и вопрошают Мать Жребия... «Коли суждено ребенку жить, то сразу после омовения пойдет он на поправку, а коль суждено умереть — быстро зачахнет...»

На вершине Мировой Горы

Как святилище у Киндяковского Камня четко привязывается к женской, иньской половине Силы, так же другое исследованное нами славянское святилище — Александра гора на Плещеевом озере — оказывается связанным с Силой мужской. О нем-то мы и расскажем в качестве примера святилища на высоком холме [1571](#).

Совсем небольшой участок озерного побережья, центром которого является святилище, столь богат археологическими и историческими памятниками, что в литературе нередко употребляется термин «Клецинский комплекс». Финские (мерянские) и славянские захоронения, поселения древних финнов, Клецино — славянское городище (одно из древнейших в этих землях), несколько священных источников, само святилище — Александра Гора, и, конечно, знаменитый на всю Россию Синий Камень, о котором у нас еще будет речь...

Первое укрепленное поселение здесь, на западном побережье Плещеева озера, появилось уже около двух тысяч лет тому назад. Эту вершину (которую спустя много веков назовут Александровой Горой), — вершину, на три десятка метров возвышающуюся над поверхностью озера и отделенную от остального берегового массива двумя глубокими оврагами, выбрали для поселения древние финны, обитавшие тогда в этих землях. Они же срыли перешеек, связывающий вершину с соседними холмами (таким образом, что он превратился в сильно вогнутую седловину), и насыпали саму Гору, превратив ее в неправильный конус с плоской вершиной.

В настоящее время Гора представляет собой обособленный от материнского берегового плато холм, вершина которого, именуемая в народе «Ярилова Плешь», образует ровную, почти горизонтальную площадку более 50 метров длиной и около 20 шириной.

Несомненно, что главной целью работ было улучшение фортификационных качеств укрепления на холме; однако нельзя в то же время не обратить внимания и на то, что в результате весь связанный с холмом ландшафтный комплекс оказался ориентированным по сторонам света: его ось, отнюдь не перпендикулярная, как следовало бы ожидать, береговой линии, проходит через плоскую вершину, седлообразный перешеек и прилегающий к нему мыс берегового плато строго с юга на север. К сожалению, мы не можем сейчас однозначно утверждать, что такая геометрия была намеренно спланирована древними зодчими, однако принимать во внимание самый факт ее существования при исследовании с точки зрения сакральной географии — необходимо.

Вероятно, уже тогда — во время существования укрепленного финского поселения — на южном, обращенном к озерным просторам, краю площадки на вершине Горы было святилище, а ко времени появления на берегах Плещеева озера первых славян-поселенцев (вторая половина I тысячелетия) Гора, судя по всему, уже не имела значения населенного («крепостного») пункта и служила сугубо сакральным целям. По мере славянизации этой земли и возникновения северо-восточных славянских племенных союзов и княжеств, святилище теряло свое значение как место отправления финно-угорских языческих обрядов и становилось постепенно святилищем славянским. От имени языческого бога, которому было посвящено святилище славянами, и произошло древнее название плоской площадки на его вершине — «Ярилова Плешь».

Святилище и окружающие его земли интересны не только своей историей, но и определенным «традиционалистским» консерватизмом жителей. До начала XX столетия в этих местах не прерывалась преемственность весенних праздников, некогда посвященных Яриле и описанных, например, Пришвиным. Разумеется, «срамные и богопротивные» языческие действия не могли после крещения Руси происходить на самой вершине, где, лихорадочно сменяя друг друга и не задерживаясь надолго, появлялись то православный храм, то хоромы Александра Ярославича, то целый монастырь. Но они, эти действия, сохранялись и жили, сохраняя, вероятно (как и вся народная культура этих мест), древние, еще финские элементы традиционных культов. В какую древность следует нам отнести возникновение здесь, на этом холме, первого святилища мужских сил плодородия — к появлению финнов (рубеж н. э.) или, быть может, к еще более давним временам, когда пришли сюда фатьяновцы (бронзовый век), носители арийской культуры боевых топоров? Или — к еще более древним охотникам волосовской культуры?..

Однако перейдем к предмету, имеющему самое непосредственное отношение к теме этой книге — к знаменитому Синему (или Синь-) Камню, прямо связанному со святилищем Александровой Горы.

В свое время Синий Камень, огромный ледниковый валун более 12 тонн весом, служил алтарной плитой святилища на вершине Александровой Горы. С приходом христианства Камень, как водится, был объявлен «мерьским богом» ^[58] и окружен разного рода запретами. И все же: «Бысть во граде Переславле камень за Борисом и Глебом в бояраку, в нем же вселился демон, мечты творя и привлекая к себе ис Переславля людей: мужей и жен и детей их и разсеая сердца в праздник великих верховных апостолов Петра и Павла. И они слушаху его и стекахуся из году в год и творяху ему почесть...» («Житие святого Иринарха», XVII век).

Разумеется, такая ситуация православную церковь не устраивала, и посему Синь-камень без лишних церемоний был сброшен с вершины... Существует несколько версий относительно того, когда именно это произошло. Согласно одной из них, это случилось в 1788 году — непосредственно перед тем, как началось фантастическое путешествие Камня по дну озера (впрочем, об этом чуть позже), — но эта версия, скорее всего, ошибочна. Согласно другим источникам, Камень был сброшен с вершины Горы на полтора века раньше — по специальному распоряжению Василия Шуйского. Третья версия предполагает, что Камень был свергнут со своего места вскоре после крещения Руси, и пожар Клещина, после которого город и был перенесен на место нынешнего Переславля, последовал непосредственно за сим актом. Но это уже, скорее, легенда...

Так или иначе, но к XVII веку, когда была совершена первая попытка сокрыть Камень от «язычествующих» жителей округи, он уже находился в овраге («в бояраку») у подножия Горы. Как говорит все то же «Житие святого Иринарха», приказ зарыть Камень в землю («вринуту в яму») был приведен в исполнение неким дьяконом из Переславля, выкопавшим глубокую яму,

столкнувшим в нее Камень и засыпавшим его землей. Само собой разумеется, дьякону это ничего доброго не принесло; Камень же, спустя некоторое время (называется срок около полутора десятилетий), снова оказался на поверхности, продолжая «мечты» творить и привлекать «к себе ис Переславля людей: мужей и жен и детей их... И они слушаху его и стекахуся из году в год...» Это, в общем-то, не совсем легенда, это — исторический факт.

С тех пор Камень более не оставался на одном месте надолго. В 1778 году была предпринята новая попытка прекратить поклонение Камню — было решено упрятать его под фундамент одной из строящихся в Переславле церквей. Дело было зимой; Камень погрузили на большие сани и по льду озера повезли в Переславль. Однако на середине озера лед под санями подломился, и Камень затонул на довольно значительной глубине. Спустя некое время переславские рыбаки, ежегодно отмечавшие положение камня, заметили, что камень движется по озерному дну; действительно, спустя шестьдесят или семьдесят лет с момента затопления Синий Камень вновь оказался лежащим на берегу озера, на сей раз — в нескольких сотнях метров севернее святилища. И это тоже не легенда.

Сейчас Камень тоже неспокоен. Еще несколько десятилетий назад он лежал на некотором расстоянии от береговой черты и возвышался над землей как минимум на метр с лишком. Ныне же он полускрыт камышами, и южную его грань в штормовую погоду лижут озерные волны...

Глава 3

ЧАШИ, ЖЕРТВЕННИКИ И АЛТАРИ

Камни-чашечники, т. е. камни с небольшими (как правило, в несколько сантиметров диаметром) чашеобразными углубления, достаточно хорошо изучены и описаны на территориях Прибалтики, Беларуси, Русского Севера, в ряде западноевропейских стран [{59}](#). Как геометрия «чашек», так и их количество могут быть очень различны. Известны камни с «чашками», имеющими строго цилиндрическую форму, и с «чашками», представляющими собой неглубокие лунки, словно вдавленные пальцем (такие камни иногда называют «перстовиками»). Количество же «чашек» на камне может меняться от одной-двух до сотни и даже более.

Большинство исследователей связывает их с культом предков и богов Нижнего Мира, о чем свидетельствует как археологическое окружение известных памятников этого типа, так и этнографические данные. В археологическом отношении наиболее характерной чертой «чашечников» является их привязка к погребальным сооружениям. Так, например, Ю. В. Уртанс, описывая «чашечники» Латвии (которых насчитывается около двух с половиной сотен), указывает, что «в местах наибольшей концентрации валунов с углублениями они находятся в комплексах с могильниками, поэтому можно предположить, что рассматриваемые памятники связаны с культом умерших» [{60}](#). К аналогичному выводу приходят А. А. Александров на материале «чашечников» Псковской области [{61}](#), М. В. Шорин — на материале Новгородской земли [{62}](#) и т. д. С точки зрения этнографии о связи камней-чашечников с культом предков свидетельствуют неоднократно зафиксированные в восточно-балтийском регионе и уже упомянутые нами выше предания о том, что сквозь «чашки» в священных камнях предки смотрят на наш мир и т. п. Так, например, Л. Василявичюс пишет об одном из таких камней, цитируя записанный в Пелесе (Литва) рассказ: «На горе Грунтас есть камень, на котором выбито около ста ямочек. Каждый человек выбивал себе отдельную ямочку и через нее обращался к умершему здесь пастуху Антанелису» [{63}](#).

Сейчас уже установлено, что в древности многие «чашечники» служили жертвенниками. А. В. Курбатов, например, описывает результаты археологического исследования местонахождения священного камня у городища Имбаре в Кретингском районе Литвы: «На его верхней стороне зафиксировано 75 чашевидных выемок диаметром 3–6 см и глубиной 0,5–2 см при раскопках под валуном открыта площадка диаметром 6 метров, вымощенная мелкими колотыми камнями. На ней сохранились следы горевшего костра. Это жертвенное место отнесено ко времени заселения городища в первой половине I тысячелетия до н. э.» [{64}](#)

Нередко камни с «чашками» не самостоятельны, но являются частью святилища того или иного типа. Одно из таких, вероятно, святилищ в Литве описывает Василявичюс Л.: «В Жемайтии, в поселке Тришкяй, на правом берегу реки Вирвите, рядом с новым мостом били три родника, один из которых уже завален. Рядом с родниками в окружении шести более маленьких камней лежит валун-перстовик 100 x 70 x 50 см. На его плоской верхушке выбито около сорока ямочек диаметром до 2 см и глубиной до 0,5 см. Местные люди рассказывают, что на этом месте стояла кузница». На территории России нам также неоднократно доводилось сталкиваться с «чашечниками», являющимися частью культовых комплексов, в том числе мегалитических.

В целом, следует отметить, что сами по себе выбитые в камне «чашки» достаточно «универсальны» и встречаются не только на территории Европы и не только на камнях-чашечниках. Их можно встретить на поверхности многих мегалитических сооружений Западной Европы и Кавказа (на менгирах и дольменах), на поверхности скальных выходов, где они могут соседствовать с петроглифами. Конкретный ареал распространения каменных «чашек» обозначить практически невозможно: в том или ином количестве они известны практически во

всех странах мира. Так, например, в США (в штате Вашингтон) находится почитавшийся индейцами «Небесный Камень», в котором выбито около двух десятков «чашек».

По многим параметрам, как функциональным, так и генетическим, камни-чашечники представляются весьма похожими на гораздо лучше изученные в Центральной России камни-следовики, речь о которых пойдет в следующей главе. Действительно, углубления в камнях двух этих типов (соответственно «чашки» и «следы») равно могут быть как искусственного, так и естественного происхождения, причем в большинстве случаев достоверно выяснить это не удастся. Как «следовики», так и «чашечники» связаны в народной традиции с лечебной магией: дождевая вода, собирающаяся в их углублениях, почитается целебной. И со «следовиками», и с «чашечниками» часто связаны легенды, в которых действуют либо «нечистая сила» (например, «Чертов след», «Чертов камень» и т. д.), либо, напротив, персонажи божественные («Перунов камень», «Божий камень» и т. д.). Есть и некоторые общие закономерности в расположении камней обоих данных типов.

Все это заставляет нас предполагать, что культы чашечных камней и камней-следовиков сосуществовали параллельно, а возможно, и просто представляют собой два варианта одного культа. Если это действительно так, то одного данного вывода достаточно, чтобы усомниться в еще не столь давно распространенном мнении об отсутствии чашечных камней в средней полосе России, где изучены и описаны десятки «следовиков». Однако есть и фактический материал, причем объем его последнее время постоянно возрастает.

Один из «официально признанных» камней-чашечников был описан в 1987 году Калужской экспедицией ИА АН СССР в урочище «Чертово городище» в Козельском районе Калужской области. Камень однозначно был определен как культовый; археологи дают ему следующее описание: «Камень с небольшими воронкообразными углублениями. Видимая его часть имеет форму трапеции 67×115×105 см, возвышающейся над дневной поверхностью на 5-20 см. В центральной его части сделаны 6 углублений диаметром 2–7 см и глубиной 4-20,5 см» [{65}](#). Калужский исследователь А. Перепелицын, однако, считает, что чашек на этом камне около двух десятков [{66}](#).

Найдены чашечные камни и в других областях Центральной России: в Тверской [{67}](#), в Ярославской [{68}](#) и др. Существуют данные по предположительным «чашечникам» на территории Москвы [{69}](#). По сообщению В. Н. Шавырина, в г. Богородицке Тульской области, в городском парке находится «странной формы камень с просверленными в нем 270 небольшими отверстиями. Отверстия, расположенные по спирали, складываются в змею» [{70}](#).

Там же, в Тульской области, ряд чашечных камней был обнаружен и нами в ходе Донской экспедиции 2000 года: в районах населенных пунктов Красный Холм (верховья р. Непрядвы), Белоозеро (Кимовский р-н), Сабурово (Куликово Поле). Во всех трех случаях встреченные нами камни-чашечники не являются самостоятельными, но принадлежат мегалитическим культовым комплексам, контролируемым другими, более «важными», камнями. Так, на Белоозерском святилище чашечный камень сопровождает менгир, образующий сакральный центр комплекса; на Краснохолмском святилище, о котором речь пойдет несколько ниже, многочисленные «чашки» находятся на одном из фасов главного культового камня, и т. д.

Жертвенники Старых Богов

Как известно, важнейшее место в структуре практически любого традиционного ритуала занимает акт принесения жертвы — не важно, доминирует ли он в ритуале или выполняет внешне второстепенную функцию. Соответственно, большинство традиционных святилищ в качестве одного из своих элементов содержат жертвенник, т. е. некий сакральный объект, на котором и совершается собственно жертвоприношение. И совершенно естественно, что в индоевропейской Традиции, в которой камень имеет такое большое сакральное значение, в качестве жертвенника очень часто выступает именно камень.

Классическим вариантом традиционного каменного жертвенника можно, вероятно, считать камень (необработанный или обтесанный для придания определенной формы) с «чашей»-углублением на верхней поверхности, предназначенным как для собственно жертв и даров, так и, нередко, для сбора дождевой или росной воды. Такого рода жертвенники, представляющие собой каменные кубы или цилиндры с углублением наверху, использовали еще древние этруски; в северных землях камень-жертвенник подвергался значительно меньшей обработке, но углубление-«чаша» сохранялось неизменно.

Можно говорить о том, что по своим функциям эти северные жертвенники приближаются к камням-чашечникам (в углублениях которых нередко оставались маленькие жертвы предкам); более того, небольшие лунки на «чашечниках» и «перстовиках» можно рассматривать как миниатюрные «чаши» больших жертвенников (что, собственно, и побудило нас объединить их в одной главе). И тем не менее различие между ними принципиально — прежде всего потому, что для «чашечников» функция жертвенника является в большинстве случаев второстепенной.

Наиболее ярким примером древних европейских камней-жертвенников являются, несомненно, балтские каменные жертвенники, широко распространенные на территории Литвы и Латвии [{71}](#). Всего их известно около трех сотен; большинство из них (так называемые «аукшайтийские жертвенники») представляют собой плоские валуны, на верхней грани которых высверлены и отполированы «чаши» диаметром около 10–20 см и глубиной около 10 см или чуть более того. Значительно меньше (около 40) известно литовских жертвенников с отесанными боковыми и торцевыми (верхней и нижней) поверхностями («жемайтийские жертвенники»). Этот тип древних каменных алтарей распространен в основном в западной части Литвы; они характеризуются большими размерами (высотой около метра) и достаточно широкими жертвенными «чашами» (иногда более 50 см в диаметре), имеющими вертикальные цилиндрические стенки и, нередко, специфический рельеф дна (середина дна бывает приподнята).

Но, разумеется, Прибалтика не является единственным регионом, где можно встретить подобные священные камни с выдолбленными или высверленными в них «чашами» для жертвоприношений. Аналогичные жертвенники известны практически по всей Европе; так, например, похожий на «аукшайтийские жертвенники» камень с высверленной в нем чашей находится в Шотландии, на склоне горы Arthur's Seat («Сиденье Артура») над Эдинбургом. Вполне допустимо предполагать, что подобные жертвенники являются традиционными для индоевропейцев в целом или, как минимум, для северо-западной их ветви.

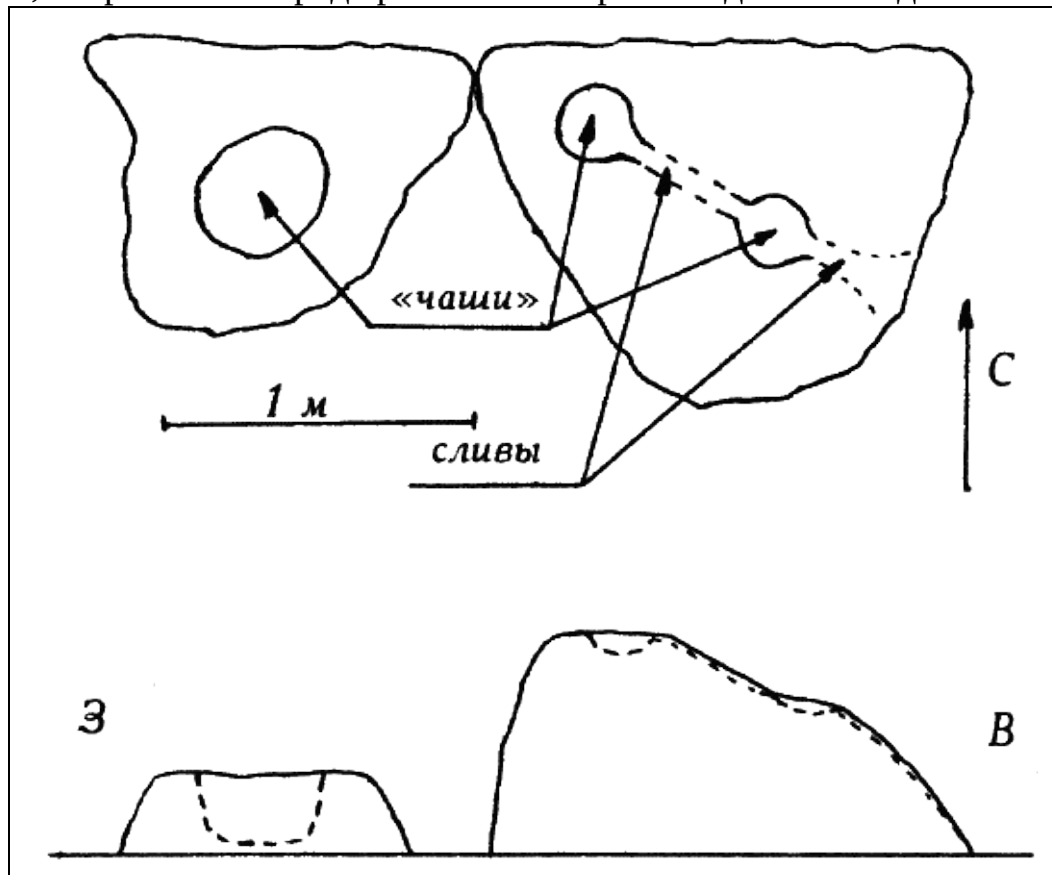
Несколько лет назад, в ходе Донской экспедиции 2000 года мне довелось впервые описать аналогичные жертвенники и на территории Русской равнины [\[72\]](#). Помимо отдельных священных камней, экспедицией 2000 года были изучены и описаны четыре мегалитических культовых комплекса (капища), из которых два были обнаружены впервые (в результате специального опроса местных жителей). Священные камни, образующие сакральные центры двух этих святилищ — Козьинского и Краснохолмского, — принадлежат новому, доселе на территории России неизвестному, типу культовых камней-мегалитов, условно названному нами «камнями с жертвенными чашами».

Первое из названных святилищ расположено близ с. Козье, находящегося на р. Красивая Меча, у дороги на д. Солдатское. Святилище менее чем на 1 км удалено от берега реки и знаменитого Конь-Камня, описанного еще А. Н. Афанасьевым, Н. И. Троицким и другими авторами, что позволяет предполагать существование в прошлом некоторой связи между этими комплексами.

Святилище представляет собой россыпь достаточно больших необработанных камней из местного розовато-серого плотного кварцевого песчаника, находящуюся на заросшей травой незначительной (менее 1 м) возвышенности. Возвышенность имеет естественно-геологическое происхождение и образована, вероятно, коренным выходом того же песчаника.

Два камня, образующие сакральный центр святилища, находятся в восточной части каменной россыпи и окружены прочими камнями с севера, запада и юга. Камни составлены впритык один к другому по линии запад-восток; размеры меньшего, западного, камня составляют 1,1×0,9 м, размеры большего, восточного — 1,60×1,1 м.

Видимая часть западного камня представляет собой плоскую плиту, выступающую над поверхностью земли в среднем на 20 см. В центре плиты находится искусственное округлое чашеобразное углубление размерами 36×46 см. Вероятно, данная каменная плита представляет собой своего рода алтарь или жертвенник, в «чашу» которого возливалась или возлагалась жертва (мед, пиво, кровь; мясо, сельскохозяйственные продукты и т. п.). Возможно, впрочем, что «чаша» использовалась как ритуальный очаг, — обряды, связанные с возжиганием огня на культовых камнях, сохранились в ряде районов Северо-Запада России до наших дней [\[73\]](#).

Как уже говорилось, каменные жертвенники такого типа на территории Центральной России описываются впервые. Единственной возможной параллелью может оказаться один из культовых камней упомянутого уже урочища Чертово городище в Калужской области. А. Перепелицын описывает этот камень так: «Находится он в нескольких десятках метров от «чашечного» и интересен вырубленным в нем (явно искусственным) глухим отверстием в форме неправильного пятигранника с ребрами по 15–25 см и глубиной до 40 см» [\[74\]](#). Однако однозначно утверждать однотипность данного памятника и западной алтарной плиты Козьинского святилища (пока, по крайней мере) невозможно.

Второй, восточный камень, имеет максимальную высоту 70 см. Верхняя его грань имеет весьма значительный наклон к востоку, так что к алтарной плите камень примыкает самой высокой своей частью. На верхней грани камня находятся — одна над другой — две округлые «чаши» диаметром 20–25 см. Из верхней, более четко выработанной и более глубокой «чаши» в нижнюю, почти плоскую, ведет врезанный в камень слив. Похожий же слив ведет из нижней «чаши» к грунту.

Без проведения специального исследования невозможно однозначно утверждать, что система «чаш» и сливов восточного камня святилища рукотворна. Однако и предполагать полностью естественное происхождение этой сложной системы также вряд ли допустимо. Наиболее вероятным представляется «промежуточный» вариант — искусственная доработка естественных выбоин и иных неровностей камня. В конечном итоге, вопрос о рукотворности чаш и сливов не так уж важен, — на примере «чашечников» и «следовиков» нам известно, что в древности в качестве культовых объектов использовались как камни с естественными углублениями, так и камни с углублениями, выбитыми искусственно.

В целом Козьинское святилище производит впечатление тщательно продуманного культового комплекса, в котором нет случайных элементов. Ориентация сдвинутых впритык камней по оси запад-восток наводит на мысль о традиционной фундаментальной диаде Смерть-Жизнь, каждый из компонент которой ассоциируется в сакральной Традиции с определенной стороной света (Смерть — запад, Жизнь — восток). Если это такое сопоставление верно, то на жертвеннике западного камня, за которым в моменты Равноденствий заходило («умирало») солнце, в древности совершались жертвоприношения хтоническим богам, богам Смерти, Иного Мира, магии. Напротив, чаши и сливы восточного камня, за которым солнце восходило («рождались»), могли служить для сбора дождевой и росной воды. На этнографическом материале всей Европы реконструируется почтительное отношение к воде, скапливающейся в углублениях священных камней, — повсюду такая вода считается целебной, святой и т. д.

В этом отношении очень интересно вспомнить чрезвычайно распространенный в славянском фольклоре и эпосе архетипический мотив Живой и Мертвой воды. Исцеляющая, волшебная вода, скапливающаяся в «чашах» восточного, «рассветного» камня в этой связи может быть ассоциирована с Живой водой, а вода, собирающаяся в жертвеннике алтаря Черных богов, — с водой Мертвой...

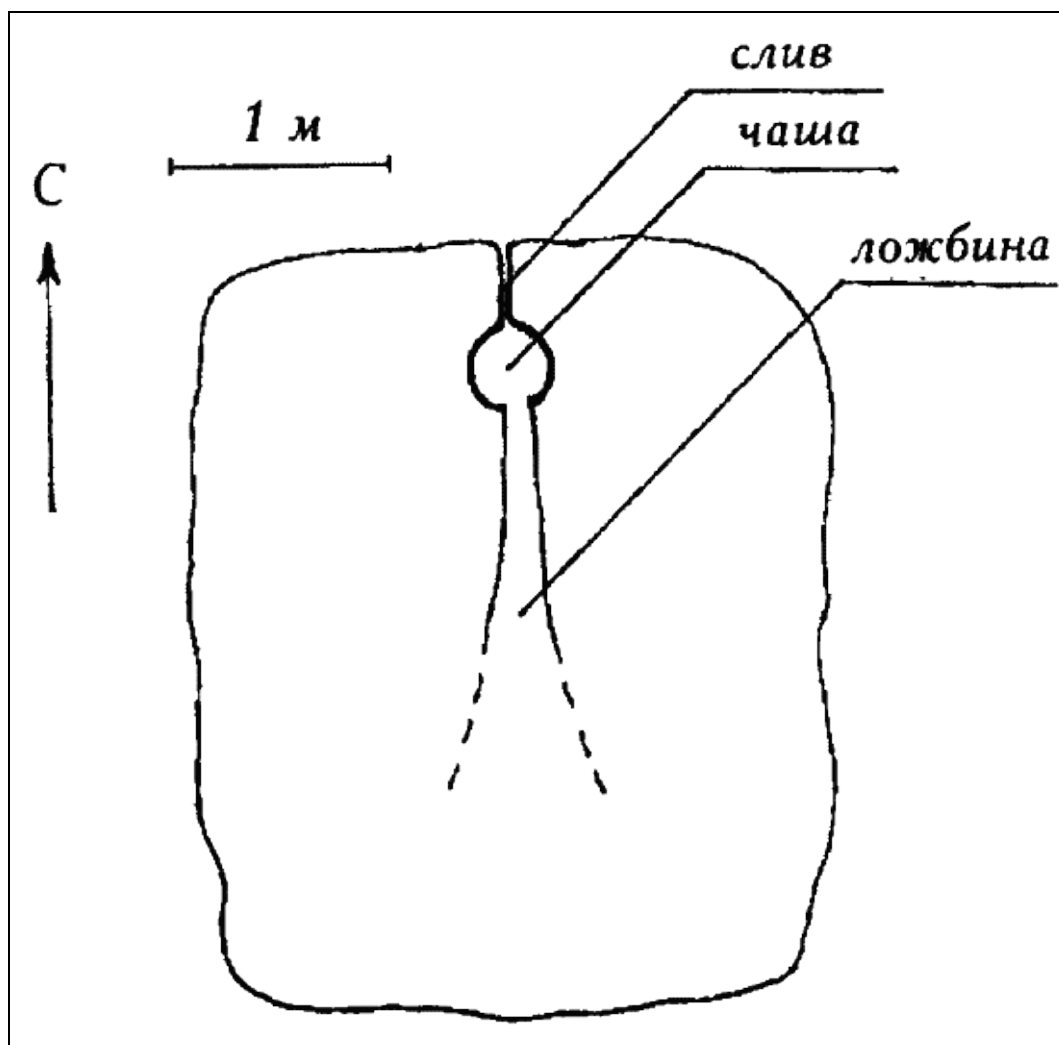
Систему «чаш» и сливов восточного камня Козьинского святилища можно было бы считать единственным в своем роде артефактом или, быть может, простой игрой природы, если бы в совсем другой точке Тульской области (примерно в полусотне километров от д. Козье) нами не был бы обнаружен священный камень с аналогичной, хотя и отличающейся системой. Речь идет о втором неопisanном ранее мегалитическом культовом комплексе, первооткрывателями которого нам выпала честь стать, — о Краснохолмском святилище.

Краснохолмское святилище расположено неподалеку от истоков р. Непрядва в глубокой балке, почти полностью заросшей дубами. Находящиеся в балке камни почитаемы до сих пор; о них прекрасно знают жители всех окрестных деревень, что, вероятно, свидетельствует о высоком «статусе» святилища в прошлом. По словам местных жителей, еще совсем недавно в балке, у камней, люди собирались со всей округи на Троицу ^[75].

Любопытно отметить, что, несмотря на «широкую известность» культового комплекса среди местных жителей, о нем ни словом не упоминает Н. И. Троицкий в своей книге, где весьма подробно описывает почитаемые камни бассейна Непрядвы, обрядовые места, археологические памятники и т. д. ^[76] Этот факт наводит на совершенно конкретные размышления: можно предполагать (хотя и бездоказательно), что это место, до сих пор сохранившее значение обрядового, полтора века тому назад почиталось настолько священным, что окрестные крестьяне просто скрыли его от «заезжего барина»...

Комплекс занимает значительную часть долины (более полукилометра) и представляет собой россыпь камней (в том числе огромных) розовато-серого очень плотного кварцевого песчаника. Возможно, что некоторые из особенно больших камней представляют собой естественные выходы песчаника в коренном залегании. Сакральное значение имеют, вероятно, несколько камней, находящихся в разных местах долины, но «главенствующее» положение явно занимает большой чашечный камень в восточной ее части.

Данный камень имеет в плане приблизительно прямоугольную форму (3,65×3,00 м) и возвышается над дневной поверхностью примерно на метр. Длинные боковые грани камня ориентированы меридионально. Масса камня превышает, предположительно, два десятка тонн.

По оси камня проходит широкая и достаточно глубокая в центральной части ложбина, завершающаяся стоком в круглую, правильной формы «чашу» диаметром 36 см. Из чаши до поверхности земли ведет глубоко врезанный в камень и расширяющийся книзу слив общей длиной около полуметра. В целом вся система ложбины, «чаши» и слива вытянута вдоль одной линии, причем ось системы ориентирована строго по линии север — юг. Несмотря на то, что в данном случае на поверхности камня находится только одна «чаша» (а не две), мы явно имеем дело с аналогом восточного камня Козьинского святилища. Учитывая то, что два этих комплекса находятся достаточно далеко друг от друга, мы можем говорить о выделении нового типа культовых камней, условно названного нами «камнями с чашами со сливом».

Дополнительным аргументом в пользу выделения данного нового типа священных камней может служить существование аналогичного артефакта в Калужской области, на уже неоднократно упомянутом нами Чертовом Городище. В восточной его части А. Перепелициным и другими исследователями описан еще один камень, на котором четко выделяются три глубокие «чашки», соединенные проточной канавкой и представляющие собой своего рода «каскад».

Отметим также, что главный камень Краснохолмского святилища является одновременно и «чашечником» (в обычном смысле термина), — на его поверхности находится несколько десятков небольших и «чашек» размерами в несколько см. Если не все, то, по крайней мере, часть «чашек» имеет явно естественное происхождение. Практически все «чашки» находятся на западной половине камня. Насколько можно судить, на других камнях в долине «чашек» нет.

Как и предыдущий (Козьинский) культовый комплекс, Краснохолмское святилище представляет собой уникальный памятник. Несомненно, что информация о нем, собранная нами за время работы экспедиции 2000 года, далеко не полна. Более подробного изучения и описания требуют другие находящиеся в долине камни, необходим более тщательный опрос местных жителей на предмет выявления и изучения связанных с чашечным камнем и со святилищем в целом преданий, поверий и обрядов. Хочется надеяться, что такая работа будет проделана — если не нами, то другими исследователями — в ближайшем будущем, а результаты ее предоставят информацию, которая позволит расширить наши знания не только о мегалитической культуре России, но и о традиционной сакральной географии в целом.

Глава 4

СВЯЩЕННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ

На берегу Тирасы показывают ступню Геракла в скале, похожую на след человека, но два локтя в длину...

Геродот, V век до н. э.

Камни с выбитыми на них самыми разнообразными изображениями широко известны по всей Европе, включая и современные славянские земли. Еще Н. М. Карамзин писал о «больших гладко обделанных плитах, на коих выдолблены изображения». Некоторые из этих памятников имеют утилитарный, «служебный» характер. Это, например, межевые и путевые камни и каменные кресты, на которых высечены племенные знаки, знаки, которые могут содержать некие указания топографического характера, или знаки властителей данной территории (например, родовые знаки Рюриковичей). Долгое время (буквально до последних десятилетий XX в.) в отечественной науке преобладало мнение, что такого рода доисторическими «указателями» являются все древние камни со знаками, однако сейчас, наконец, практически всеми специалистами принято, что абсолютное большинство таких камней имело сакральные, а не утилитарные функции.

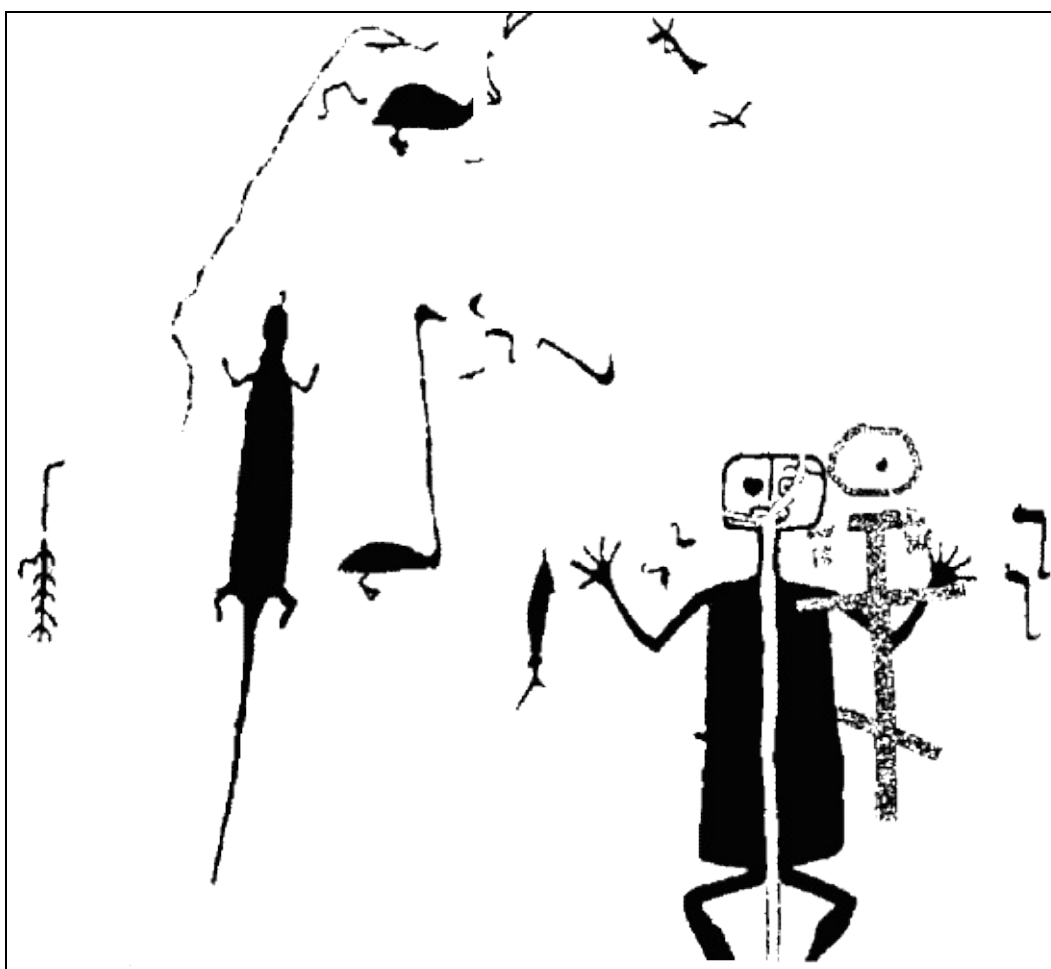
Многие из них отчасти сохранили такое свое значение до самого последнего времени: еще в XIX–XX веках этнографами нередко фиксировались связанные с камнями с изображениями народные обряды, в том числе и своеобразные жертвоприношения: лепешки, яйца, шерсть, деньги и т. д. ^{77} С. В. Моряков в своей работе, посвященной в основном следовикам и древним крестам ^{78}, указывает, что А. К. Киркор в 1882 году писал: «В Литве и на Жмуди до сих пор сохранился обычай... по ручьям и небольшим речкам класть камни с иссеченными на них изображениями стопы, подковы, земледельческого орудия, меча и т. п.»...

Наибольшее распространение имеет, несомненно, специфический тип почитаемых камней с изображениями, получивший в России название «следовики». Они могут быть очень различны и по размерам, и по связанным с ними этнографическим свидетельствам, и даже по характеру самих изображений, которые меняются в широком диапазоне от явно искусственных, с четкой проработкой контуров, до маловыразительных и практически наверняка естественных. Но их общей чертой всегда остается то, что в народном восприятии данные изображения являются следами — «Божьими», «Бесовыми», «Чертовыми», следами Богородицы или различных святых и т. д. — даже в тех случаях, когда само изображение лишь отдаленно напоминает по форме след.

Первые описания европейских камней-следовиков были сделаны еще в начале XIX века. В России, например, несколько камней с выбитыми на них изображениями следов были в уже упомянутой нами в предисловии к книге коллекции Ф. Н. Глинки, описанной им в 1837 году [\[79\]](#). К концу века был накоплен уже определенный фактический материал (в том числе российскими авторами), и 1907 году в Варшаве вышла в свет книга Максимилиана Баруха «Божьи стопки» [\[80\]](#), ставшая своего рода классической работой по этой теме и обобщившая данные по следовикам многих стран, включая и связанный с такими камнями фольклор. К середине XX века уже было открыто и описано немало камней-следовиков в разных районах Европы, их изучение приобрело более или менее систематический характер; так, в Белоруссии этими памятниками занимался М. Мялешка, в Литве — П. Тарасенко, в России — С. Ильин.

Именно стараниями известного шуйского краеведа С. Н. Ильина после Великой отечественной войны в России возобновилось изучение камней с загадочными знаками, практически прекращенное революцией 1917 года, поскольку с большинством таких камней связаны различные легенды «мистического» характера. Ильин обнаружил и описал более десятка таких камней и ввел в научный оборот сам термин «следовик» [\[81\]](#). За прошедшие с тех пор полвека число известных только в Центральной России следовиков составило многие сотни, а сами они стали классическим типом культовых камней, на информацию о которых во многом опирается изучение сакральных камней в целом.

Камни-следовики очень разнообразны. Различаются и размеры выбитых на них следов (от «нормальных» до огромных), и их «природа» (известны, помимо человеческих, медвежьих, птичьих и др. следы), и их количество на одном камне, и техника исполнения изображений. Очень сильно варьируется и предположительно определяемый возраст «следов». При том, что существует немало свидетельств об исключительной «живучести» традиции высекания следов на камне (см., напр., сообщение А. К. Киркора в конце XIX века), само появление этой традиции следует, вероятно, отнести к неолитической эпохе. По крайней мере, именно к такой датировке приводит нас известная связь камней-следовиков с археологическими памятниками неолита и бронзы, а так же явная параллель между следовиками Восточной Европы и некоторыми неолитическими петроглифами (изображениями на скалах) Европы Северной.

Самым известным примером такого рода могут послужить знаменитые петроглифы Белого моря и Онеги. Так, например, на скалах в устье реки Выг находится около трех сотен взаимосвязанных изображений, датируемых концом III — началом II тыс. до н. э. — так называемые «Бесовы Следки». По большей части это рисунки, связанные с тематикой охоты (лоси, тюлени, медведи, рыба и т. д.). На фоне этого разнообразия выделяется цепочка следов, приводящая к ногам крупной человеческой фигуры, предположительно являющейся изображением некоего божества.

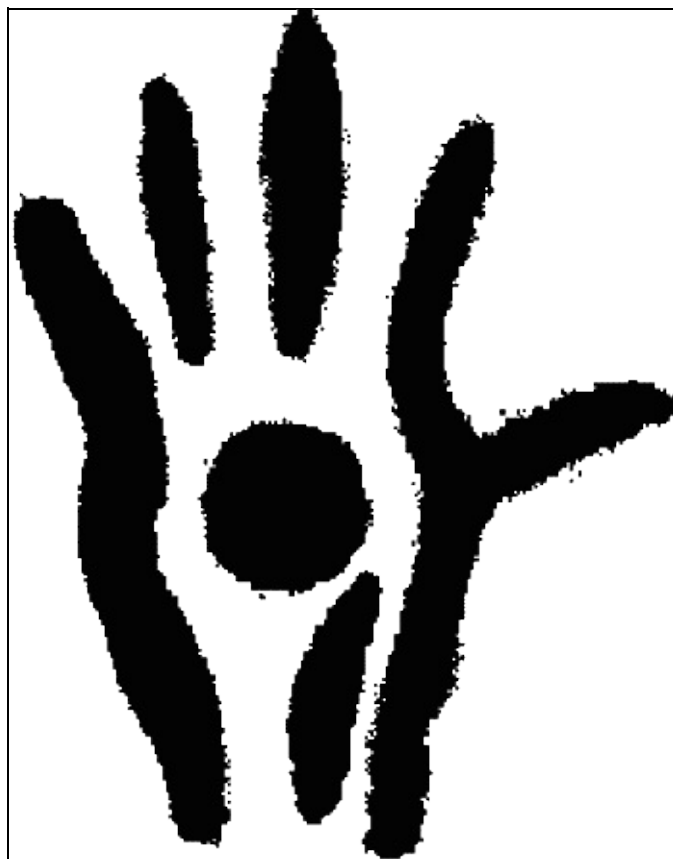
Вполне резонно предполагать, что традиции высекания следов — да и иных рисунков — на обнаженных скалах (на Севере) и на поверхности валунов (в Центральной России, где почти нет обнаженных скал) родственны и близки по внутреннему сакральному смыслу.

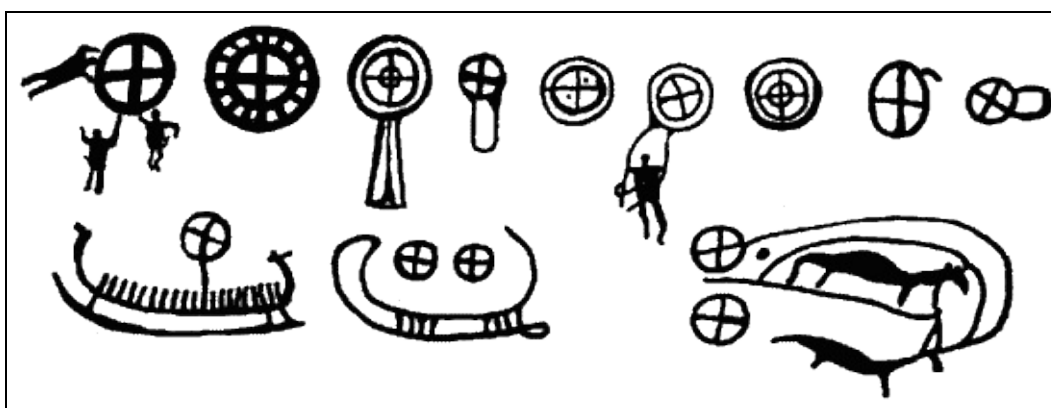

«В старину, когда камни еще были мягкими, на них чертята любили устраивать свадьбы и пятками вдавили камни, от чего образовались лунки». Это коротенькое предание, записанное П. Тарасенка [\[82\]](#), хорошо характеризует сразу обе связанные со следовиками идеи: принадлежность следов тому или иному мифологическому персонажу и их происхождения, словами Мирчи Элиаде, в мифологическое «время оно» — когда камни были мягкими... Согласно хорошо известному закону парциальной магии, описанному еще Фрезером, часть не просто подобна целому, но может быть его заменителем. Хорошо известны, например, славянские колдовские практики наговоров «на след» с целью того или иного воздействия на человека, его оставившего. Так же и след, оставленный в камне богом, будет вечно отмечать его присутствие...

Говоря о священных камнях вообще, следует отметить, что следы — «божьи», «бесовы», «великаны» и т. д. — это лишь один (хотя и самый распространенный) из мотивов выбитых на них изображений. Достаточно известны, например, изображения руки; в Восточной Европе такие камни есть в Белоруссии, в Литве, в Новгородской земле [183](#). Иногда выбитые на камне знаки могут представлять собой схематические изображения различных предметов (топора, гриба и т. д.); встречаются и изображения символические — простые и сложные кресты, круги, овалы... Как и в случае со следами, эти символы на камнях образуют параллель с северными петроглифами; так, например, знаки на некоторых камнях Тверской области многие специалисты сопоставляют (по начертанию и, предположительно, по возрасту) со знаками, выбитыми на скалах Скандинавии [184](#).

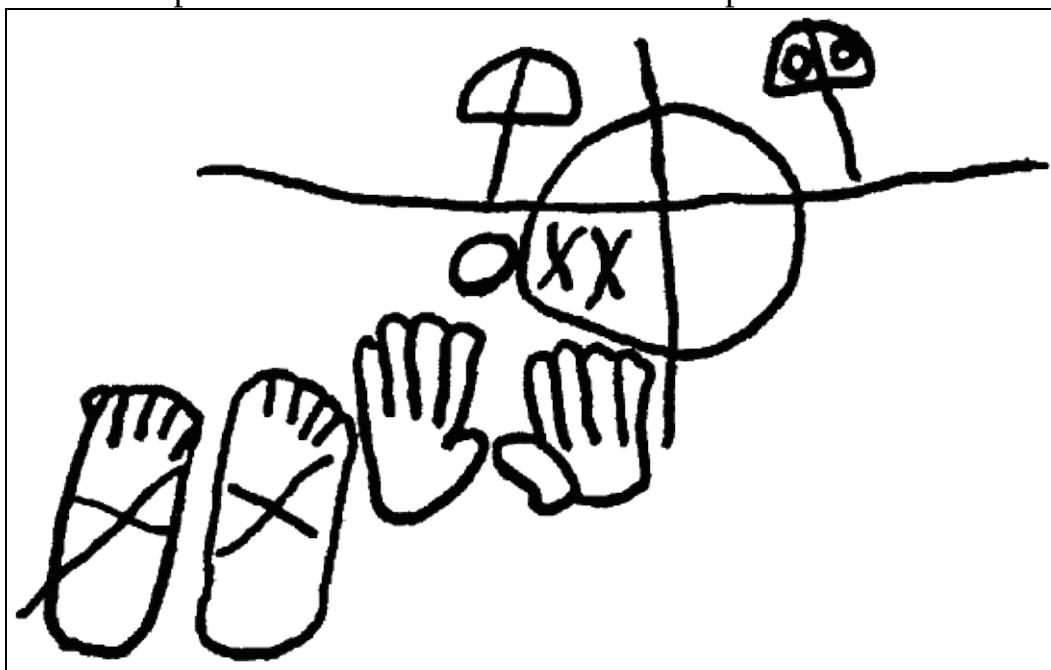
На некоторых культовых камнях подобные изображения могут иметь, вероятно, жертвенный характер — в тех случаях, когда одно и то же изображение повторено много раз, но несколько в разном «стиле» и, вероятно, в разное время — т. е. разными людьми. Возможно, такие изображения выбивались на священном камне по обету или, напротив, в качестве сопутствующей некой просьбе жертвы. Определенная параллель в этом отношении может быть прослежена, с одной стороны, с балтскими камнями-чашечниками, число маленьких неглубоких чашек на которых может достигать многих десятков, а с другой — опять-таки со скандинавскими петроглифами (на одном участке скалы может быть изображено до десятка и даже более ладей).

Прекрасным примером могут послужить камни не столь давно открытого Б. С. Короткевичем и А. Г. Фурасьевым святилища на берегу озера Воловжа в Невельском районе Псковской области [\[85\]](#). На этом уникальном святилище (к слову, представляющем собой искусственно измененный холм с интереснейшей топологией) находится сразу несколько культовых камней. Один из камней несет 7 подковообразных изображений размером от 5 до 15 см и глубиной до 2 см, на другом выбито 5 подков размером до 8 см.

Известны и культовые камни, на поверхности которых выбиты целые комплексы изображений, — как правило, это очень большие почитаемые валуны. Один из самых знаменитых таких памятников в европейской России — это камень Щеглец, находящийся в Новгородской области возле села Мытно, на берегу реки Вишеры. Впервые этот камень был упомянут И. В. Аничковым еще в 1915 году [\[86\]](#); позднее его подробно исследовали и описывали А. А. Формозов [\[87\]](#) и многие другие исследователи. На огромном валуне, лежащем при впадении в Вишеру небольшого ручья, выбито сложное изображение общим размером (по горизонтали) чуть менее метра. Каменная картина состоит из пары стоп, пары ладоней, двух изображений луков (которые иногда считают изображениями грибов, а именно — мухоморов, указывая на кружки на «шляпке» правого гриба), и сложного круга, рассеченного длинным крестом, с двумя косыми крестиками в нижнем левом секторе.

Последний знак обычно называют «солярным символом»; действительно, общая его форма схожа с распространенным по всей Европе символом «креста в круге» (иногда называемого «кельтским крестом»), однако в данной композиции — на мой взгляд — его функция сложнее. Учитывая трудоемкость изготовления рисунка (он выполнен в точечной технике), нельзя предполагать, что рисунок содержит случайные элементы, — следовательно, горизонтальная

линия рассекающего круг креста намеренно удлинена таким образом, что фактически делит всю композицию на две части: верхнюю и нижнюю. К сожалению, о том, что это может быть за граница, нам остается только догадываться. Так, например, можно предположить, что это — граница между Нижним миром (где обитают предки, представленные стопами, и духи, представленные ладонями) и миром Средним (где растут грибы?) или даже Верхним (если эти грибы — мухоморы)...

Известны в России и почитаемые камни с выбитыми надписями или не дешифрируемыми комбинациями знаков, надписи напоминающими. К сожалению, в большинстве случаев четко определить, что изображение является именно надписью, оказывается возможным лишь для достаточно поздних памятников (таких, например, как главный камень Тиуновского святилища, речь о котором пойдет ниже). Несколько больше известно камней, «надписи» на которых могут быть как просто рядом (переплетением?) неких символов, так и полустершейся реальной надписью, выполненной тем или иным древним письмом (например, руническим [\[88\]](#)). Сообщения о таких памятниках встречаются еще в XIX веке; так, например, в 1880 году близ деревни Замощье Осташковского уезда Тверской губернии крестьянами был обнаружен валун с изображениями «наподобие кочережек, вил, костылей с крюками наверху, трезубцев и серпов» [\[89\]](#). В наше время в Центральной России обнаружен и описан ряд таких камней, знаки на которых выглядят подобно руническим надписям и очень напоминают только что приведенное сообщение крестьянина из деревни Замощье.

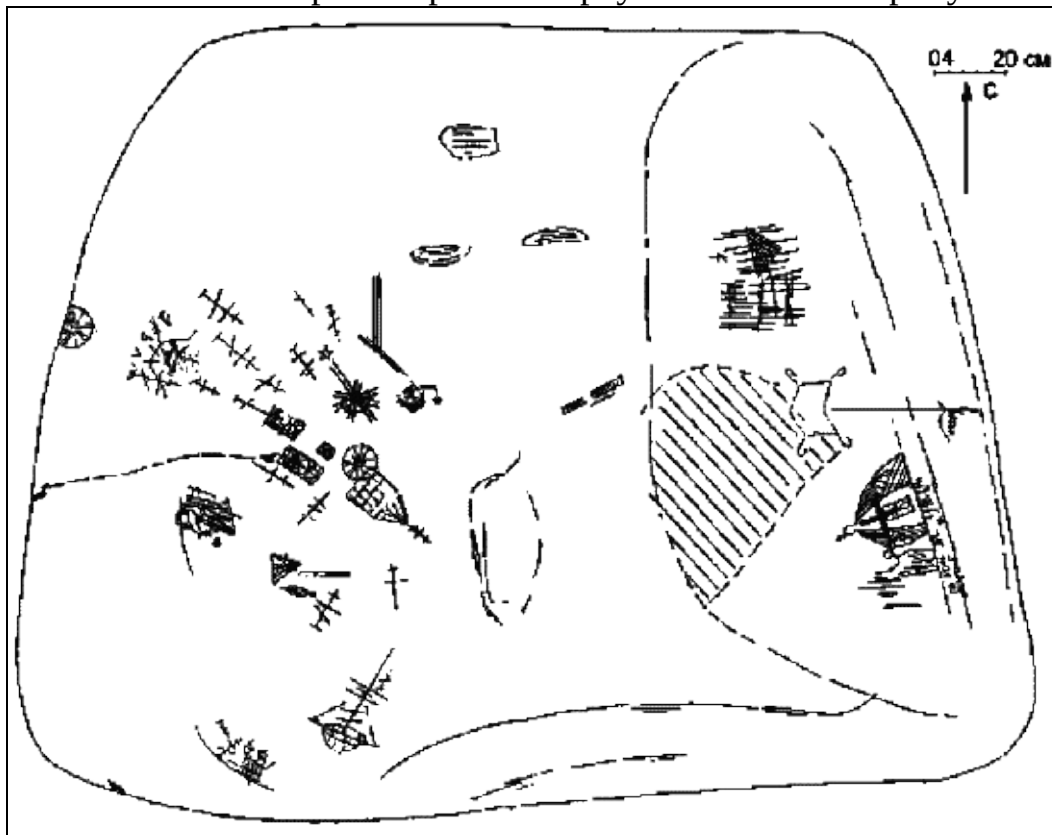

Как уже упоминалось, изображения на священных камнях вырубались на протяжении почти всего того времени, когда им поклонялись, — вплоть до последних веков ушедшего тысячелетия. В большинстве своем памятники, о которых говорилось в этой главе, принадлежат эпохам неолита и бронзы; некоторые из них, вероятно, могут быть соотнесены с началом железного века. Гораздо меньше известно священных камней, изображения на которых были созданы значительно позднее, в историческое время. И существует только один такой камень, изображения на котором по сложности композиции могут сравниться с петроглифами Белого моря — это камень Тиуновского святилища, открытого около десяти лет тому назад вологодским археологом И. Ф. Никитинским [\[90\]](#). Изображения тиуновского камня уникальны — не только по своему позднему возрасту (железный век и Средневековье), но и теми глубинами мифологической информации, которая заложена в его рисунки.

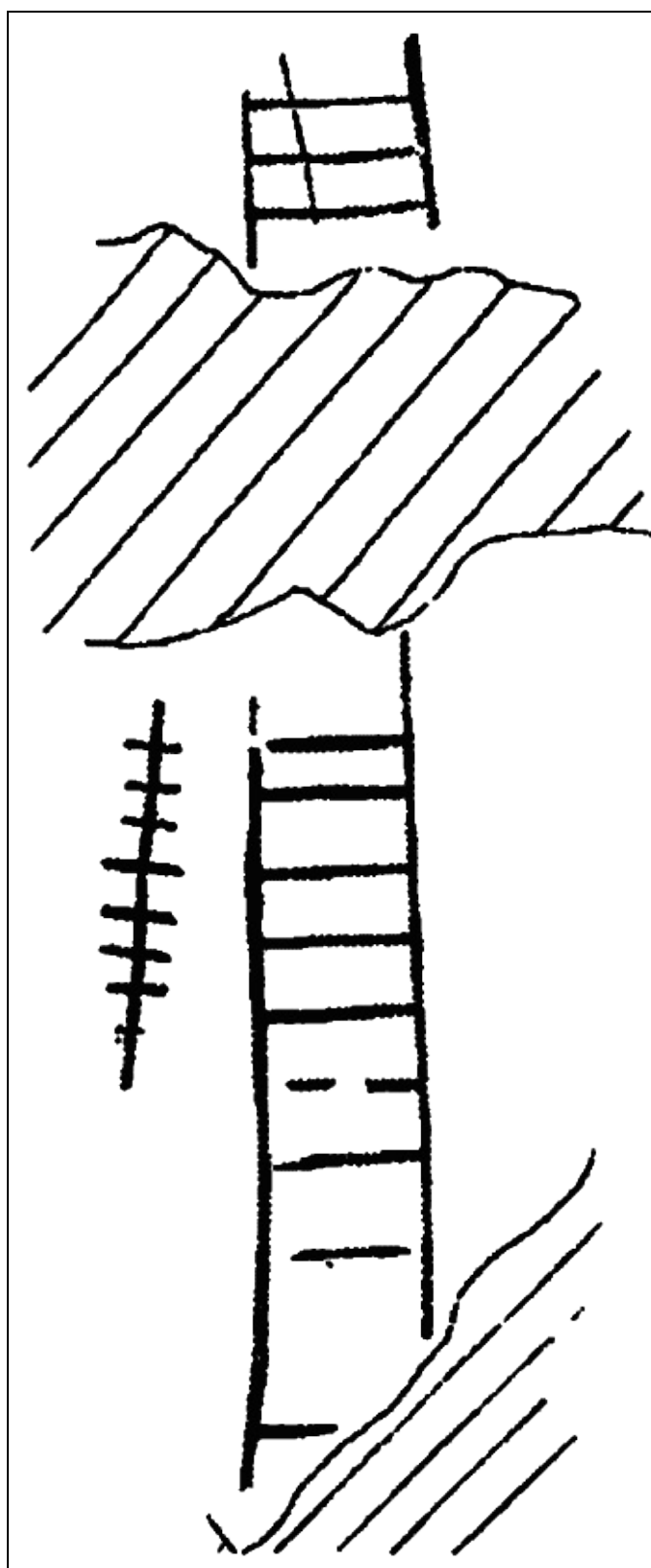

Лестницы между мирами

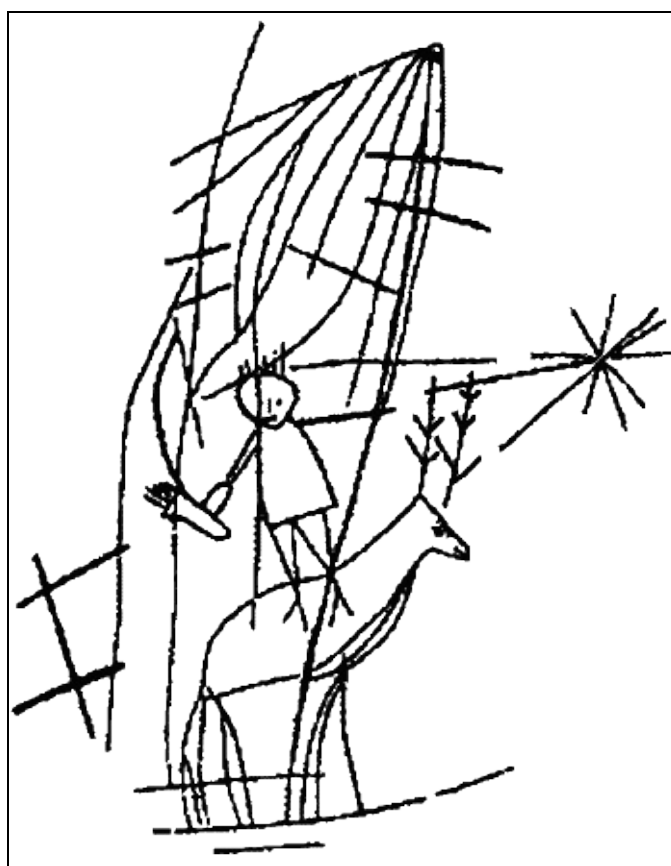
Тиуновское святилище находится на одном из притоков р. Кокшенги возле д. Тиуновской Тарногского района Вологодской области и представляет собой два крупных камня, расположенных почти в метре друг от друга по линии запад — восток. Восточный камень — плоская двухметровая плита неопределенной формы. Второй — западный — камень в поперечнике достигает 3 м, а в высоту — почти полтора метра. Камень имеет куполообразный верх и четыре скругленные грани, ориентированные по сторонам света; как показали результаты раскопок, такая ориентация была придана камню искусственно. На ровных участках поверхности этого камня — с четырех сторон и сверху — и нанесены рисунки и надписи.

Трассологические исследования изображений, проведенные первооткрывателем святилища и Н. Н. Скакуном, позволили определить способы их нанесения и, соответственно, возраст. Большинство изображений (собственно языческая их часть) выполнены в технике процарапывания достаточно мягким железным резцом, что и позволяет говорить о том, что эти изображения как минимум моложе бронзового века. Вторая часть изображений (православные кресты) нанесены значительно позднее с помощью железного инструмента с твердым, хорошо закаленным лезвием. Эти изображения явно принадлежат времени, когда в эти места добралось наконец христианство — т. е. они вряд ли могут быть старше XIII–XV веков. Значительно точнее могут быть датированы нанесенные на камень надписи, имеющие разный возраст. Наиболее раннюю акад. В. Л. Янин датирует концом XIII–XV веком [\[91\]](#), наиболее позднюю — XIV–XVI веками.

Поскольку надписи прямо связаны с изображениями и однозначно были выполнены людьми, поддерживавшими и использовавшими святилище (т. е. язычниками), такая их датировка позволяет утверждать, что святилище функционировало еще как минимум в XV веке — т. е. во времена, когда эпоха открытого «двоеверия» на Руси уже закончилась или приближалась к концу. Изображения на камне, имеющие мифологическое, культовое и магическое содержание, оказываются, таким образом, бесценным подспорьем в работе по возрождению древней сакральной Традиции.

И. Ф. Никитинский в своих работах дает подробный и, несомненно, добротный анализ этих надписей и изображений [\[92\]](#). Вероятно, нет смысла полностью повторять этот анализ здесь, но мне хотелось бы высказать некоторые мысли по поводу трактовки двух особенно, на мой взгляд, интересных сюжетов.

Итак, во-первых, меня — как и многих других исследователей — очень заинтересовало изображение некой постройки и антропоморфной фигуры рядом с ним (см. илл. 4.10). Прочитую работу И. Ф. Никитинского:

«Восточная сторона камня имеет большой сюжетный рисунок. В средней его части находится стилизованное изображение дерева, корни которого опираются на горизонтальную линию, а ствол (длиной около метра) венчается кроной в виде шестигранника с крючками на четырех углах. В нижней части ствола дерева в разные стороны отходят линии, которые можно считать корнями [...] Чуть южнее, рядом со стволом и кроной дерева, имеется сюжетный рисунок [...] Сюжетный рисунок состоит из антропоморфной фигуры и крупной сложной постройки, изображенной за фигурой и несколько севернее ее. По общему виду строение напоминает юрту или чум, и венчается главоподобным верхом и изображением христианского креста, о котором, учитывая результаты трасологического анализа, можно однозначно сказать, что он был пририсован к постройке позднее».

Вместе с первооткрывателем святилища мы считаем само изображение этой постройки языческим, как бы «освященным» позднее пририсовкой христианского креста для придания сходства с православной церковью. На наш взгляд возможны две интерпретации рисунка. Во-первых, если считать дерево символическим изображением Древа Мира, а три горизонтальные линии, которые пронзает его ствол, — тремя классическими мирами Традиции, то саму постройку, находящуюся на третьей линии (т. е. в мире богов), было бы естественным трактовать как жилище богов. С другой стороны, многие исследования указывают на то, что

сама по себе шатровая форма русских православных храмов (а именно такую форму имеет изображенное на камне строение) является привнесенной в церковную традицию из Традиции языческой. Подходя к анализу рисунка с этой точки зрения, можно, вероятно, пытаться трактовать его как изображение традиционного языческого храма. Если это так, то перед нами — одно из крайне немногих сохранившихся аутентичных изображений храмовой постройки русского язычества.

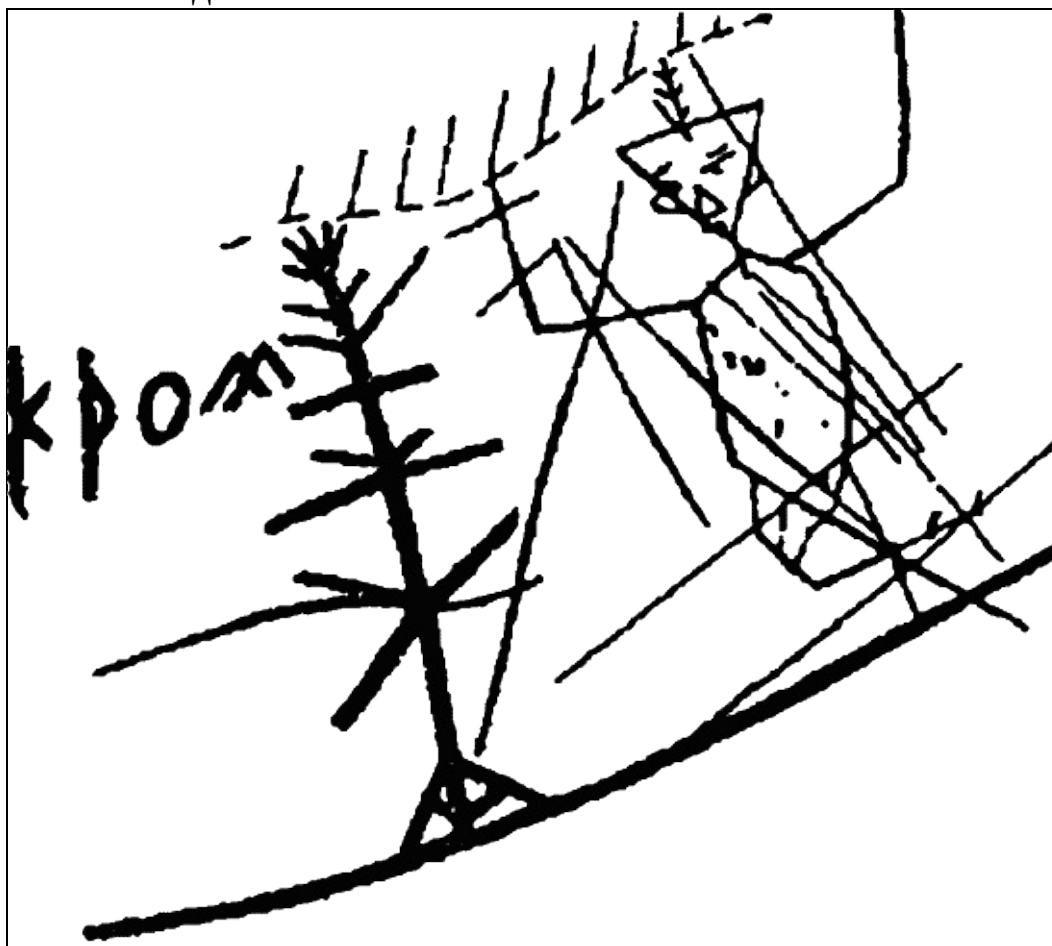
Еще один фрагмент, о котором мне хотелось сказать здесь несколько слов, — сюжетный рисунок, расположенный на южном фасе главного камня святилища (см. илл. 4.11) и сопровождаемый кириллической надписью. Наиболее вероятное прочтение надписи — «кром»; д-р филологических наук А. А. Амосов датирует ее серединой XV века.

На рисунке изображен некий человек, стоящий, воздев руки к небу, поджав одну и закрыв один глаз. Эта специфическая поза не была прокомментирована ни И. Ф. Никитинским, ни другими авторами, писавшими о Тиуновском святилище, между тем она хорошо известна в истории европейского шаманизма. Так, например, у кельтских народов эта сакральная поза называлась «позой Луга» или «позой Кухулина». Символическая «одноногость» и «одноглазость» человека (шамана, мага), стоящего в этой позе прямо связана с чрезвычайно архаическими культами богов Смерти и магии (сравн. одноглазого Одина в скандинавской Традиции, одноногую Бабу-Ягу — в славянской, одноногих Стражей Иного Мира в валлийском эпосе и т. д.). В древности считалось, что маг, принимающий «позу Луга», находится сразу в обоих мирах (в этом и в Ином) и, соответственно, видит открытым глазом мир явленный, а закрытым — Иной Мир (мир духов) [\[93\]](#).

Таким образом, данное изображение, на наш взгляд, является именно изображением шамана (мага) в сакральной позе и прямо связано, соответственно, с традиционным северорусским шаманизмом.

Обратимся теперь к надписи, сопровождающей рисунок. Точное ее значение исследователями изображений Тиуновского святилища выяснено не было, однако все они отмечают несомненность существования связи между надписью и самим рисунком. Этот вывод получает теперь дополнительное косвенное подтверждение: ведь шаман, изображенный рядом

со словом КРОМ, видит своим закрытым глазом КРОМешный мир, мир теней и духов... Исходя из этого предположения, очень интересно, не делая никаких безапелляционных выводов, рассмотреть самое слово надписи.

Итак, слово это звучало как *кромъили*, возможно, *кромъ*. В любом случае оно является однокоренным с такими русскими словами, как *кромешный*, *укромный*, *закрома* и т. д. Этимологически основа *кромс* связана с основами таких глаголов, как *крыть*, *скрывать*, *закрывать*, соответственно, прилагательных *сокрытый*, *сокровенный*, существительных *крыша*, *крона*, *кровля*, *покров*. К той же основе восходят названия древних псковской (Кром) и московской (Кремль) цитаделей. В целом, об исходном корне **kro/kъ* можно говорить как о несущем свойство закрытости.

Соответственно, содержащие этот корень существительные *кромъ* или *кромь* следует трактовать следующим образом:

кромъ — то, что скрывает (тот, кто скрывает)

кромь — то, что сокрыто

Сугубо лингвистически оба эти варианта равноправны, поскольку сама надпись допускает как одно, так и другое озвучание. Однако значение надписи кардинально меняется в зависимости от того, какой именно вариант имеет место быть. Если читать надпись как *кромъ*, то, учитывая, что надпись находится в непосредственной близости от изображения человека — предположительно шамана/мага, — следует отнести значение «тот, кто скрывает» именно к нему. Тогда можно предполагать, что мы имеем дело с северорусским термином, обозначающим шамана или языческого жреца — КРОМЪ — «тот, кто скрывает». Тот, кому есть, что скрывать...

Однако более интересным мне представляется второй вариант озвучивания надписи — *кромь*, «то, что сокрыто». Здесь следует вспомнить еще одно существительное этого ряда — *кромка*. Памятуя о шаманских представлениях о существовании «изнаночного», закрытого или сокровенного мира, мира духов, называемого иногда *кромешным*, мы можем выдвинуть второе предположение: КРОМЪ — имя этого мира.

Впрочем, можно допустить и то, что оба эти предположения равно верны. Тогда КРОМЪ — это русское обозначение шамана или мага — человека, которому доступна КРОМЪ...

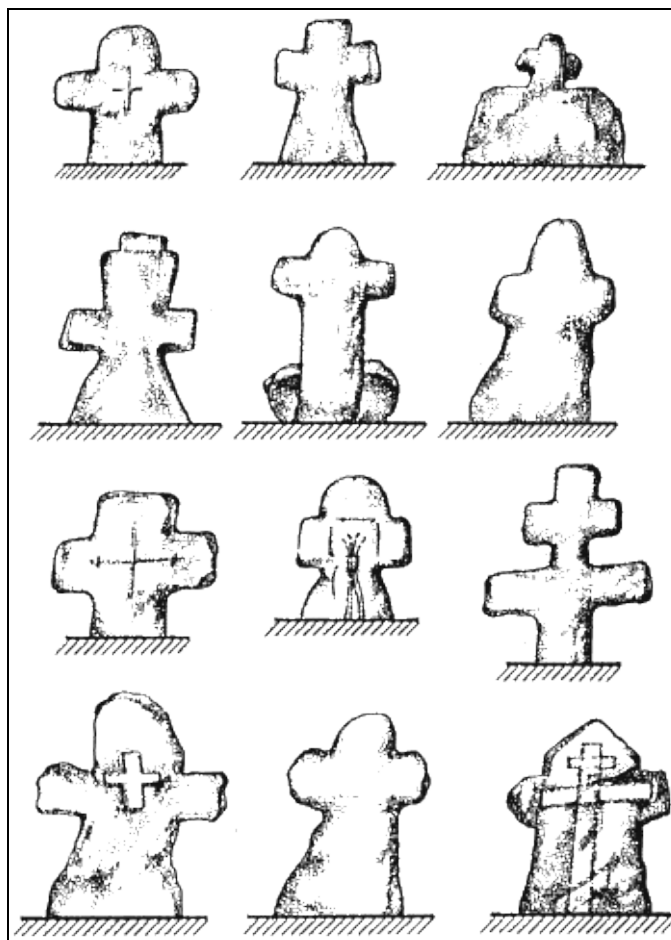
В лесу было уже совсем темно, но, когда я вышел к опушке, закатное небо еще светилось меж стволами деревьев. Я раздвинул ветви — и полутемная долина открылась моим глазам; прямо же передо мною возвышался огромный каменный столб, столь явно довлеющий над лежащей у его ног низинной землей, что скрытая власть его ощущалась непреложной. Я остановился на краю леса, и в неверном, окрашенном багрянцем заката, полусвете разглядел в этом камне человеческие черты...

Алексей Задоря, Cwm Craty

Еще одним очень интересным, но, к сожалению, весьма мало изученным в Центральной России, типом священных камней являются почитаемые камни, которым искусственно придана некая специфическая форма (несущая определенную смысловую нагрузку) или которые ассоциируются (нередко весьма условно) с той или иной «формой». Можно выделить несколько основных типов артефактов такого рода, и в этой главе мы постараемся кратко охарактеризовать их и дать представление о том, в каком состоянии находятся исследования таких артефактов на территории Центральной России.

Крестообразные идолы, антропоморфные кресты

Абсолютное большинство сохранившихся на территории Европы до настоящего времени старинных каменных крестов имеют, несомненно, христианский характер. Они могут быть разными как по функциям (поклонные, могильные, «путевые» и т. д.), так и типологически, но в любом случае сама их форма воспринимается именно как отражение христианского символа креста. На территории СНГ большее всего действительно древних таких крестов известно, вероятно, в Беларуси и на Русском Севере (в Тверской, Новгородской, Псковской и других областях).

Однако прекрасно известно, что сам по себе крест как сакральный символ появился за многие тысячелетия до христианства и изначально был связан с четырехчастностью пространства и времени, с идеей четырех сторон и точки, которая их объединяет, — Центра. Изображения креста мы находим на древнейшей керамике, среди петроглифов, в архаической орнаментике и, разумеется, на священных камнях. И, конечно, мысль о том, что крест как магический знак, как оберег, можно не только изобразить на чем-то, но и изготовить из чего-то, также не принадлежит одному только христианству. Среди европейских древностей хорошо известны и раннесредневековые крестообразные амулеты, не имеющие ничего общего с христианством, и языческие каменные изваяния, также выполненные в форме креста.

Немало таких памятников сохранилось на территории Центральной Европы (например, в Германии), в восточноевропейских землях (например, в Беларуси, Литве, Латвии). В абсолютном большинстве своем они сочетают сразу две идеи: это и крест, и фигура человека, стоящего раскинув руки. Поэтому в литературе эти древние памятники называют то «антропоморфными крестами», то «крестообразными идолами».

Один из самых интересных таких памятников обнаружен в Беларуси, в Вилейском районе, описан Э. А. Левковым ^[94] и находится ныне в Минске, в созданном им же Музее камней при

Институте геологии. Он представляет собой вырубленную из камня крестообразную антропоморфную фигуру высотой более полутора метров и «размахом рук» чуть более метра. На камне достаточно четко обозначены женские груди, но, что более всего интересно, «у ног» идола-креста высечена еще одна, меньшая, выпуклая фигура, в целом повторяющая контуры большой, — очевидно, фигура ребенка. Левков отмечает, что местные жители называли этот идол «Стод Мары» (т. е. «идол или столб Мары»).

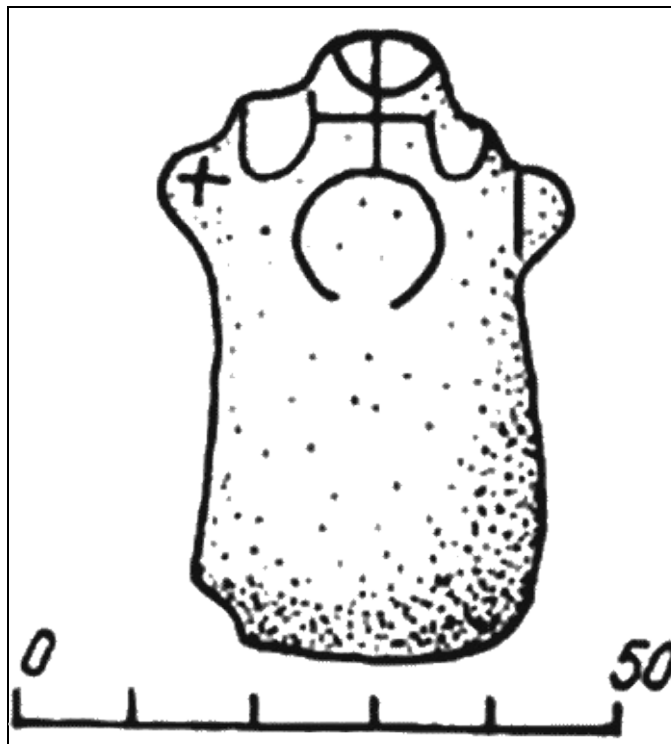
Предположительно наблюдаемая связь находок крестов-идолов с регионами расселения древних славян и балтов в Восточной и Центральной Европе заставляет задуматься о том, что и на территории Центральной России должны были бы некогда находиться святилища с аналогичными культовыми изваяниями из природного камня. Однако в научной литературе такие данные практически отсутствуют, и причины этого достаточно очевидны: разрушение капищ во времена противоборства христианства и язычества. Прекрасно известно, что христианские миссионеры не только уничтожали объекты языческого культа, но и приспособливали их для своих религиозных нужд, в том числе — нередко переделывая.

Так, например, С. В. Моряков указывает, что многие средневековые каменные кресты на православных погостах Тверской области изначально находились на других местах и имели совершенно другую функцию (например, отмечали межи или места волоков); причем многие из них несут следы грубой вторичной обработки [\[95\]](#). Так что некоторые из тех каменных крестов, которые представляются нам христианскими, могут быть изуродованными и перенесенными с первоначального места древними крестообразными идолами. Более того, один достоверный пример такого «превращения» известен, но об этом — немного ниже.

О том, что в Центральной России существовали крестообразные идола и специфически связанные с ними обряды, свидетельствуют и данные этнографии. Е. В. Аничков, например, писал в 1923 году, что его брат, И. В. Аничков, в Крестецком уезде Новгородской губернии на одном из жальников видел несколько крестов, которые местные крестьяне называли «каменными бабами» и почитали их, совершая у крестов некие обряды, выглядевшие вполне языческими [\[96\]](#).

Теперь же обратимся к одному из очень немногих (если не к единственному) достоверному и сохранившемуся до наших дней каменному крестообразному идолу. Сейчас он находится у входа в Козельский краеведческий музей и представляет собой достаточно грубо обработанный невысокий крест высотой чуть более метра, высеченный из темно-серого песчаника. История

этого памятника непрост; уже в наше время он несколько раз менял местоположение, пока не попал наконец в музей. Долгое время он оставался малоизвестен, пока несколько лет назад выяснением его судьбы и происхождения не занялся калужский исследователь А. Перепелицын, посвятивший памятнику отдельную небольшую работу [1971](#).

В самом музее об этом «кресте» экскурсантам рассказывают (или, по крайней мере, рассказывали до публикации статьи А. Перепелицына) следующую весьма любопытную историю, достойную того, чтобы привести ее здесь полностью:

«В дохристианские языческие времена эти земли населяли вятичи, поклонявшиеся многим богам. Племена их отличались дикостью и непокорностью. Название Козельск, кстати, связано с верой вятичей — одним из самых главных их идолов было Козлище, по имени которого и назван город. Не менее значительным идолом была женская фигура — символ благодати. Была у него непомерно вытянутая вверх голова и раскинутые в стороны руки. После крещения вятичей этого идола обтесали в виде креста, но не поставили в храм — его вынесли на высокий берег Жиздры в качестве лоцманского знака, отмечавшего порожистый участок. Долгое время он стоял на берегу реки, а потом стал первым памятником русской доблести — в XIII веке его водрузили на могиле жертв побоища Батыея. Уже в наше время крест разыскал известный наш краевед В. Н. Сорокин и установил его во дворе музея».

Если оставить в стороне просто невежественные утверждения относительно «главного бога Козлища», этимологии названия «Козельск» и т. д., а также ни на чем не основанное упоминание того, что «крест» венчал некогда могильный курган «жертв побоища Батыея», то остается главное: некогда «крест» был антропоморфным крестообразным идолом. Вот что говорит о нем заместитель директора Калужского областного художественного музея В. Г. Пуцко:

«Об этом камне действительно никто никогда не писал, никто им не занимался. Иногда в краеведческой литературе встречаются о нем две-три фразы, не отличающиеся от слов

экскурсоводов — и все. Вот я и решил разобраться. То, что это не христианский крест, — мысли у меня появились давно. Каменные кресты Средневековья хорошо известны, их ставили у слияния рек, развилок дорог. Типология крестов достаточно разработана, в литературе описано около 20 видов — но такого нет. Другое дело, есть крестовидные антропоморфные изваяния, проще говоря, идолы. Антропоморфность козельского изваяния видна, что называется, «невооруженным глазом». Я сопоставил этот «крест» с такими же фигурами из Белоруссии, Саксонии, найден такой камень в окрестностях Рославля. Все это крестовидные идолы, сохранившиеся с дохристианских, языческих времен».

Обобщая, следует сказать, что на данный момент восстановить подлинную историю памятника вряд ли возможно, — но можно утверждать, что некогда это был именно крестообразный каменный идол, который во времена христианизации вятичей (т. е. в промежутке с XI по XV в.) был обтесан под крест.

«Фигурные» камни

На обширных территориях Европы достаточно широко распространены почитаемые камни, которые не просто связаны с той или иной легендой, но сами, своим обликом, являются как бы «декорацией», на фоне которой развивается сюжет легендарного или мифологического действия, или представляют собой в фольклорном сознании окаменевшие предметы или участники этого действия.

Так, например, Василявичюс Л. описывает в Литве живописную группу камней, находящуюся близ городища Ужпаляй [{98}](#). Согласно легенде, здесь, на горе, лежала некогда сделанная из золота лодка, в которой любили сидеть две лаумес (литовский фольклорно-мифологический персонаж; нечто «среднее» между славянскими ведьмами и западноевропейскими феями). Но однажды на них напали разбойники, прогнали лаумес и скатили лодку с горы; лаумес же, рассердившись, превратили и разбойников, и лодку в камни, которые и лежат здесь по сей день.

Другая похожая легенда связана с почитаемым камнем, находящимся близ горы Пилберг в Восточной Пруссии (ныне — Калининградская область РФ). Возможно, некогда этот камень был элементом одного из святилищ этой горы (на которой находится большое прусское городище, имевшее в прошлом и сакральное значение). Сейчас камень лежит в овраге близ поселка Грачевка, но, согласно местным преданиям, раньше он находился на самой горе или на одном из ее склонов. Камень напоминает стол с людьми, сидящими по обеим его сторонам. По легенде, некогда этот камень и был столом, за который однажды, во время церковной проповеди, уселись играть в карты дети, подговоренные местным чертом-карликом по имени Трампель. Когда прихожане во главе с пастором узнали об этом, они прокляли детей и окаменели вместе со столом (черт, разумеется, благополучно скрылся) [{99}](#).

Таких камней (и легенд, связанных с ними) в Европе очень много. Нередко в таких почитаемых камнях можно узнать элементы древних святилищ; как обычно, такие камни могут быть и необработанными, и обтесанными человеческой рукой для придания им определенной формы. Очень часто местные жители наделяют их именами, с одной стороны, характеризующими их форму, а с другой — отражающими их сакральный характер. Так появляются «божьи столы», «божьи кресла», «божьи кровати» и т. д.

Нередко такие камни образуют своеобразные группы или являются частью группы почитаемых камней вместе с культовыми камнями других типов. Такая группа известна, например, в Шаркалне (Литва), где в одном месте находятся: камень-«кресло», камень-«стол», два чашечника и ряд простых камней, лежащий вдоль некоторой линии.

Вероятно, больше всего в Европе «божьего скарба» встречается сейчас в Восточной Прибалтике, в Беларуси, на северо-западе России.

Какую функцию имели эти каменные артефакты? Несомненно, среди них есть алтарные и жертвенные камни; причем нередко связанные с ними обряды сохранились отчасти и до наших дней. Л. Василявичюс, например, пишет о подобных камнях в Литве: «Столы бывают Чертовы, Лаумю, Божьи; эти камни похожи на культовые сооружения. В Зарасайском районе, деревне Паиндрес, в 1 км к западу от городища Возгеляй стоял камень «Лаумес сталас» (т. е. «Стол лаумес», «Стол ведьм/фей». — А.П.). Люди по воскресеньям собирались к этому столу и веселились там, не забывая оставлять жертвы для лаумес: хлеб, мясо, пиво. Говорили: «То доля лаумес». Их просили оберегать поля. В районе Шилиялесь, у деревни Вайкимену, в поле Ромес стоял камень «Вяльнио сталас» («Стол Вяльняса», т. е. Велеса. — А.П.). Еще в этом веке детям велели класть жертвы на этот камень» [{100}](#).

В Латвии на такие «стулья» в дни солнцеворотов приглашали «посидеть» соответствующих празднику божественных персонажей. С. И. Рыжакова указывает, что это были камни особой формы, выдолбленные углом, часто называемые в народе «Диевал седеклис» («Сиденье бога») или «Велна седеклис» или («Сиденье Велнса», т. е. того же Велеса) [{101}](#). Некоторые из подобных камней имели, как можно предполагать, и более специфические ритуальные функции. Таковы, например, камни с вырубленными в них ступенями и целыми лестницами (огромное символическое значение лестницы в сакральной Традиции прекрасно известно и уже упомянуто нами в предыдущей главе). Каменные лестницы, хотя и относительно редки, но известны почти по всей Европе — от побережья Атлантики до Армении. Иногда это могут быть просто небольшие камни с одной-двумя ступенями (как, например, камень «Вельнио Креслас» [{102}](#) в Литве, неподалеку от Линкувы, в котором выбита одна ступень, похожая на сиденье). В других случаях такие каменные лестницы могут быть достаточно фундаментальными сооружениями. Такой большой камень известен, например, в Литве близ Шашайчяй под именем «Дево Сталас» [{103}](#). Он имеет размер в плане 6,2×3,8 метра при более чем двухметровой высоте. С западной стороны камня на его вершину ведет тесаная лестница в четыре ступени.

Обратимся теперь к Центральной России. Подобные памятники здесь, несомненно, существуют; некоторые из них известны и описаны в этнографической и краеведческой литературе, хотя, как уже упоминалось, данный типологический класс почитаемых камней изучен в Центральной России явно недостаточно. Поиск таких камней, их изучение и описание — во многом дело будущего, хотя некоторые примеры уже известны.

Вероятно, именно к этому классу культовых камней принадлежит осмотренный А. Левиным, И. Маланиным и другими исследователями «похожий на кровать» камень в Сходненском районе Московской области. Его размеры — 4,2×2,6 метра при высоте над землей около 1 метра; камень (помимо «кроватеобразности») является, возможно, одновременно следовиком и чашечником: на нем есть напоминающее след ступни углубление длиной более 10 см и несколько неглубоких «чаш» размером от 10 до 20 и более см. Но наиболее интересным элементом «оформления» камня являются две ступени, выбитые на нем с северной стороны.

Очевидно, что такой священный камень на территории Центральной России вряд ли единственен. Однако сейчас об этом классе мегалитов нам известно предельно мало, и изучение их — дело будущего. Хочется верить, что — ближайшего будущего.

Глава 6

СТОЯЧИЕ КАМНИ — МЕНГИРЫ

И Солнце поднялось.

Первый луч его вспыхнул на грани земли и неба, скользнул по гребню низкого холма, четко высветив вертикальную черту далекого менгира, и упал на алтарный камень.

Я прижался спиной к стоящему позади меня камню...

Алексей Задоря, Cwm Craty

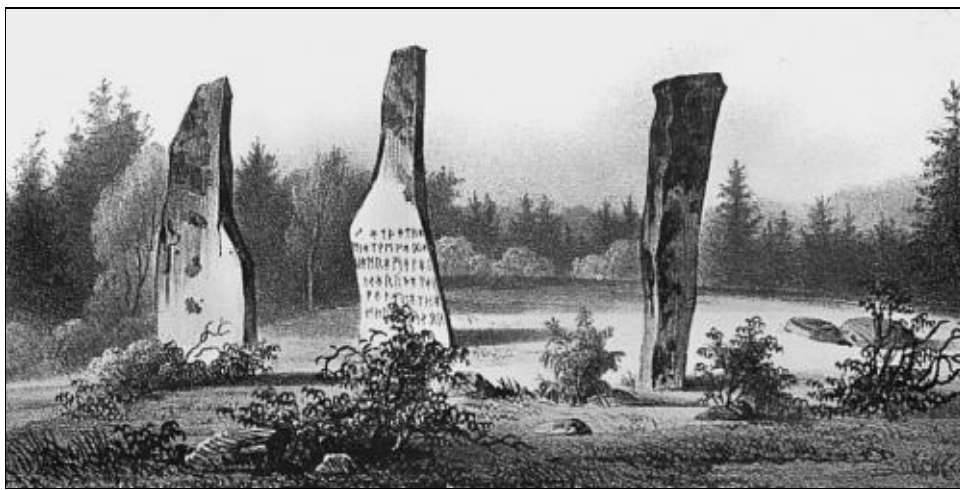
Совершенно особым, хорошо изученным в Западной Европе типом мегалитических сооружений являются так называемые «стоячие камни», или менгиры (бретонское menhir, дословно обозначающее именно «стоячий камень»). Вместе с хенджами — каменными кругами — менгиры являются своего рода «мегалитической классикой» Запада. Долгое время — вплоть до последних десятилетий — менгиры считались археологической спецификой крайнего Запада Европы; ныне же ситуация меняется, и меняется весьма кардинально.

Впрочем, обо всем по порядку.

В классике своей менгиры представляют собой столбообразные каменные блоки, поставленные вертикально и имеющие высоту от 1 до 9 м. Сотни (и даже тысячи — если считать каждый менгир) таких памятников известны сейчас в Западной Европе, причем большая их часть находится на территории Великобритании и на западе Франции (в Бретани). Как принято сейчас большинством исследователей, менгиры Западной Европы, отстроенные в основном в эпоху бронзы, многофункциональны: стоячие камни имели характер сакральных и магических сооружений [{104}](#), многие из них служили для астрономических наблюдений [{105}](#) и т. д.

Очевидно, магическое, ритуальное значение наиболее велико для одиночных менгиров, отмечающих особые точки земной поверхности (так называемые «места Силы») или даже воздействующих на них. В последнем отношении менгир является таким же «мужским» магическим инструментом, как меч или посох; известный британский исследователь Том Грейвс остроумно и очень точно сравнивал такое использование стоячих камней с техниками акупунктуры — техниками восточной медицины, позволяющими влиять на общее состояние человеческого организма путем втыкания игл в четко определенные активные точки тела.

Напротив, ритуально-астрономическая функция более характерна либо для менгиров, входящих в состав сложных визирных систем, прямо предназначенных для наблюдений Луны и Солнца (таковы, например, стоячие камни у Баллинаби на Гебридских островах), либо для удивительных, способных взволновать воображение даже постороннего человека мегалитических сооружений, состоящих из десятков и даже сотен менгиров. Такими сооружениями являются «аллеи» и даже «поля» стоячих камней. В Британии крупнейшими из таких памятников являются Лох-оф-Ярроус (около 70 менгиров), Мид-Клит (около 200 менгиров) и т. д.; но самые грандиозные из них расположены на западе Франции, в Бретани, — это знаменитые «поля менгиров» Карнака.

Современная «официальная» наука предполагает, что зона распространения менгиров в Европе четко ограничивается Британскими островами и атлантическим побережьем континента. Однако в последнее время появляется все больше публикаций, опровергающих данное мнение и свидетельствующих о существовании менгиров и на удаленных от океанского побережья внутриконтинентальных территориях. Так, например, сейчас уже известно более двадцати менгиров на территории Чехии [{106}](#). Около десяти стоячих камней сохранилось в Литве, где они называются стабакуляй и в местном фольклоре часто представляются «окаменевшими людьми» [{107}](#). Такие примеры можно продолжить.

Вероятно, сейчас еще рано пытаться сопоставлять западные и восточные менгиры по возрасту и культурно-историческому значению; однако то, что традиция стоячих камней имеет общеевропейский характер, можно утверждать уже сейчас.

...Впервые мысль о возможности существования стоячих камней на территории Центральной России возникла у меня еще в 1994 году, во время экспедиции по Лухскому Полесью (северо-восток Владимирской области). Тогда в городке Палехе местные краеведы показали мне внушительных размеров каменный столб, история которого такова.

Этот камень длиной около двух метров и сечением примерно 50×50 см был выворочен из грунта бульдозером во время проведения земляных работ. Это произошло в самом начале 90-х или в конце 80-х годов. Найден был камень у подножия холма, где ныне возвышается центральный храм Палеха, на берегу маленькой речки Палешки. На камне были обнаружены следы обработки; его втащили на холм и установили... у входа в церковь — как исторический памятник. Однако спустя несколько лет после этого Палех посетил патриарх Алексий II, и к его приезду «языческую древность» (на всякий, видимо, случай) снова своротили и бросили в церковном дворе. Там я и нашел ее, печально лежащую у ограды и полузасыпанную гравием.

Местные жители в Палехе называют камень «идолом», предполагая, что он был сброшен со своего первоначального места на холме во времена крещения Руси. Мне, однако, это представляется недостаточно обоснованным, несмотря на то, что камень несет следы обработки, и даже на то, что — с изрядной долей фантазии — в силуэте камня действительно можно усмотреть некоторую антропоморфность. Но на всех без исключения немногочисленных славянских каменных идолах, что сохранились до наших дней, обязательно проработаны (хотя бы грубо и символически) черты лица (а вот общая антропоморфность в большинстве случаев как раз отсутствует).

Однако во всем остальном не согласиться с палехскими краеведами сложно. Действительно, прекрасно известно, что многие значительные древние православные храмы строились на местах бывших языческих святилищ. Действительно, известно, что славянские культовые каменные артефакты, стоявшие некогда на вершинах холмов, во время введения христианства в большинстве случаев не разбивались на месте, а сбрасывались с холмов, после чего откатывались в ближайшее болото, ручей или реку. Так было со знаменитым Збручским идолом, со словенскими Новгородским, Псковским, Себежским идолами. Так что вполне резонно предположить, что и палехский камень некогда стоял на вершине холма, где ныне возвышается православный храм. Только вот был ли этот камень идолом, или же — все-таки — менгиром?..

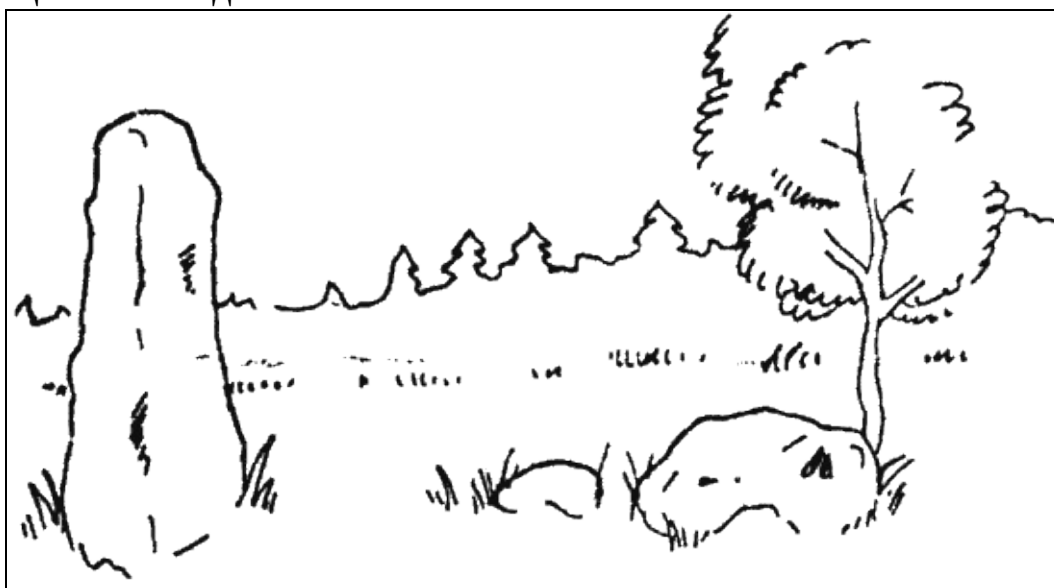
Разумеется, находка палехского камня, по форме действительно напоминающего

классический менгир, не позволяет однозначно говорить о существовании стоячих камней в Центральной России. Однако спустя пять лет после поездки в Палех мне довелось познакомиться с новым, на сей раз уже более доказательным, свидетельством. Речь идет о древнем святилище у д. Леоново на севере Московской области, обнаруженном и описанном Р. Афоным [\[108\]](#).

В настоящее время бывшее святилище представляет собой развал камней на краю большого болота. Один из камней — «следовик» и «чашечник» одновременно (подробнее см. описание Р. Афона в указанной работе). Группа из четырех других камней, лежащих вдоль одной линии, представляет собой осколки одного некогда цельного камня, имевшего длину порядка двух метров и ширину около 50 см. Афонин предполагает, что этот камень представлял собой именно менгир, который многие века тому назад был намеренно обрушен на землю и при этом раскололся на части.

И все-таки даже Леоновский расколотый менгир, несмотря на свой весьма показательный внешний вид, — это лишь еще одно свидетельство в пользу существования на Руси стоячих камней, но не доказательство. Прямым доказательством мог бы служить только менгир, сохранившийся в своем первоначальном положении. И такой менгир был описан нами в ходе Донской экспедиции 2000 года.

Белозерский стоячий камень находится у д. Белоозеро, неподалеку от шоссе Кимовск — Епифань. Камень мельком упоминается в публикациях А. А. Левина [\[109\]](#) и (вероятно, с его же слов) в книге В. Н. Шавырина [\[110\]](#).

Камень стоит на невысоком, окруженном заболоченной низменностью, холме посреди россыпи больших светлых камней и представляет собой классический менгир. Высота камня 1,8 м; в основании он имеет сечение 1,6×0,7–0,9 м, т. е. формой напоминает плиту. Плита ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Значительная часть поверхности камня несет явные следы полировки.

Среди камней, окружающих стоячий камень, есть несколько чашечных. Большинство из «чашек» имеет, вероятно, естественное происхождение; исключение, судя по всему, составляет один камень со сдвоенной «чашкой», фотография которого уже была приведена нами раньше (см. илл. 3.1.). Геометрически правильная, практически цилиндрическая форма двух этих «чашек», «гладкость» их стенок заставляют предполагать, что они выработаны (высверлены) искусственно.

Три приведенных выше примера (пусть и в разной степени достоверные) позволяют сделать некоторые предварительные обобщения по стоячим камням Русской равнины. Во-первых, местоположение: во всех трех случаях стоят или стояли на возвышении (пусть небольшом) посреди болотистой местности или недалеко от воды. Во-вторых, два менгира, до сих пор остающиеся на своем первоначальном месте (Белозерский и Леоновский), не «одинок» и являются элементами (основными, вероятно) своеобразных мегалитических культовых комплексов. Так, Белозерский менгир сопровождается как минимум одним «чашечником», Леоновский — «чашечником»-«следовиком».

Глава 7

КАМЕННЫЕ КРУГИ И ЛАБИРИНТЫ

Пусть наш Север кажется беднее других земель. Пусть закрылся его древний лик. Пусть люди о нем знают мало истинного. Сказка Севера глубока и пленительна. Северные ветры бодры и веселы. Северные озера задумчивы. Северные реки серебристые. Потемнелые леса мудрые. Зеленые холмы бывалые. Серые камни в кругах чудесами полны...

Николай Рерих

Еще одно отступление в геомантику

Как мы уже говорили неоднократно, со священными — алатырными — камнями в северной Традиции неразрывно связана магия. Это и собственная магия камней, и та магия, которую творили, используя священные камни древние маги. Нередко в магических целях создавались рукотворные мегалитические сооружения — иногда сложные, иногда очень простые, предназначенные для совершения тех или иных конкретных действий.

Магия требует сосредоточения Силы, и древние северные маги, следуя примеру самой природы, создавали святилища, «стягивающие» ту или иную ее половину: мужскую или женскую. Так появились менгиры — стоячие камни, совмещающие одновременно и мужской принцип Мировой Горы или Мирового Древа, и идею священного камня как такового. И так появились кромлехи — круги из камней. И если менгир связан с мужской стороной Силы, с агрессией, с извержением магии вовне, с активным познанием и изменением мира, то кромлех, напротив, связан с магией женской. Магический круг всегда был средством защиты, а не нападения; средством собирания, накопления Силы, а не ее извержения.

Мы говорили в самом начале этой книги о двух типах древних святилищ — «мужском» и «женском», «долинном» и «холмовом». Как рассмотренные в предыдущей главе менгиры представляют собой геомантический аналог холма, так кромлех есть геомантический аналог долины — долины, как замкнутого места, в которое стекается (или в котором сохраняется) Сила. Известны классические примеры такой магии: круги из камней или ножей складывают для обеспечения защиты какого-либо места, для концентрации в одном месте значительного количества Силы, наконец, для защиты могил великих людей...

Сегодня круг стоячих камней — кромлех — представляется большинству людей настолько четко привязанным к Западу Европы, к кельтской древней Традиции, что им сложно вообразить себе каменный круг где-нибудь в Восточной Европе и особенно в Центральной России. Между тем оба эти представления неверны. Прежде всего, строительство европейских мегалитов связывается не с кельтами, а с их предшественниками — с нордическими племенами культуры воронковидных кубков, возникшей в Северной Европе в самом конце IV — в начале III тысячелетия до н. э., соответственно, и зона распространения мегалитов — даже в их «классической», западноевропейской, форме значительно шире, чем крайний Запад Европы. Неверно и то, что круги из камней не встречаются в Восточной Европе, хотя наиболее впечатляющие из них действительно расположены на Британских островах.

На территории Великобритании сейчас известно около 170 кромлехов, значительная часть которых (больше ста) находится в Шотландии. По современным представлениям, британские каменные круги (иногда их называют хенджами) в абсолютном большинстве своем многофункциональны: такой хендж — это и капищный комплекс, и магический инструмент [\[111\]](#), и солнечная (иногда и лунная) обсерватория [\[112\]](#). Многие авторы указывают на то, что каменные круги более других древних сакральных сооружений сохранили свою магию, благодаря чему они и сейчас являются «источником» различных необъяснимых событий, нередко небезопасных для людей. В результате традиционные связанные с такими святилищами предания пополняются современным фольклором и свидетельствами о чудесах. Вот один из таких примеров:

«Чэнтонбери Ринг, древний земляной круг, увенчанный кольцом деревьев, расположен на вершине холма на южном побережье Англии. В свое время там была крепость англосаксов, которая, в конце концов, пала после жестоких сражений.

[...]

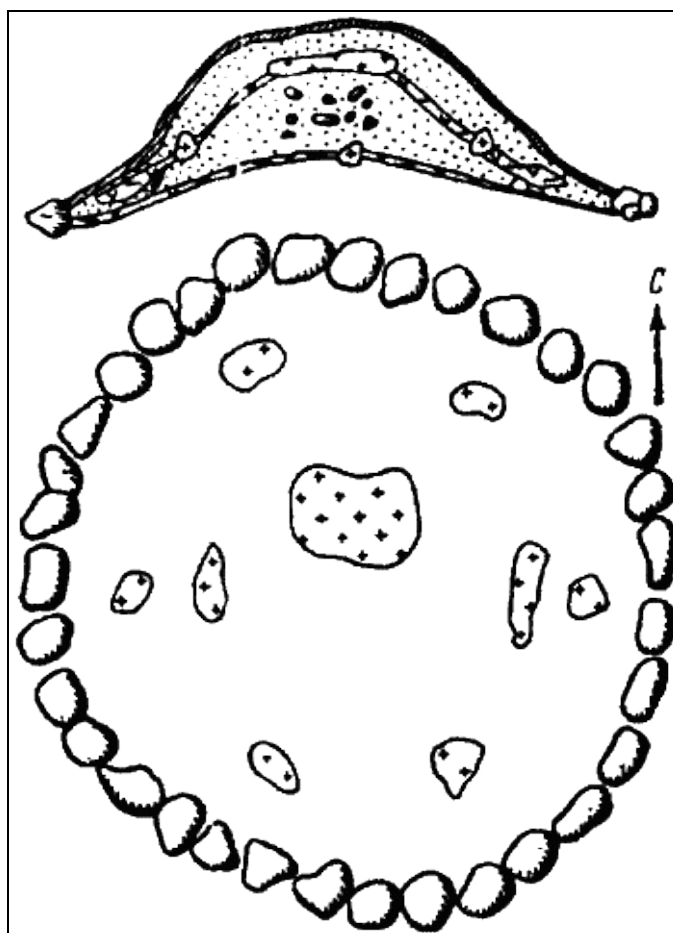
Ночью 25 августа 1974 года Вильям Линкольн пришел в это место вместе с тремя своими друзьями, наслушавшись историй о каких-то странных сверхъестественных событиях, которые якобы порою там происходят.

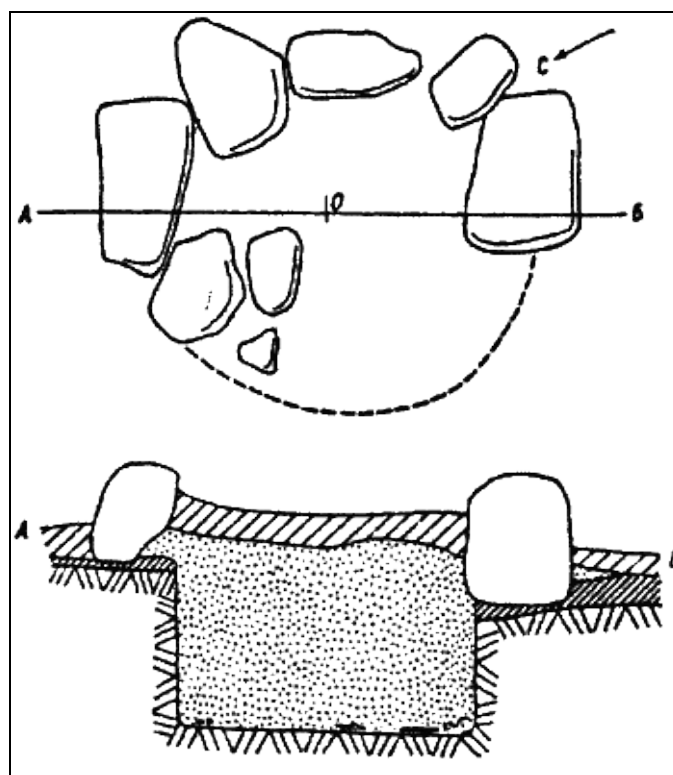
Около 11 часов ночи, когда «охотники за приключениями» вошли под сень деревьев, кольцом окружавших само место, Линкольн получил, пожалуй, нечто большее, чем то, на что сам он рассчитывал. Совершенно неожиданно, как рассказывали потом его друзья, он был подхвачен незримой рукой и поднят в воздух на высоту около пяти футов; Линкольн висел в горизонтальном положении секунд тридцать, если не больше, и только потом упал на землю. Ни он сам, ни кто-либо из

его друзей не видели ничего, что могло бы спровоцировать этот случай левитации — но сам эпизод навсегда остался в памяти. Один из спутников Линкольна, у которого хватило догадливости прихватить с собой магнитофон, сделал запись, на которой отчетливо слышен истошный крик Линкольна: «Не надо! Не надо!» и мольба о том, чтобы его отпустили» [\[113\]](#)...

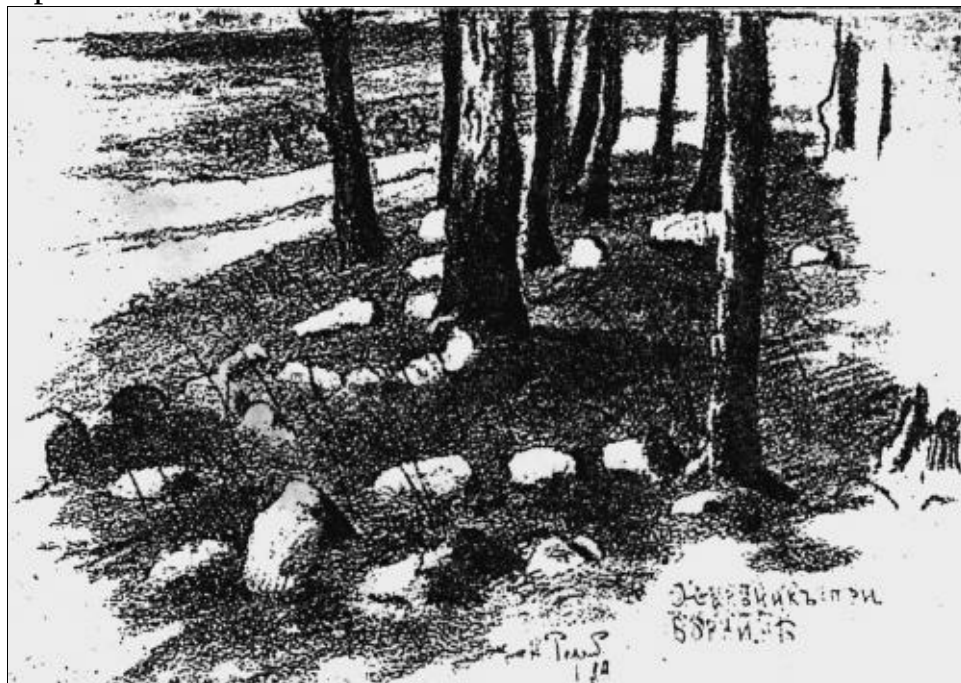
* * *

Тезис о том, что кромехов, или хенджей, в Восточной Европе нет, никто никогда не формулировал: просто долгое время это казалось настолько естественным, что незачем было об этом и говорить. Однако на самом деле это совсем так. Действительно, в России на данный момент не известны хенджи таких масштабов, как британские Стоунхендж или Эйвбери. Однако это еще далеко не повод утверждать, что данный вид мегалитических сооружений характерен только для Запада.

Прежде всего, само представление о магии круга, сложенного из камней, является, пожалуй, общим для всех частных ветвей нордической Традиции, в том числе и для славянской. Пример тому — жальники, характерный тип славянских захоронений XII–XIV веков, окруженных выстроенными в круг валунами. Назначение такого миниатюрного кромлеха более или менее очевидно — круг камней в данном случае имеет охранное значение, причем, вероятно, в обоих направлениях: он и оберегает могилу от внешних воздействий, и удерживает в этом круге силу похороненного.

Конечно, хотя сам принцип жальника апеллирует к тому же представлению о магии составленного из камней круга, что и принцип западноевропейских хенджей, это все же две разные традиции, разделенные и более чем двумя тысячелетиями истории, и — главное — функциональным значением сооружений (хотя на Западе одиночные захоронения в кругах стоячих камней также известны). Однако сейчас мы располагаем и определенными сведениями о существовании в Центральной России и каменных кругов, не содержащих погребений, т. е. заведомо представляющих собой ритуальные сооружения. Более того, некоторые из таких памятников изучены и описаны — хотя и малоизвестны.

Одно из ранних указаний на существование в России каменных кругов оставил знаменитый фольклорист А. Н. Афанасьев, писавший в XIX веке: «На берегу реки Мечи указывают несколько камней, расположенных кругом» [\[114\]](#). Другое свидетельство, также относящееся к XIX веку, принадлежит Ивану Тургеневу, описавшему некое мегалитическое сооружение, очень похожее на кромлех, в своем рассказе «Бежин луг»:

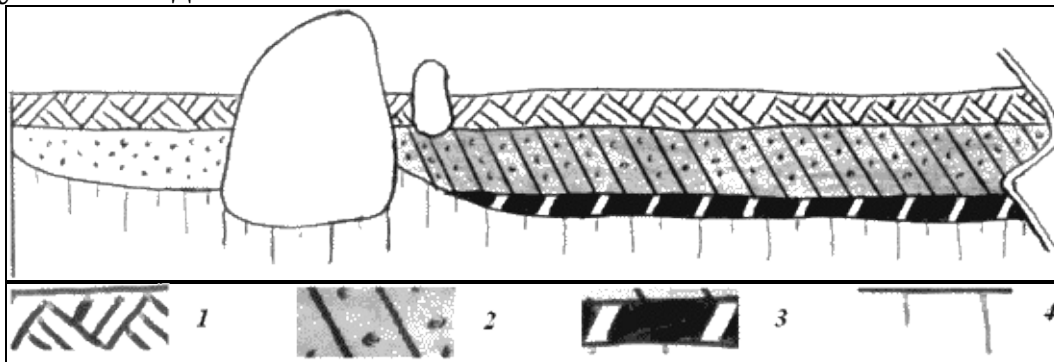
«...Я отчаянно устремился вперед, словно вдруг догадался, куда следовало идти, обогнул бугор и очутился в неглубокой, кругом распаханной лощине. Лощина эта имела вид почти правильного котла с пологими боками; на дне ее торчало стоймя несколько больших белых камней, — казалось, они сползли туда для тайного совещания, — и до того в ней было немо и глухо, так плоско, так уныло висело над нею небо, что сердце у меня сжалось»...

Хотя указание Тургенева и имеет художественный — даже поэтический! — характер, это не делает его заведомо необъективным. Хорошо известно, что Тургенев, будучи заядлым охотником, прекрасно знал свои любимые места, описывая их с объективностью и подробностью бытописателя. Более того, Бежин луг — конкретное место, до сих пор существующее под тем же именем. На настоящее время бежинский круг стоячих камней (если это именно круг) не найден; по предположению некоторых исследователей, он был разрушен еще в XIX, самое позднее — в начале XX века.

Большинство сохранившихся на территории России до настоящего времени каменных кругов находятся в Северо-Западном регионе — в Псковской, Новгородской и Санкт-Петербургской областях [\[115\]](#). Впервые некоторые из них были обнаружены и обследованы в

самом конце XIX века Н. К. Рерихом в ходе археологических изыскания в Шелонской пятине Новгородской Земли. В начале XX века кругами отчасти занимался Б. В. Александров: именно он открыл и исследовал так называемый «Солоницкий» круг у д. Солоницко в Новгородской губернии. В наше время раскопки на известных каменных кругах проводили В. Я. Конецкий, Е. Н. Носов и другие исследователи.

Некоторые из исследованных каменных кругов по своему исходному предназначению (но не по типологии!) приближаются к жальникам и новгородским сопкам, хотя и имеют значительно больший возраст. Таков, например, каменный круг у д. Коломо Новгородской области, представляющий собой «плоский курган» диаметром чуть меньше 20 метров, обрамленный рядом вертикально установленных валунов высотой до полутора метров. По всей внутренней части круга на глубине около метра залегает зольно-угольный слой, свидетельствующий о том, что некогда в круге, занимая всю его площадь, горел огромный костер, возможно — погребальный. Позднее внутреннее пространство круга было засыпано землей, и на настоящий момент только верхушки стоячих камней выступают над поверхностью земли. Внутри круга найдено несколько обломков лепной керамики и кремневый наконечник стрелы.

Однако большинство каменных кругов Русского Севера отличается от жальников не только большим возрастом, но и сугубо культовым предназначением. Некоторые из них достаточно просты по конструкции; пример — каменный круг близ деревни Хутьнь, представляющий собой кольцо валунов, в центре которого находится выложенная камнями яма, заполненная золой и обгорелыми костями животных (вероятно, жертвенник). Однако известны и довольно сложные мегалитические сооружения, самое интересное из которых — так называемый «Подгощинский круг», описанный еще Н. К. Рерихом (близ деревни Подгощи Новгородской области).

Этот мегалитический памятник имеет форму несколько вытянутого круга размером 10,5 на 13,5 метра; длинная ось ориентирована с запада на восток. Периметр круга образуют два ряда валунов, выступающих над поверхностью земли на треть метра. В центре круга находится крупный валун диаметром более метра; вокруг него стоят по кругу восемь таких же камней. Очевидно, что вытянутая форма круга связана не с «неумением» древних строителей этого мегалитического сооружения: построить на местности правильный круг несложно (достаточно вбить в будущий центр круга кол и очертить периметр круга, используя привязанную к колу веревку); гораздо сложнее построить правильный эллипс. То, что вытянутая форма круга из камней осмысленна и имеет определенное сакральное значение, подтверждается широтной ориентацией длинной оси, а также тем, что такой памятник не единственен. Несколько вытянутую форму имеет также круг из крупных валунов, расположенный у деревни Сущево (14 на 17,5 метров), причем соотношение длин короткой и длинной осей обоих памятников примерно одинаково — около $5/4$ [\[116\]](#). Впрочем, о математических закономерностях этих уникальных мегалитических сооружений мы будем говорить ниже; здесь же отметим только, что «некруглые» каменные круги известны и на Британских островах.

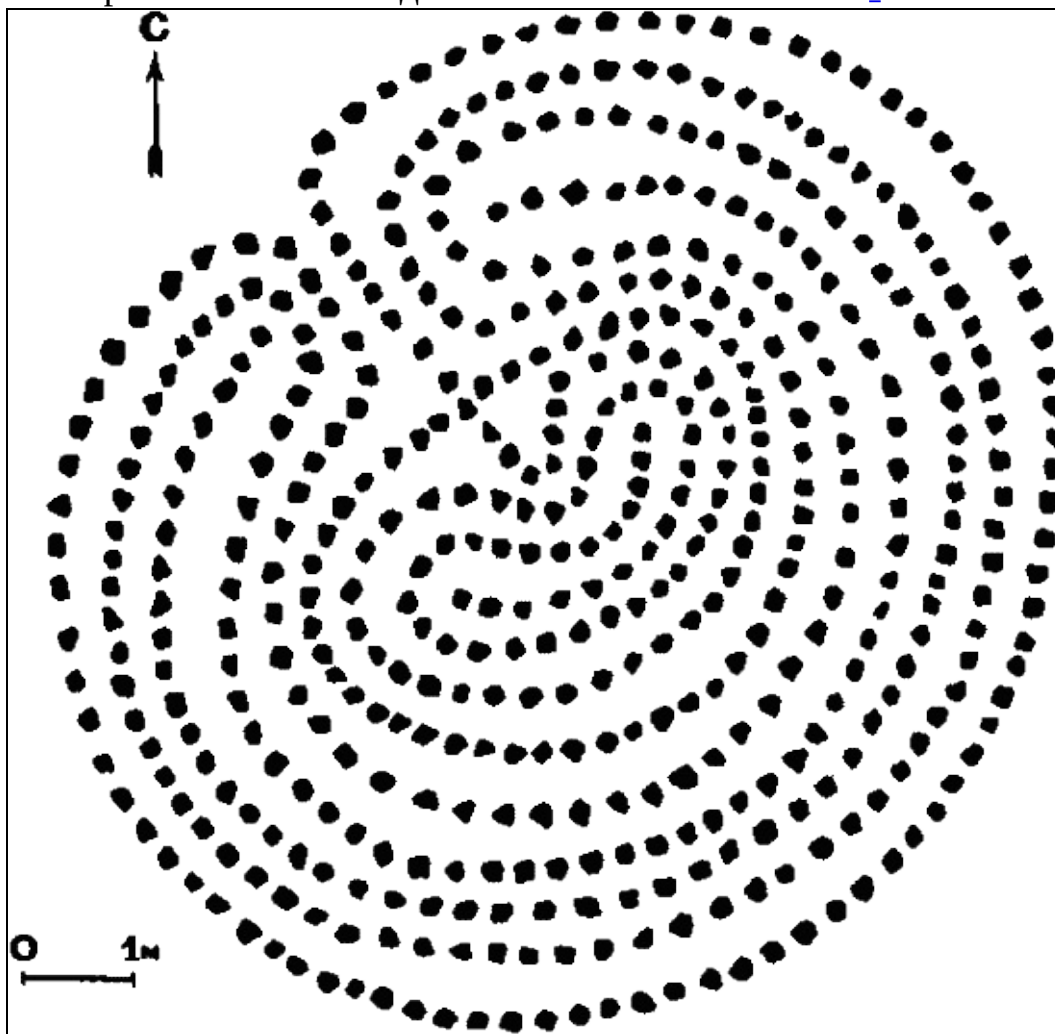
Известны случаи, когда каменный круг не изолирован, но входит в состав определенного

археологического комплекса. Один из таких комплексов, включающий поселение, сопку и каменный круг, исследовался В. Я. Конечким в урочище Губинская Лука на реке Ловать (также Новгородская область) в 1989–1991 годах. В целом же число известных каменных кругов Севера приближается к десятку; помимо уже названных, в разное время специалистами изучались круги у деревень Любынь, Луки, Большая Витань и др.

Однако не следует думать, что каменные круги распространены только на Новгородской Земле. Я уже приводил свидетельства Афанасьева и Тургенева, привязанные к более южным районам России (к землям вятичей); существует, кроме того, сохранившийся и исследованный археологами аналогичный памятник вне Новгородчины — единственный (по крайней мере, на настоящий момент), зато особенно интересный. Интересный тем, что косвенно приводит нас к родственным каменным кругам, но иному типу сакральных мегалитических сооружений — возможно, одному из самых загадочных.

Лабиринт

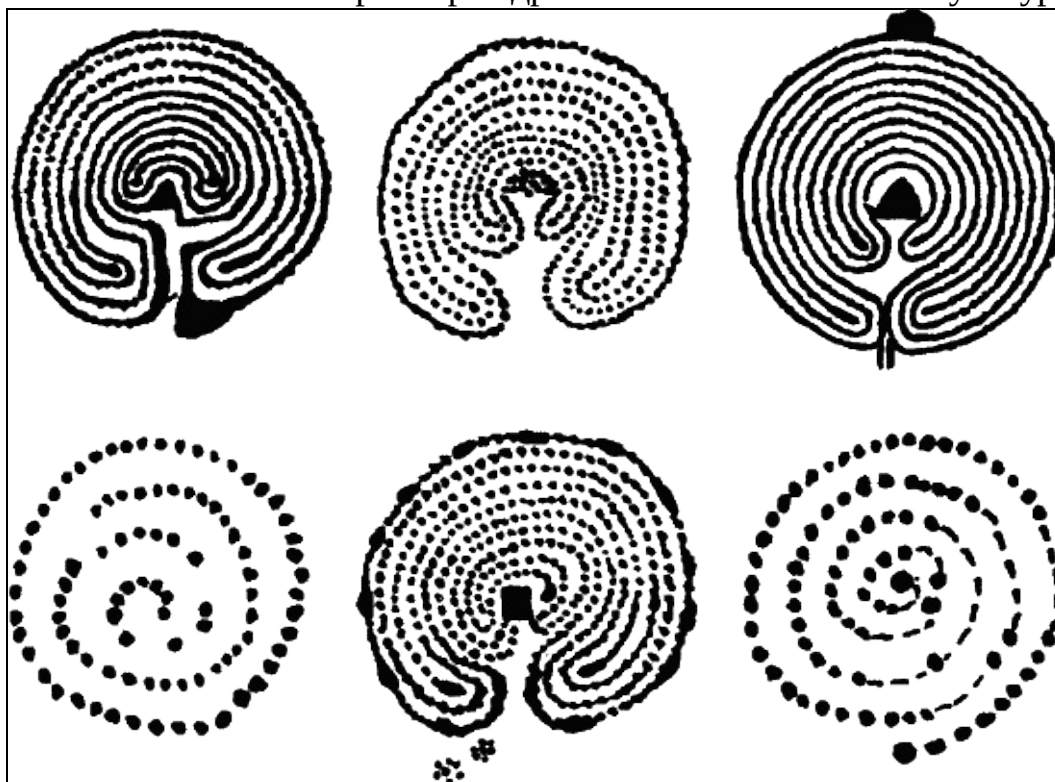
«...С вершины невысокого холма, чуть поднимающегося над поверхностью, состоявшего из валунов и гальки, взгляду открывалось удивительное зрелище огромных каменных спиралей до тридцати с лишним метров в диаметре, гигантским полукольцом охватывающих холм. [...] Их витки, высотой кое-где до полуметра, поросшие сплошным ковром мха и вереска, по большей части были насыпаны из гальки. В центре некоторых спиралей стояли более крупные валуны, напоминавшие алтари или гробницы, за которые их и принимали многие исследователи...» — так описывал свои первые впечатления о лабиринтах Большого Заяцкого острова (Соловецкий архипелаг) известный российский исследователь А. Л. Никитин [\[117\]](#).

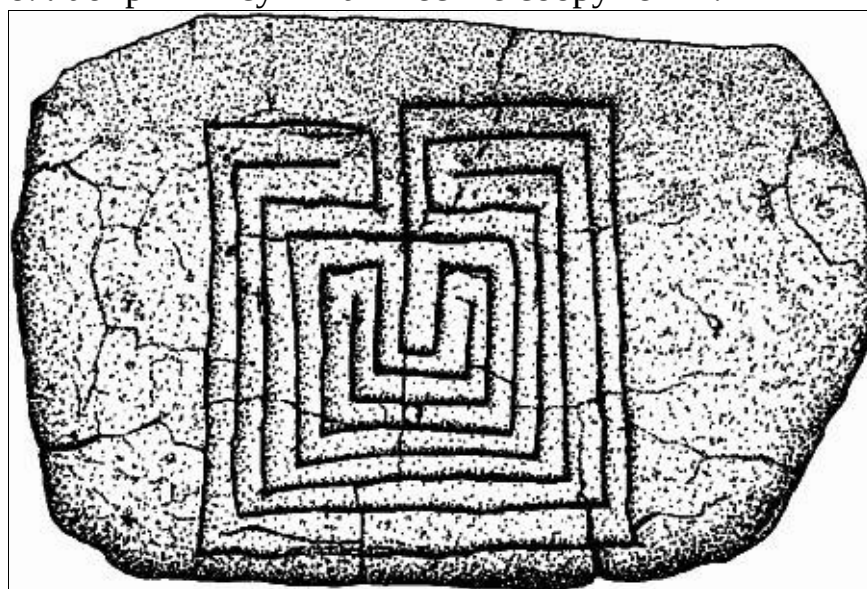
На настоящий момент известно более сотни древних каменных лабиринтов; абсолютное большинство из них сосредоточено на Севере и Северо-Западе Европы, причем если в Англии описано менее пяти таких памятников, столько же — в Норвегии, немногим больше — в Швеции, то на одном только российском побережье Белого моря лабиринтов насчитывается около трех десятков.

Большинство лабиринтов представляют собой относительно небольшие сооружения, до десятка метров в диаметре; перегородки в них либо выложены маленькими валунами, либо — как в случае упомянутых соловецких лабиринтов — насыпаны из крупной морской гальки. Основная форма их внешнего контура — круг, реже — овал, иногда угловатый. Как правило, древние лабиринты являются уникурсальными, т. е. имеют единственный вход и только одну дорожку, ведущую от этого входа к центру; тупиков в таких лабиринтах нет. Лишь совсем недавно Евгением Лазаревым был описан новый тип лабиринтов, отличающийся от основного и по структуре, испособом сложения стен, представляющих собой довольно высокую кладку из

Первые квалифицированные исследования северных лабиринтов в России были выполнены еще в начале текущего столетия; уже тогда стало ясно, что они не являются ни остатками жилищ, ни погребальными сооружениями. Позднейшие исследования позволили датировать лабиринты второй половиной III — началом I тысячелетия до н. э. Такая довольно расплывчатая датировка позволяет тем не менее говорить о том, что лабиринты возникали синхронно с мегалитическими сооружениями Западной Европы. Следует ли сделать из этого вывод о том, что и те, и другие являются материальным, вещественным наследием некоей единой, распространенной на колоссальных просторах древней мегалитической культуры? Неясно.

Если Стоунхендж и подобные ему сооружения уже раскрыли свою тайну — по крайней мере, астрономическую ее часть, — то лабиринты продолжают молчать до сих пор. Не сохранилось ни живой традиции работы с северными лабиринтами, ни письменных свидетельств о ритуальном или магическом их использовании. И тем не менее можно утверждать однозначно: лабиринты суть магические сооружения.

Самое слово «лабиринт», традиционно возводимое к греческому языку, имеет корни, еще более древние. Лабиринт — так называлось подземелье Миноса, владыки Крита, где

разворачивается основное действие мифа о поединке Тесея и Минотавра. Слово происходит от минойского «лабрис» — так называли на древнем Крите двулезвийную секиру, символ магической власти и перехода из мира живых в мир мертвых ^{119}. Этот символ, вероятно, был широко распространен по всему древнейшему Средиземноморью; так, например, у этрусков встречается иногда изображение Харона, перевозчика душ умерших, с лабрисом в руке. Минойское же «лабиринт» может быть переведено как «святилище лабриса».

Там, в средоточии средиземноморской цивилизации, сохранилось много ниточек, за которые стоит потянуть, желая распутать тайну северных лабиринтов... На многих критских (минойской эпохи) памятниках мы видим изображение лабриса... и изображение лабиринта, уникального лабиринта, геометрически тождественного северным. Стоит задуматься о содержании мифа о Тесее и Минотавре.

Итак, Лабиринт. Мрачное подземелье, в котором обитает некое чудовище, подземелье, связанное неким образом с магией и Иным Миром. С другой стороны, Тесей и его спутники, как справедливо отмечал Ю. В. Андреев, — подростки; недаром и в позднем греческом искусстве Тесей всегда изображался безбородым юношей...

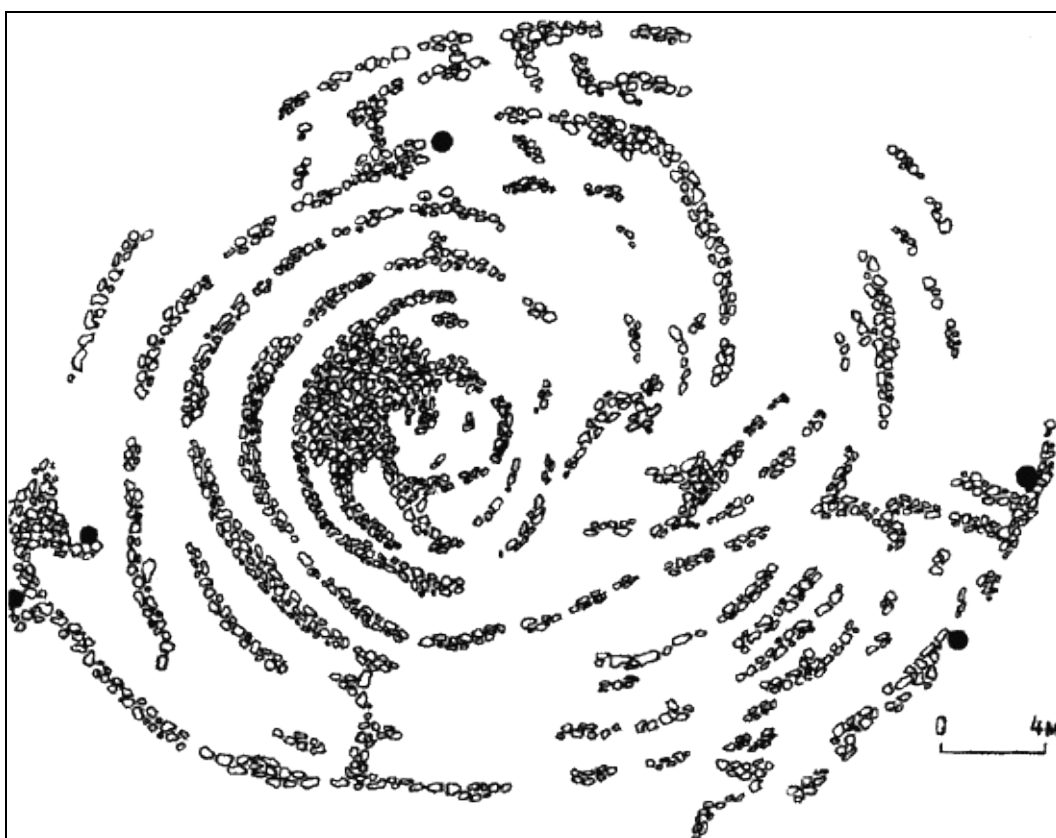
Мысль о том, что миф о Тесее отражает ритуал возрастного и/или кастового посвящения, высказывалась уже неоднократно, и вряд ли может быть оспорена. Действительно, сопровождаемое испытаниями путешествие в Иной Мир, означенное в мифе Лабиринтом, — налицо. Но нас сейчас интересует тот факт, что место темного леса, символизирующего в славянской «околосказочной» традиции Иной Мир, здесь занимает Лабиринт.

Вероятно, миф, исходный по отношению к мифу о Тесее, был некогда общеарийским. Так, на скандинавском Севере сохранилась легенда о Гримборге, представляющая собой странное переплетение сюжетов мифа о Тесее и мифа об Орфее. Шведская Песнь о Гримборге повествует о том, как этот герой преодолевает железные стены, чтобы добраться до прекрасной принцессы, сокрытой в замке некоего короля (вариант — тролля). Этот замок, как и Лабиринт Миноса, довольно четко ассоциируется с Иным Миром; важно, что там же — в Швеции — долгое время сохранялась традиция зимних игрищ, связанных с легендой о Гримборге. Деревенские жители выстраивали снежный или ледяной лабиринт, в центр которого помещалась девушка — «принцесса». Юноша, выбранный «Гримборгом», должен был раскидать «стражу» у входа в лабиринт и безошибочно пробежать по его дорожкам, чтобы освободить девушку из плена. Найджел Пенник, рассматривая данную легенду ^{120}, отмечает, что имя главного героя сказания — героя, прошедшего лабиринт и ставшего его победителем! — может восходить к имени Грим (Гримнир) — одному из хейти Одина...

Если же мы вернемся к древним каменным лабиринтам, то увидим, что фольклор северных народов повсеместно связывает их с эльфами, троллями, гномами и прочими волшебными персонажами, что нередко свидетельствует о связи данного места нашего мира с мирами Иными [{121}](#). А. Л. Никитин указывает, например, что на Британских островах народная молва прямо называет лабиринты выходами из подземного царства; на тех же лабиринтах лунными ночами появляются эльфы и танцуют, завлекая неосторожных путников. В Швеции, согласно легендам, каменные спирали лабиринтов отмечают входы в подземные дворцы карликов-двергов...

...В Центральной России на настоящий момент известен лишь один достоверный каменный лабиринт — его остатки были обнаружены в середине 1980-х при проведении археологических раскопок у села Мостище в 20 км от Воронежа [{122}](#). Этот лабиринт был некогда выложен из небольших камней на высоком мысу над Доном; археологи датировали его концом III — началом II тысячелетия до н. э. (т. е. бронзовым веком). Судя по отсутствию следов поселений и бытовых отходов, данное место являлось святилищем.

Тема лабиринтов косвенно связана с интереснейшим российским мегалитическим памятником, о котором пойдет речь ниже.

«Бежецкие Круги», о которых еще академик Б. А. Рыбаков говорил, как о памятнике уникальном, были открыты российскими археологами сравнительно недавно. Значительно дольше этот памятник разрушается ищущими поживы частными лицами... Впрочем, пойдём по порядку.

Итак, памятник находится в Бежецком районе Тверской области и включает несколько «каменных кругов», каждый из которых представляет собой концентрические круговые выкладки из небольших камней. Камни сильно вросли в землю и в настоящее время лишь чуть-чуть возвышаются над ее поверхностью. Пространство между каменными кольцами заполнено землей вперемешку с серебряными монетами (что и привлекает к памятнику самодеятельных кладоискателей). Монеты датируются временами правления царей Ивана III, Ивана Грозного и Бориса Годунова; количество их огромно — только по очевидно неполным данным местной милиции за последние четверть века отсюда были похищены многие сотни монет. Погребений под «кругами» не обнаружено.

Памятник до сих пор не изучен окончательно, а между тем он стремительно разрушается «кладоискателями» [123](#). Мне довелось разговаривать с изучающими «Круги» археологами Бежецка, и я вполне понимаю, почему они так не спешат в полном виде публиковать материалы исследований...

...Когда я впервые узнал о «Бежецких кругах», мне вспомнилась одна из скандинавских «саг о древних временах», как их классифицировал М. И. Стеблин-Каменский, — Оддасага, а точнее — тот ее фрагмент, который повествует о путешествии Одда к святилищу в загадочной земле Биармия [124](#). Достаточно очевидно, что «Круги» — это культовые, магические сооружения, и описание Оддасаги, пусть и далекое географически от Тверской области, может, на мой взгляд, помочь нам понять их предназначение. Итак, Оддасага:

«Вверху по реке Вине стоит холм, составленный из земли и блестящих монет; за каждого, кто умирает, и за каждого, кто рождается, несут туда горсть земли и горсть

серебра...»

Теперь же перейдем к тому, ради чего я упомянул о каменных лабиринтах европейского Севера.

...Меня всегда удивляла глубина магических значений слов русского языка. Стоячий камень менгира и каменный круг кромлеха. Кол и Коло... Ось и круг имеют в русском языке одно и то же имя.

Противоположности должны сходиться, — именно тогда рождается самая глубокая, истинная магия. Известно несколько типов северных каменных лабиринтов: классические уникурсальные, бикурсальные, спиральные; при всех их различиях они сохраняют одно основное свойство — в той или иной степени воплощают слияние мужского принципа Центра и женского принципа Круга.

«Бежецкие круги» не являются, разумеется, лабиринтом, но, представляя собой последовательность сходящихся к центру вложенных каменных колец, воплощают отчасти ту же идею слияния Круга и Центра — идею лабиринта, символ которого, наряду со свастикой-коловоротом, является одним из важнейших символов Северной Традиции...

Математика каменных кругов

Очень часто в ходе исследований простейший, казалось бы, вопрос, заданный самому себе, может привести к новым, удивительным наблюдениям, а иногда — и к новым открытиям.

Давайте задумаемся — как создавались каменные круги Европы? Речь не о том, как транспортировались и устанавливались многотонные камни — сейчас мы уже хорошо знаем, что инженерная мысль у наших предков работала великолепно. Речь о том, как именно им удавалось выстраивать ряды камней по геометрически абсолютно правильным линиям — будь то круги, эллипсы или еще более сложные фигуры, известные, например, на Британских островах. Действительно, точность построения древних каменных кругов подчас поражает. Так, например, в знаменитом Кольце Бродгара (Оркнейские острова), имеющем диаметр более полусотни метров и состоящем из 58 камней, лишь 9 камней отклоняются от абсолютной окружности более, чем на 50 см, — и это при том, что со времени их установки прошли тысячелетия, которые не могли не сказаться на точности. Иначе говоря, погрешность, которую допустили «инженеры» Кольца Бродгара, значительно меньше 1 % — и это очень небольшая погрешность. А ведь Кольцо Бродгара — не самый «точный» в этом отношении памятник: погрешность, допущенная при строительстве Стоунхенджа, почти на порядок меньше...

Когда в середине ушедшего, XX, века британский профессор А. Том (а именно он был пионером в этом вопросе) выступил со своими математическими исследованиями британских мегалитических сооружений, доказывающими поразительную точность их построения и, главное, сложность их геометрии, многие современные ему ученые ответили на его публикации откровенным смехом. Эти ученые — противники А. Тома — были, разумеется, правы в том, что человек Бронзового века не мог владеть современной аналитической геометрией, но при этом они категорически ошибались в самой посылке своих доводов. Так, например, для того чтобы начертить на земле классическую равномерную Архимедову спираль, совершенно не нужно знать ее уравнение в полярных координатах или в параметрическом виде; вполне достаточно вкопать в землю толстый деревянный столб, привязать к нему веревку или длинный ремень и обходить столб по кругу. Конец ремня, наворачивающегося на столб и, соответственно, укорачивающегося с каждым оборотом, будет описывать именно равномерную Архимедову спираль.

Вернемся к каменным кругам. Достаточно легко представить, как создавались каменные круги, имеющие форму правильной окружности. Для этого нужно вбить в центре будущего круга деревянный кол; взять ремень или веревку длиной в диаметр круга, сложить ее пополам и связать в кольцо; один конец получившейся петли накинуть на центральный кол, а в другой на полном натяжении петли вставить кольцо, который и будет очерчивать по земле окружность. Далее остается только обойти вокруг центрального кола; петля же здесь нужна для того, чтобы ремень скользил по центральному колу, а не наворачивался на него — иначе получится спираль, а не окружность.

Однако значительное количество — практически половина — известных каменных кругов Европы имеют более сложную форму, чем окружность; в большинстве случаев это правильный эллипс — достаточно сложная замкнутая кривая, в простейшем случае вырождающаяся в окружность. Очевидно, что эллипсоидные каменные круги Европы не являются «ошибкой», допущенной при создании «круглых кругов»: во-первых, мы уже говорили о точности, с которой работали строители мегалитов; во-вторых, о каком отклонении от круга можно говорить, например, когда длина каменного эллипса вдвое превышает его ширину; и, наконец, речь ведь идет именно об эллипсе — вполне конкретной геометрической фигуре, — а вовсе не о

произвольном овале. Иначе говоря, вытянутые каменные круги вытянуты намеренно и, более того, в соответствии с определенными математическими законами.

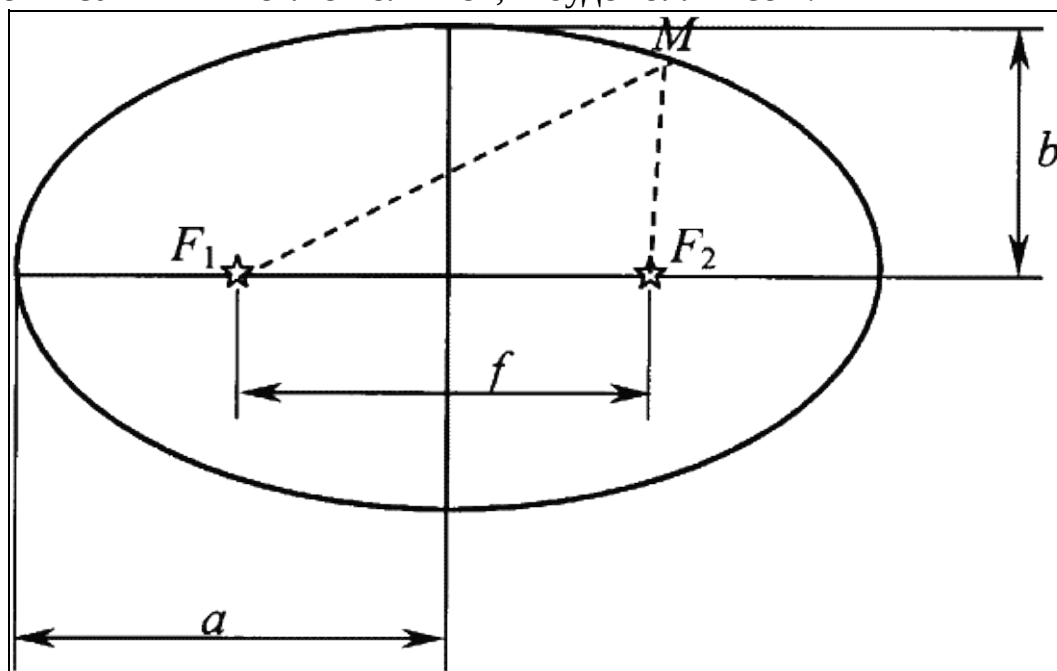
Мы уже упоминали тот факт, что большинство новгородских каменных кругов («молодых» по сравнению с британскими) также имеют вытянутую форму. Само по себе это, возможно, еще ни о чем не говорит, но вот то, что упомянутый выше круг у деревни Коломо представляет собой точный эллипс с фокальным расстоянием 4,17 м и эксцентриситетом 0,47, уже заставляет задуматься...

Впрочем, вернемся к вопросу о том, как наши предки вычерчивали на поверхности земли столь сложные кривые.

Итак, с кругом все просто: центральный кол и ременная (веревочная) петля, длина которой равна диаметру круга. Все просто рассчитать и просто — оставляя в стороне технико-бытовые проблемы — реализовать.

С эллипсом все значительно сложнее. В рамках аналитической геометрии форма эллипса элементарно описывается в параметрическом виде, чуть сложнее — в полярных координатах, очень сложно — привычных декартовых. Но древние строители мегалитов, как мы уже упоминали, вряд ли владели высшей математикой; зато в их распоряжении были вторичные свойства кривых: так, например, описанный выше очевидный способ построения окружности основан на том, что окружность — это геометрическое место точек, равноудаленных от некоей точки, которая и является ее центром.

В отличие от окружности, эллипс определяется не одной точкой-центром, но двумя точками, которые называются его фокусами и лежат на главной (длинной) его оси. Уникальное свойство эллипса заключается в том, что сумма расстояний от любой его точки до фокуса-1 и до фокуса-2 неизменна. А поскольку расстояние между фокусами неизменно по определению, то это дает нам (и нашим предкам) способ построения эллипса на местности, минуя хитрости аналитической геометрии. Достаточно вбить в землю два столба, накинуть на них все ту же ременную петлю и обойти, удерживая петлю в натяжении, эти столбы вокруг: фигура, которую очертит на земле ввязанный в петлю колышек, и будет эллипсом!

Просто? Отнюдь нет. Проблема заключается в том, что требуется-то не произвольный эллипс, а эллипс с более или менее заданными длиной и шириной (вряд ли каменные круги, на сооружение которых нередко уходили десятилетия, а то и века, создавались «просто так», наобум). Геометрическая задача: на каком расстоянии нужно расположить столбы-фокусы, чтобы получить, следуя вышеописанной технологии, эллипс с нужными длиной и шириной?

Сейчас эта задача решается элементарно: несложно показать, что длина эллипса, его ширина и расстояние между фокусами связаны теоремой Пифагора, т. е.:

$$2f = \sqrt{(2a)^2 - (2b)^2}$$

Определив таким образом расстояние между столбами, несложно посчитать и требуемую длину петли — она будет равна расстоянию между столбами плюс заданную длину каменного эллипса (говоря современным языком — удвоенной сумме фокального расстояния и большой полуоси эллипса).

Но все это легко в XXI веке, когда теорему Пифагора изучают едва не в начальных классах школы. Строители же мегалитов вряд ли владели теоремой Пифагора, какой бы простой она ни казалась нам. Что же оставалось им — очевидно, древнейший и многократно проверенный практикой путь эмпирики, путь «проб и ошибок». Иначе говоря, им требовалось опытным путем подобрать такое соотношение между длинами трех отрезков, чтобы, сложенные концами, они образовывали прямоугольный треугольник, — тогда его гипотенуза будет пропорциональна длине эллипса, один из катетов — ширине эллипса, а другой — искомому расстоянию между столбами. И уж конечно, такое соотношение должно выражаться целыми числами — вряд ли тысячи лет назад строителям мегалитов было удобно работать с дробями...

...Природа, как сказал герой одного советского фантастического фильма, ставит перед нами труднейшие задачи, но она же всегда предлагает нам способ их разрешения. Дело в том, что существует так называемый простейший «пифагоров треугольник», являющийся прямоугольным при том, что длины его сторон пропорциональны небольшим целым числам: 3:4:5. Действительно, $3^2 + 4^2 = 5^2$. Кто знает, что было бы, если бы такого треугольника не существовало... Но он существует, и на его основе построена геометрия очень многих мегалитических сооружений Западной Европы; известный исследователь британских мегалитов Джон Вуд даже назвал его в этой связи «вездесущим треугольником 3:4:5». Существуют и другие пифагоровы треугольники (т. е. прямоугольные треугольники, соотношение сторон которых выражается целыми числами), например, треугольник 8:15:17 или 5:12:13; многие из них также обнаружены в геометрии мегалитических сооружений Западной Европы, и все-таки классический 3:4:5 встречается в мегалитах чаще всего.

Итак, что же нужно было древнему мастеру, чтобы построить «каменный эллипс» заданных размеров? Прежде всего — знать несколько пифагоровых треугольников (или хотя бы один, простейший) — наверняка это знание было сакрализовано и передавалось от учителя к ученику. Последовательность действий мастера должна была быть примерно такой (представим, что нам нужен эллипс длиной 10 метров и воспользуемся классическим треугольником 3:4:5):

1. Определить центр будущего эллипса и отметить его кольшком. Наметить, в каком направлении будет проходить длинная ось эллипса.
2. Раз требуется длина 10 метров, то расстояние между столбами должно быть 6 метров, а ширина эллипса получится 8 метров (по соотношению 3: 4: 5). Стало быть, нужно отмерить вдоль намеченной длинной оси эллипса по 3 метра в каждую сторону от центрального кольшка и в полученных точках вбить по столбу.
3. Взять веревку, длина которой равна сумме длины будущего эллипса и расстояния между столбами (т. е. 16 метров), и завязать ее в петлю.
4. Накинуть эту петлю на вбитые в землю столбы, взяться за веревку и отойти от столбов на максимально возможное расстояние — так, чтобы веревка натянулась. Затем обойти столбы вокруг, поддерживая натяжение веревки и отмечая свой путь на поверхности земли, — полученная замкнутая кривая и будет эллипсом нужного размера...

При желании читатель может воспроизвести эти действия и «экспериментально» убедиться, что данная простая технология работает. Единственное отличие описанной технологии от той, которую, вероятно, использовали наши предки, обусловлено отсутствием у последних рулетки или иного способа отмерять произвольные расстояния — именно с этим, в частности, и связано требование целых чисел в «базовом» треугольнике. Наверняка при проведении описанных построений они использовали некую шаблонную меру или целое число шаблонных мер (например, шаг или размах рук) — благо использование пифагоровых треугольников позволяло не дробить эту меру.

...До сих пор мы говорили о Европе в целом — не считая одного упоминания о том, что Коломский каменный круг имеет форму точного эллипса. Теперь же обратимся к каменным кругам Русского Севера — посмотрим на них немного более пристально.

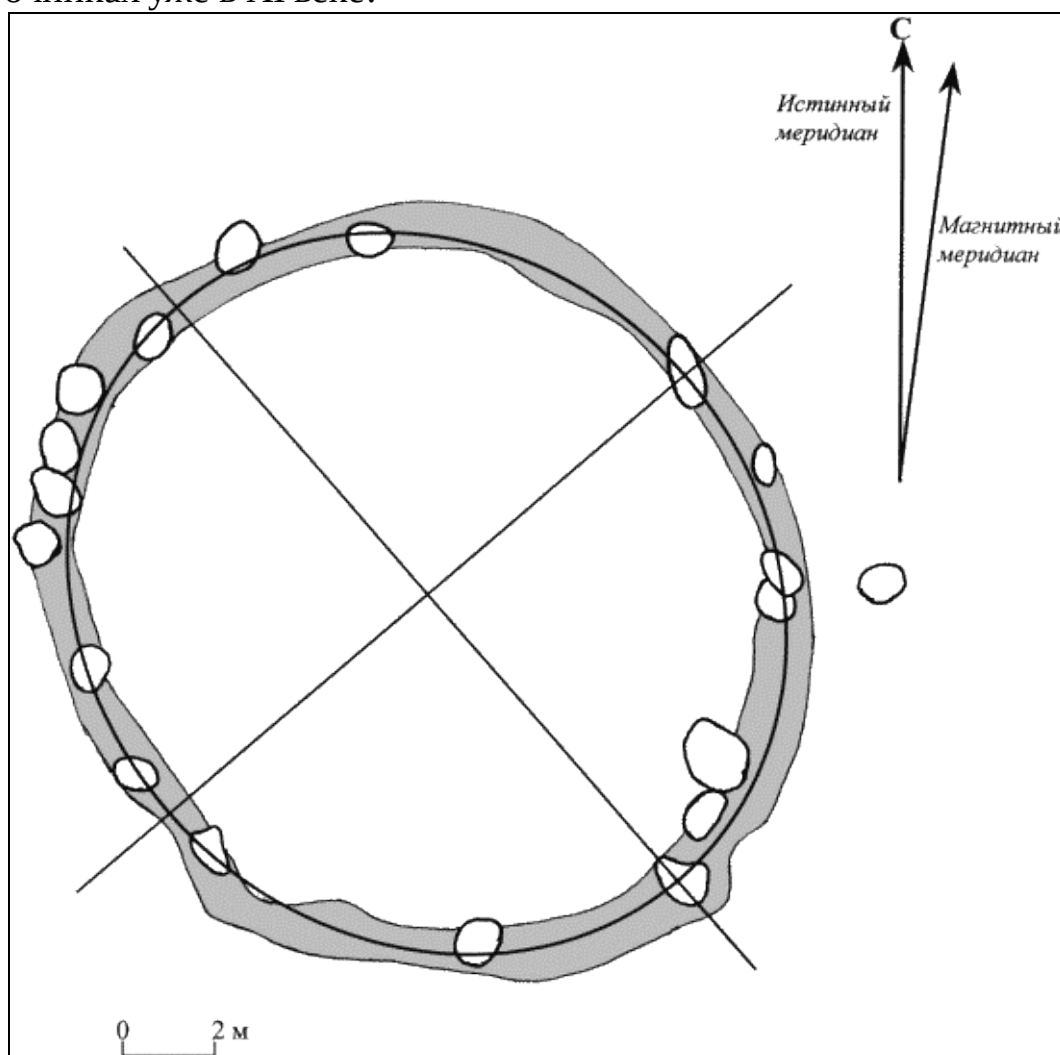
Итак, каменный круг у деревни Сущево, описанный еще Н. К. Рерихом в 1899 году [\[125\]](#). Размеры круга: 14,0×17,5 м. Соответственно, его параметры:

Большая полуось 8,75 м = 5 раз по 1,75 м

Малая полуось 7,00 м = 4 раза по 1,75 м

Фокальное расст. 5,25 м = 3 раза по 1,75 м

«Вездесущий треугольник» мегалитов! Можно спорить о том, насколько этот факт случаен, но факт остается фактом: геометрия Сущевского каменного круга подчинена тому же минимальному пифагорову треугольнику, что и геометрия многих вытянутых каменных кругов Западной Европы. Впрочем, случайное совпадение маловероятно: обратите внимание на использованный модуль — 175 см. Это — древнерусская сажень [\[126\]](#), упоминаемая в письменных источниках уже в XI веке!

Каменный круг у деревни Коломо, обнаруженный и раскопанный В. Я. Конецким [{127}](#) — как уже упоминалось, правильный эллипс с фокальным расстоянием 4,17 м и эксцентриситетом 0,47 — единственный на настоящее время русский каменный круг, для которого возможен точный геометрический анализ благодаря подробной съемке Конецкого. Параметры круга:

Большая полуось 8,80 м = 8 раз по 0,52 м

Малая полуось 7,75 м = 15 раз по 0,52 м

Фокальное расст. 4,17 м = 17 раз по 0,52 м

8:15:17 — пифагоров треугольник, следующий по распространенности за минимальным и хорошо известный в британских каменных эллипсах ($8^2 + 15^2 = 17^2$). Совпадение? Вряд ли: погрешность определения модуля — около 0,5 % (меньше сантиметра). Следует также отметить, что полная длина эллипса равна точно 10 древним сажням, что позволяет предполагать определенную «универсальность» этой древней меры длины для каменных кругов Северной Руси, хотя это предположение, разумеется, останется лишь гипотезой до более подробных исследований.

Этот перечень можно продолжить, например, рассмотрением Подгощинского круга. Однако данные о нем, к сожалению, противоречивы [{128}](#); сам же круг разрушен. Математический анализ затрудняется еще и тем, что круг, согласно указаниям Александрова, был двойным (выше мы подробно его описывали) — неясно, как именно производились измерения. Еще одна проблема, связанная с анализом Подгощинского памятника, заключается в том, что Александров приводит размеры круга по широте и по меридиану, не указывая, являются ли эти направления главными осями (хотя это и представляется естественным, исходя из его описания). Тем не менее, грубый анализ позволяет предполагать, что Подгощинский круг был, как и Суцевский, построен на основе «вездесущего треугольника 3: 4: 5» с модулем около 136 см. К сожалению, в этом случае погрешность, обусловленная неточностью описания, слишком велика, чтобы делать однозначные утверждения.

Следует также вспомнить о тех каменных кругах, которые на настоящий момент остаются неизученными: Лукинском, Любынинском, Хутьньском и других. Анализ их геометрии — дело будущего (хочется верить, ближайшего), а его результаты позволят, вероятно, сделать окончательные выводы.

Что даст нам окончательное подтверждение того факта, что новгородские каменные круги созданы с использованием тех же математических знаний, что и хенджи Западной Европы? Это — сложный, но очень важный вопрос, для ответа на который требуется прежде всего представление о возрасте новгородских кругов [{129}](#).

Археологические находки на кругах дают в этом отношении очень мало информации. Древнейшая обнаруженная в круге вещь — это кремневый наконечник стрелы (Коломский круг). Однако он не может служить «хронологическим репером»: известно, что в раннем Средневековье (как и в более поздние времена) подобные древние предметы нередко служили оберегами, и данный наконечник мог быть просто оставлен в круге в качестве жертвы. Другие находки — это в основном обломки керамики. Гончарная керамика не встречена ни разу, следовательно, памятуя о том, что смена лепной керамики гончарной в Новгородской Земле произошла в первой половине X века [{130}](#), можно сделать вывод, что каменные круги в любом случае не моложе конца IX — начала X века. С другой стороны, следы древней распашки, обнаруженные В. Я. Конецким в основании того же Коломского круга, дают «ограничение снизу» по датировке — как минимум данный конкретный круг был создан уже после развития на этих землях пашенного земледелия, которое было связано с появлением здесь славян примерно в середине I тысячелетия н. э.

Итак, конечный «вердикт» — новгородские каменные круги связаны с ильменскими славянами, могут быть датированы второй половиной I тысячелетия и в конечном итоге являются, вероятно, памятниками той же археологической культуры, что и новгородские сопки (к которым круги нередко привязаны и географически, на что указывал еще Н. К. Рерих).

Теперь же вернемся к вопросу о том, что означает факт использования в новгородских каменных кругах тех же математических законов, что и в хенджах Западной Европы.

Можно предположить, конечно, что две эти традиции (действительно, столь разные!) независимы друг от друга. Но формирование знаний, о которых шла речь — геометрия эллипса, пифагоровы треугольники, — знаний, которые сейчас представляются нам простыми, — в древности в любом случае требовало веков эмпирики. Это означает, что эти знания в любом случае были приобретены осевшими вокруг озера Ильмень славянами еще в те времена, когда они жили не здесь, а на южном побережье Балтики.

Так или иначе, мы все равно выходим к первичному ареалу распространения археологической культуры воронковидных кубков, носители которой были строителями большинства мегалитических сооружений Европы и варианты которой (например, субкультура Куявских могил развитого неолита) хорошо известны на территориях, позднее ставших одной из «прародин» славян (северная Польша, северо-восточная Германия и т. д.). Разумеется, сложно говорить о прямой преемственности культуры воронковидных кубков (развивавшейся с конца IV века до н. э.) и ранних археологических культур балтийских славян, но и полного отсутствия связи между ними быть не может.

На этом — увы! — заканчиваются факты, и начинается пространное поле для гипотетических соображений. Например — о том, что то знание (наверняка сакрализованное в древности), которое население Британских островов утратило уже к I тысячелетию до н. э., основавшие Великий Новгород славяне сохранили на полтора тысячелетия дольше...

Глава 8

АСТРОНОМИЧЕСКИЕ СООРУЖЕНИЯ

Особое место среди мегалитических сооружений Европы занимают мегалиты, которые, помимо культовых или магических функций, предназначались в древности еще и для выполнения астрономических наблюдений: от простого определения точных моментов наступления Солнцеворотов и Равноденствий до сложнейших расчетов, связанных с предсказанием лунных и солнечных затмений. Примеры таких мегалитических построек в Западной Европе прекрасно известны: Стоунхендж, ряды менгиров в Бретани...

Мегалиты и астрономия древней Европы

Как уже говорилось в предисловии к этой книге, серьезные исследования в области археоастрономии начались с обнаружения астрономических функций Стоунхенджа в середине XX столетия и с соответствующих публикаций Р. Аткинсона [\[131\]](#), Дж. Хокинса [\[132\]](#) и других. За прошедшие полвека было установлено, что с астрономией так или иначе связаны очень многие мегалиты Европы. Часть мегалитических сооружений представляли собой, как показали исследования, астрономические обсерватории разного уровня сложности (или являлись элементами масштабных комплексов для астрономических наблюдений); другие же, хотя и не были предназначены для наблюдений как таковых, но создавались с использованием определенных астрономических знаний (например, знаний о динамике годового смещения точек восхода Солнца).

Одним из древнейших мегалитических памятников, свидетельствующих о том, что европейцы эпохи бронзы и даже неолита уже владели представлениями об астрономии, является знаменитый Нью-Грейндж, расположенный в Ирландии, в полусотне километров к северо-западу от Дублина. Нью-Грейндж представляет собой классическую по типу, но огромную по масштабам коридорную могилу, как характеризуют данный тип захоронений археологи. Это сложенный из огромных каменных плит крытый коридор длиной около 20 метров, завершающийся тремя погребальными камерами высотой 6 метров. После создания коридора и камер, над каменным сооружением был насыпан земляной холм диаметром более 80 метров и около 10 метров высотой; на дневной поверхности остался только ориентированный на юго-восток вход в коридор, который после совершения захоронений был заложен огромными камнями таким образом, что осталось лишь «окно» высотой 0,2 и шириной 1 метр.

Конечно, Нью-Грейндж величествен и сам по себе (на его сооружение ушло более 200 000 тонн камня); он имеет огромное значение и как памятник древней инженерной мысли и древнего искусства (камни подпорной стенки холма покрыты уникальной резьбой), но в данном контексте для нас гораздо важнее то, что Нью-Грейндж был построен людьми, знавшими о годовом изменении азимута точки восхода Солнца и умевшими определять ключевые астрономические моменты года.

Еще в 1969 году проф. М. Дж. О'Келли обратил внимание, что приблизительно во время зимнего солнцеворота лучи восходящего Солнца проникают сквозь «окно» в плитах, закрывающих вход в гробницу, насквозь пронзают весь каменный коридор и падают на заднюю стену средней погребальной камеры (чего никогда не происходит в другое время суток и года). Позднее точные расчеты, учитывающие вековое сползание точки восхода Солнца (связанное с прецессией земной оси), показали, что в то время, когда строился Нью-Грейндж (около пяти с половиной тысячелетий тому назад), это происходило на восходе Солнца точно в день зимнего солнцеворота. Интересно, что достаточно большая ширина «окна» позволяла восходящему Солнцу заглядывать в коридор гробницы несколько дней до и несколько дней после точной даты солнцеворота — то есть приблизительно то время, которое, как мы можем предполагать, продолжались связанные с солнцеворотом обряды и праздники.

Итак, уже в середине IV тысячелетия до н. э. европейцы владели определенными астрономическими знаниями и воплощали их в мегалитических сооружениях. В течение некоторого времени после открытия астрономического значения западных мегалитов в научных кругах была очень популярна гипотеза об иноземном происхождении астрономических знаний строителей мегалитов: как правило, историки говорили о том, что эти знания были завезены либо из Египта, либо из Средиземноморья, либо с Ближнего Востока. Однако новые

археологические открытия и, в частности, разработка методов радиоуглеродной датировки, достаточно быстро показали фантастичность этих теорий и доказали автохтонность астрономии Северо-Запада. Действительно, на момент завершения строительства Нью-Грейнджа (около 3300 г. до н. э.) египтянам, например, оставалось еще три века до разработки первого календаря. В Британии и в Бретани уже были созданы сложнейшие мегалитические сооружения для предсказания лунных затмений, когда астрономия Вавилона еще только начинала свое развитие...

Есть и другой факт, доказывающий автономность развития астрономических знаний Северо-Запада Европы — их характер, принципиально отличный от характера древней астрономии Востока и Юга.

Во-первых, практически все мегалитические обсерватории построены на использовании круга горизонта как своего рода колоссального кругового транспорта, на котором различными способами (например, рядом стоячих камней) отмечаются астрономически значимые направления. Определение моментов времени, когда по тому или иному значимому азимуту происходит то или иное астрономическое событие (например, восход Солнца или Луны), и было как основой структуры календаря, так и базой для определения будущих событий (например, затмений). Ни Восток, ни Юг не знали такого подхода к астрономическим наблюдениям.

Во-вторых, древняя астрономия Северо-Запада преимущественно ориентирована на Солнце и Луну, в то время как древняя астрономия Востока и Юга — на звезды. Так, даже древнейший разработанный в Египте лунный календарь ежегодно подгонялся к реальному солнечному году не путем наблюдений Солнца, а по гелиакальному восходу Сириуса. Используя такой подход, египтяне не испытывали необходимости точно определять астрономически значимые азимутальные направления — и, соответственно, не умели этого делать. Возможно, в том предпочтении, которое одни отдавали Солнцу и Луне, а другие — звездам, был и определенный сакральный смысл, но возможна и более простая причина: чем севернее находится точка наблюдения, тем сильнее заметно, например, годовое смещение точки восхода Солнца.

* * *

Очень долгое время считалось, что мегалитические памятники, так или иначе связанные с астрономическими знаниями, привязаны исключительно к атлантическому побережью Европы. Однако во второй половине XX века археоастрономические мегалитические сооружения были обнаружены и в Центральной, и в Восточной Европе — в Чехии, Литве, Латвии, Белоруссии, Армении, в ряде других стран, включая и Центральную Россию.

Каменные обсерватории Русской равнины

Мы уже упоминали, что далеко не все мегалитические памятники, при создании которых были использованы те или иные астрономические знания, обязательно являются обсерваториями. Это верно и для Западной Европы, и для России. Так, например, не имели, вероятно, значения обсерваторий новгородские вытянутые каменные круги — однако были построены с учетом важнейших астрономических направлений. Так, например, длинная ось Коломского каменного круга очень точно (с погрешностью, не превышающей 1–2°) ориентирована на точку восхода Солнца в момент зимнего солнцеворота (см. рис. 7.9 в предыдущей главе). Несколько проще ориентировка Подгощинского круга — его длинная ось была ориентирована широтно, т. е. на точки восхода и захода Солнца в моменты равноденствий. Зато центральное сооружение Подгощинского круга — восемь стоячих валунов, окружающих центральный камень, — прямо указывает на знание о восьми основных астрономических направлениях (север-юг, восход и заход Солнца на Равноденствия, восходы и заходы Солнца во время солнцестояний).

Однако наибольший интерес в данном контексте представляют, несомненно, те мегалитические сооружения, которые не просто построены с использованием определенных астрономических знаний, но и сами могли служить для астрономических наблюдений.

О мегалитах Центральной России, имеющих функции астрономических «приборов», одним из первых заговорил инженер, член Российского Географического общества А. А. Левин, указавший в этом отношении на отдельные памятники Куликова Поля [{133}](#) и на знаменитый Красивомеченский Конь-Камень [{134}](#). Вклад А. А. Левина в дело изучения мегалитической культуры России — археоастрономического ее аспекта особенно — несомненно, велик, и прежде всего это — вклад первооткрывателя. Однако на данный момент — спустя почти два десятилетия после первых публикаций Левина — мы склонны не соглашаться с рядом выводов Александра Акимовича. Подробнее об этом будет сказано ниже, там, где пойдет речь о конкретных памятниках.

Прежде, чем перейти к последовательному рассмотрению российских мегалитов, выполнявших некогда функции астрономических «приборов», необходимо сказать несколько слов об одном принципиально важном аспекте исследований такого рода артефактов.

Как известно, магнитный и географический полюса Земли не совпадают. Угловая разница между направлением на географический полюс («истинным меридианом») и направлением на полюс магнитный («магнитным меридианом») называется в современной геофизике магнитным склонением. В абсолютном большинстве случаев все измерения характеризующих мегалиты значимых направлений производится при помощи магнитных компасов, указывающих не истинный, но магнитный азимут. Тот факт, что величина магнитного склонения в пределах Русской равнины меняется приблизительно от 6 до 12° вост., сводит на нет все археоастрономические исследования, выполненные без учета склонения. Это всегда следует иметь в виду при проведении любых такого рода работ.

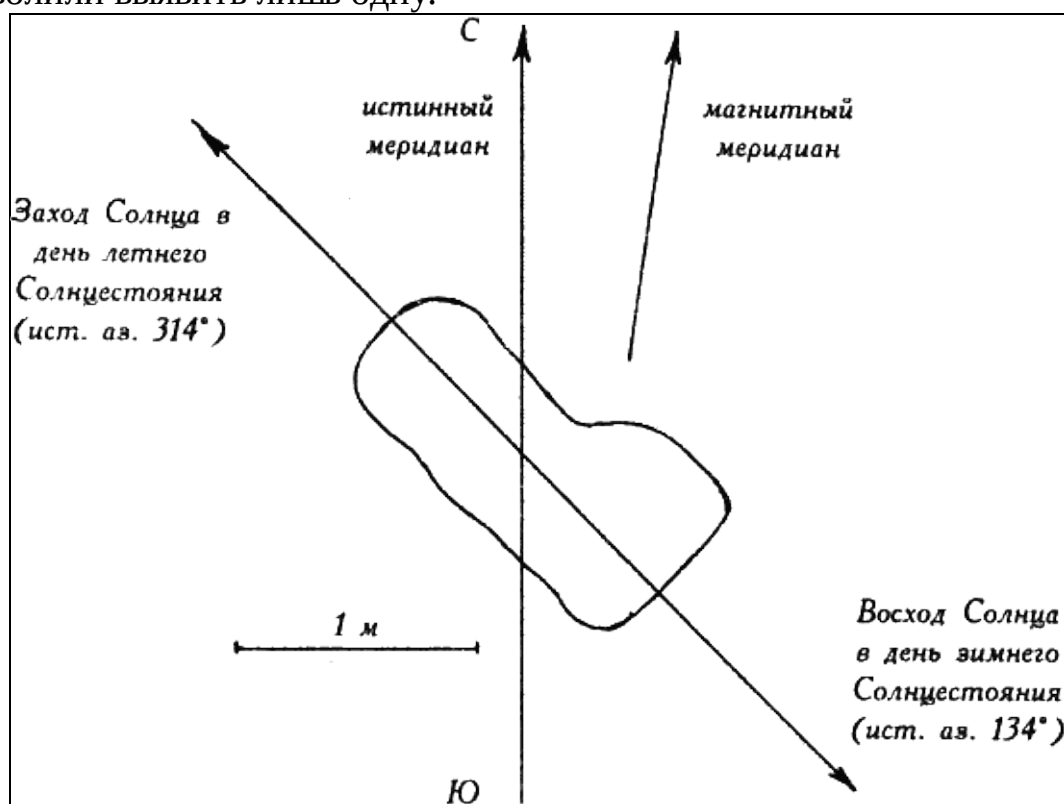
Теперь же возвратимся к среднерусским мегалитам, имеющим археоастрономическое значение. Большинство изученных на настоящее время памятников такого рода находится в бассейне верхнего Дона, где работали наши экспедиции в 1994–2000 годах [{135}](#). Всего в данном районе известно как минимум пять таких памятников, каждый из которых будет подробно рассмотрен ниже.

Прежде всего, имеет смысл упомянуть описанный в пятой главе этой книги Белозерский стоячий камень. Неровность поверхностей камня не позволяет в данном случае говорить о

точной ориентировке, однако общая тенденция очевидна. Камень установлен так, что длинные его грани вытянуты, как уже говорилось, в направлении СЗ — ЮВ. Используя элементарные астрономические формулы, несложно подсчитать, что на широте д. Белоозеро (ок. $54^{\circ} 00'$ с.ш.) в последние пять тысячелетий Солнце в день летнего солнцестоятия (слав. Купала) заходило в азимутальном секторе СЗ $312^{\circ} 50'$ — СЗ $314^{\circ} 00'$. Аналогично, в день солнцестоятия зимнего (слав. Коляда, сканд. Йоль) Солнце восходило в азимутальном секторе ЮВ $132^{\circ} 50'$ — ЮВ $134^{\circ} 00'$. Именно в этих направлениях сориентирован в целом Белозерский камень. Это означает, что в дни летнего солнцестоятия Солнце заходит точно за стоячим камнем (если смотреть на него с юго-востока), а в дни Солнцестоятия зимнего восходит за ним, если смотреть на камень с северо-запада.

Если Белозерский менгир вряд ли можно назвать «астрономическим инструментом» (слишком велики погрешности), то следующий мегалитический памятник такого рода — Монастырщинская стоячая плита на древнем Куликовом Поле — может быть назван таковым с полными на то основаниями.

Данный памятник находится в овраге Рыбий, неподалеку от села Монастырщина близ впадения Непрядвы в Дон. Левин, а вслед за ним и Шавырин, упоминают о трех подобных плитах в данном овраге, однако наши исследования (как в сезон 1994, так и в сезон 2000 гг.) достоверно позволили выявить лишь одну.

Стоячая каменная плита, о которой идет речь, установлена в верхней части восточного склона оврага. Плита имеет треугольную форму, длина ее составляет 2,9 м при ширине от 22 до 56 см и высоте в центральной части 0,8 м. Северная грань плиты достаточно плоская и ровная; магнитный азимут направления, в котором она сориентирована, — 3265° . Учитывая, что магнитное склонение в районе бассейна Верхнего Дона составляет величину порядка $7-8^{\circ}$ вост., истинное направление, отбиваемое плитой, — $3272^{\circ} \pm 1-2^{\circ}$, т. е. «чистый» (истинный) запад. Расхождение на величину порядка одного-двух градусов следует списать, во-первых, на погрешность стандартного армейского компаса Андрианова (составляющую $0,5-1,0^{\circ}$); во-вторых, — на погрешность визирования при короткой (около 3 м) базе; и, в-третьих, — на недостаточную точность определения магнитного склонения в конкретной точке.

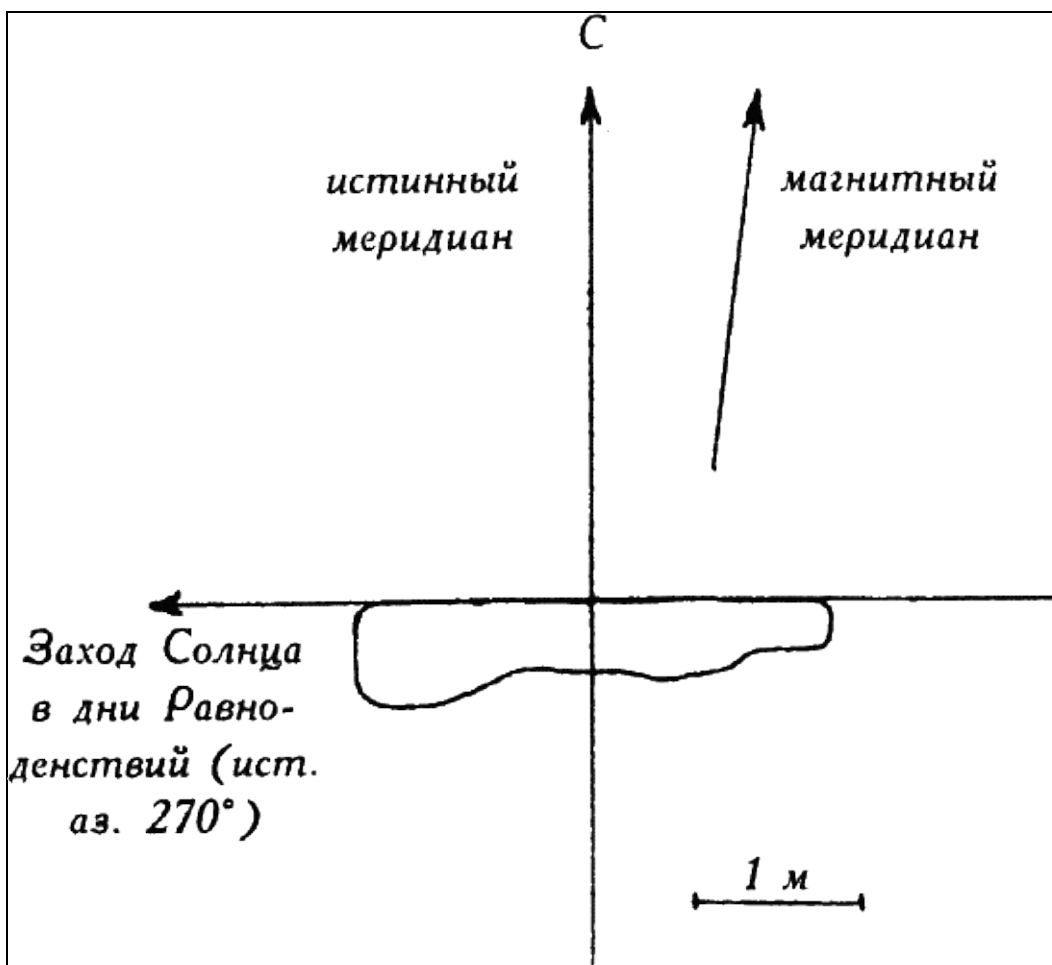

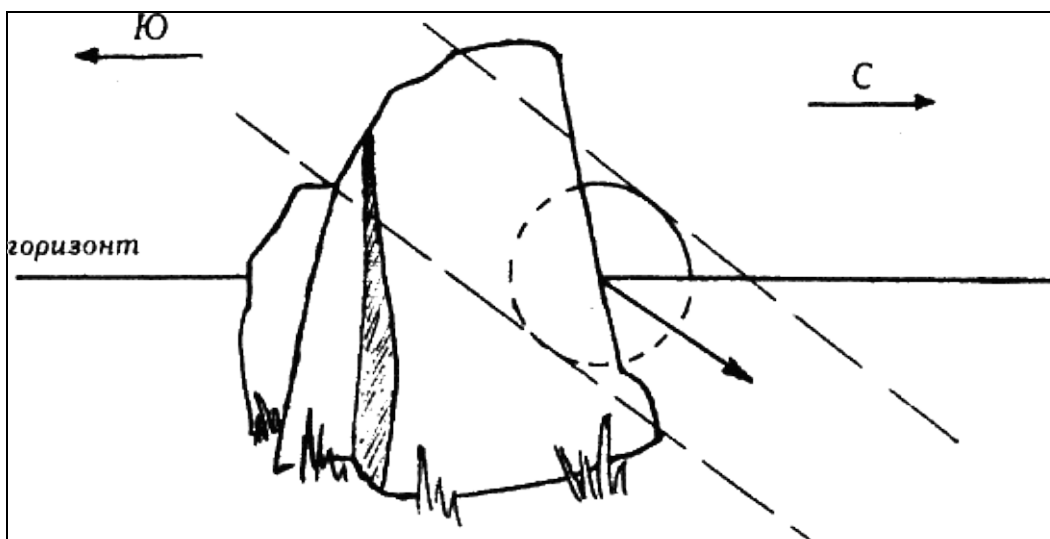

Как известно, именно на западе, вне зависимости от текущей прецессионной эпохи, заходит Солнце в дни весеннего и осеннего равноденствий. Следовательно, мы можем трактовать Монастырщинскую стоячую плиту как астрономический «прибор», предназначенный для определения моментов наступления Равноденствий.

Значительно больше проблем вызывает археоастрономическая интерпретация другого памятника, вероятно, — самого знаменитого из мегалитов Верхнего Дона, — «Цыганского Камня» [\[136\]](#). Данный памятник находится на правом, юго-восточном, склоне балки Курца неподалеку от самого центра Куликова Поля — Красного Холма. Он неоднократно описан Левиным; упоминается и в книге Шавырина. Камень представляет собой огромный валун, сложенный местным плотным серовато-розовым кварцевым песчаником девонского возраста. В верхней части камня существует вытянутое вдоль прямой линии отверстие, насквозь проходящее тело камня с северо-востока на юго-запад. Выходной диаметр отверстия на северо-восточном фасае камня — 10–15 см; на противоположном конце отверстие выходит в субцилиндрическую соосную нишу диаметром около полуметра.

Это-то отверстие и является главной достопримечательностью камня. Как и во многих других подобных случаях, в отношении данного сквозного отверстия невозможно однозначно говорить, естественно оно или рукотворно. Вполне вероятно, что, как то часто бывает, здесь имеет место «промежуточный» вариант: современный вид отверстию придан искусственно, однако при этом использованы естественные ниши, каверны и углубления камня, характерные для песчаников данной геологической формации.

В свое время Левин, а вслед за ним и Шавырин, и другие авторы (не исключая автора этих строк), принимая во внимание общую северо-восточную ориентацию отверстия, говорили о нем как об астрономическом визире, направленном на точку горизонта, в которой восходит Солнце в дни летнего солнцестояния. Однако проведенные в Донской экспедиции 2000 года точные измерения показали, что магнитное азимутальное направление оси отверстия составляет величину ССВ 32° . Соответствующий истинный азимут имеет величину СВ 39° ; это означает, что ось визира попадает в так называемый «сектор невидимого Солнца», т. е. в ту часть небесной сферы, где Солнце не появляется никогда [\[137\]](#).

Следует ли из этого сделать вывод, что знаменитый Цыганский Камень, описанный в десятках публикаций, не является обсерваторией, — по крайней мере, солнечной [\[138\]](#)? Вероятно, нет — по трем причинам:

1) камень находится в точке максимального приближения к поверхности «жилы» подземных вод, создающих под ним своего рода «водяную подушку»; это могло привести к значительной подвижке камня за последние тысячелетия и, соответственно, к «сбою настройки» визира;

2) достаточно большой диаметр «трубы» визира при очень незначительной базе визирования сам по себе дает азимутальный разброс визирования, который определяется нами примерно в $\pm 4^\circ$;

3) существует ряд данных, свидетельствующих о возможном существовании в районе балки Курца (и, конкретно, Цыганского Камня) значимой аномалии геомагнитного поля [\[139\]](#); это может привести к изменению величины магнитного склонения и, соответственно, к неверному определению истинного азимута визира.

В любом случае Цыганский Камень Куликова Поля — уникальный памятник мегалитической культуры Центральной России — остается предметом дальнейших подробных исследований...

Не менее (а возможно, и более) загадочен и самый впечатляющий мегалит бассейна Верхнего Дона — Конь-Камень на реке Красивая Меча. Первое упоминание этого памятника относится еще к XV веку: о нем говорится в описании путешествия в Кафу русского посла А. Голохвастова в 1499 году («Клалися в судно на Мече у Каменного коня»). В XIX веке о Камне писали И. П. Сахаров [\[140\]](#), А. Н. Афанасьев [\[141\]](#), Н. И. Троицкий [\[142\]](#).

Огромный камень — более 20 тонн весом — установлен на трех каменных опорах на высоком берегу Красивой Мечи близ с. Козье. У местных жителей с ним связывается немало преданий, легенд и поверий, приводимых названными выше авторами. Однако здесь Конь-Камень интересует нас в основном в своей функции астрономического «прибора».

В контексте археоастрономии о Конь-Камне первым заговорил все тот же А. А. Левин, указавший на треугольного сечения канавку, вытесанную субгоризонтально в верхней грани камня и ориентированной на точку горизонта, лежащую за Красивой Мечей, в направлении на юго-восток [\[143\]](#). Вероятно, Александр Акимович совершенно обоснованно трактует данное сооружение как визир, нацеленный на точку восхода Солнца в день зимнего солнцезворота. Об остальных камнях, окружающих Каменного Коня, Левин пишет: «Установленные на удалении от

центрального камня, камни фиксировали точки восходов и заходов Солнца в определенные дни, отмечавшие сроки промысловых сезонов, созревания съедобных и лекарственных растений и т. д.» [{144}](#).

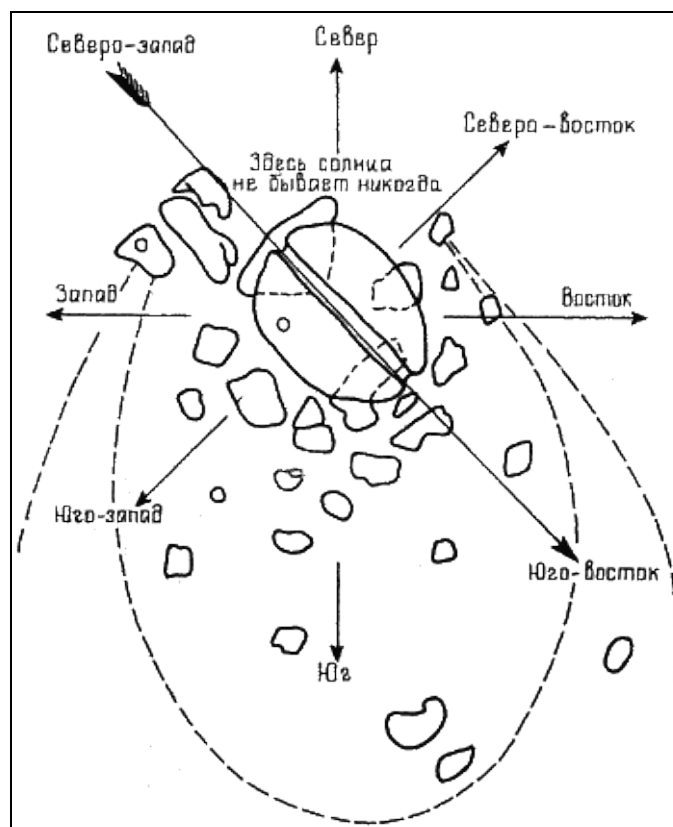
Здесь мы подходим к принципиально важному, можно даже сказать фундаментальному, вопросу: к вопросу о целях создания древними мегалитическими обсерваторий.

Свой вывод о том, что таковые служили для сельскохозяйственных целей, сделанный еще на Красивомеченском Конь-Камне, Левин расширяет и на все остальные аналогичные мегалиты Центральной России. «Скорее всего, это точки отсчета, отметки появления дикорастущих съедобных ягод, орехов, грибов, корней, корнеклубней, птичьих яиц», — пишет он в одной из своих статей [{145}](#), полагая, вероятно, что до создания мегалитических обсерваторий наши предки не собирали ни грибов, ни орехов, потому что не знали, когда появляются первые и когда созревают вторые. Действительно, ведь так сложно пойти в лес и посмотреть, появились ли уже грибы, — гораздо проще покрыть Европу сетью мегалитических обсерваторий, обсерваторий, на сооружения которых уходили десятилетия и даже века. Обсерваторий, которые, по мнению Левина, были «совершенным инструментом, благодаря которому наш далекий предок получал, скажем, такую информацию: в какое время года, в какой местности можно собирать побеги папоротника и щавель...» [{146}](#) При всем моем уважении к Александру Акимовичу, я не могу понять, для чего нужно с точностью до одного дня определять наступление моментов равноденствий и солнцеворотов, если информация эта используется только для сбора побегов папоротника, время появления которых может меняться, в зависимости от климатических флуктуаций, от середины апреля до начала мая, т. е. с разбросом в две недели? И неужели предки наши не знали, что орехи созревают, как правило, осенью, а не весной, например?

Конечно, мегалитические обсерватории Центральной России вполне могли служить и определенным хозяйственным целям, но вряд ли это было основным их назначением. Единственное, что, на мой взгляд, может требовать точного, с погрешностью не более суток, определения наступления ключевых моментов годового солнечного цикла (солнцеворотов, равноденствий), — это совершение календарных обрядовых и магических (мистериальных) действий, большинство из которых, как известно, жестко привязано к тем или иным точкам годового солнечного цикла. Вероятно, именно это и было если не единственной, то одной из важнейших причин сооружения мегалитических обсерваторий — в том числе на территории Русской равнины.

В заключение следует упомянуть еще один весьма интересный памятник, совершенно уникальный в собственном роде, — Сабуровскую каменную плиту.

Сабуровская плита, лежащая в настоящее время на дне балки у хутора Сабуров (Куликово Поле), была обнаружена около двух десятилетий тому назад А. А. Левиным и упомянута им в одной из его газетных публикаций [\[147\]](#). Плита представляет вытесанный из камня и достаточно хорошо обработанный диск диаметром 1.35 м и толщиной около полуметра. В центральной

части плиты выбита соосная окружности боковой поверхности плиты кольцевая канавка внутренним диаметром 19 см, шириной — 2 см и примерно такой же глубины. Общий центр кольцевой канавки и диска в целом отмечен небольшим углублением.

Ныне плита находится в наклоненном положении в болоте на дне балки; вероятно, в прошлом она была установлена на одном из окрестных холмов, откуда ее сбросили в овраг во времена крещения Руси. Возможно, тогда же была отколота часть диска, в настоящее время отсутствующая.

Назначение Сабуровской плиты может быть установлено лишь предположительно. Во-первых, плита могла служить неподвижной частью солнечных часов. Во-вторых, — азимутальным солнечным календарем, на котором могли быть отмечены некоторые ключевые положения Солнца (например, направления на восходы или заходы в особые дни года). И в том, и в другом случае можно предполагать, что отсутствующая часть диска не сколота, а просто была оставлена необработанной во время изготовления плиты, поскольку угол, высекаемый отсутствующей частью, составляет примерно 90° , что на широте Верхнего Дона совпадает с угловым размером «сектора невидимого Солнца». Иначе говоря, этот сектор диска мог вообще не обрабатываться, поскольку Солнце в этом секторе не появляется никогда.

В любом случае Сабуровская каменная плита явно служила в древности для неких определенных астрономических наблюдений. И, хотя саму плиту сложно назвать «мегалитом»,

она явно относится к той же культурной традиции, что и иные мегалиты Верхнего Дона.

Достаточно очевидно, что этот небольшой обзор мегалитических памятников Центральной России, имеющих археоастрономическое значение, далеко не полон. Во-первых, потому, что на настоящий момент мы вообще знаем лишь часть — и, судя по всему, отнюдь не большую, — находящихся на этой территории мегалитов. А во-вторых, потому, что и для некоторых уже описанных памятников их археоастрономическое значение может оставаться неизвестным: так, например, отдельные стоячие камни могут оказаться элементами визирных линий (возможно, уже разрушенных). Открытие и описание новых памятников, равно как и поиск возможных взаимосвязей между памятниками, уже открытыми, — это, вероятно, два основных направления в данной области на ближайшее время.

Однако, говоря об астрономических знаниях наших предков в связи с древними культовыми сооружениями Русской равнины, не следует забывать и о тех памятниках, которые, и не будучи обсерваториями в прямом смысле этого слова, воплощали тем не менее те или иные астрономические представления. Примеры таких сооружений известны и достаточно многочисленны; в качестве примера можно привести знаменитую Александрову Гору на Плещеевом озере — мощное (более, чем 30 метров высоты) полуискусственное земляное сооружение, генеральная ось которого вытянута строго в направлении север-юг. В этом отношении очень важно не просто констатировать, что структура того или иного святилища связана с астрономически значимыми направлениями, но и попытаться осмыслить значение этой связи — как то было сделано нами, например, в отношении святилища у деревни Козье на Красивой Мече (см. главу 3).

В целом же, хочется заключить эту главу выражением надежды, что в самом ближайшем будущем археоастрономические исследования в Центральной России примут гораздо более широкий характер и дадут новый интересный материал, который позволит нам лучше понять древнюю сакральную Традицию...

Глава 9

ДАТИРОВКА И КЛАССИФИКАЦИЯ

Проблема датировки

Важнейшим вопросом исследования мегалитической культуры Центральной России является вопрос датировки. Здесь следует четко различать датировку использования камней и мегалитических сооружений в культовых и астрономических целях и собственно датировку их установки.

Что касается первой, то на почитании священных камней практически не сказалось введение на Руси христианства; так, многие культовые камни (Синий Камень на Плещеевом озере, Киндяковский камень и др.) почитались еще и в начале XX столетия, а некоторые из них сохраняют свое кульгово-магическое значение и до сих пор. Если обращаться к более ранним временам, то можно, вероятно, говорить о том, что культура священных камней была одним из важнейших элементов сакральной традиции славян I тысячелетия н. э. [\[148\]](#) То же самое, как представляется, можно сказать и о предшествовавших на этих землях славянам финно-угорских [\[149\]](#) и балтских [\[150\]](#) народах. В целом же само по себе почитание священных камней, несомненно, уходит корнями в эпоху бронзы и, далее, как минимум в неолит.

Значительно сложнее обстоит дело с датировкой конкретных мегалитических объектов и сооружений, известных на настоящее время в Центральной России.

Лишь для некоторых памятников возможно четкое определение — непосредственно на археологическом материале — времени их создания. Так, например, упомянутый в этой книге единственный известный в Центральной России лабиринт у села Мастище датируется бронзовым веком (конец III — начало II тысячелетия до н. э.). Иногда возможна косвенная датировка. Так, на Куликовом Поле, в балке Смолка, находится большой курган, входящий, вероятно, в систему мегалитических сооружений Поля, и, следовательно, одновозрастный им. В основании кургана, как стало известно по результатам недавних археологических исследований, находятся погребения эпохи бронзы, что позволяет и сами мегалиты также датировать бронзовым веком. Это, к слову, хорошо совпадает с датировкой мегалитов Западной Европы, возраст которых также определяется бронзой. Вероятно, это время древнейшей «волны» создания мегалитических сооружений, охватившей тогда практически всю Европу.

С точностью до одного-двух веков возможна (в ряде случаев) датировка российских мегалитических памятников более поздней «волны» — мы уже говорили, например, о том, что новгородские каменные круги датируются второй половиной I тысячелетия н. э. Но и здесь мы имеем дело лишь с отдельными определениями возраста священных камней или каменных сооружений.

В большинстве же случаев возможность прямой датировки по сугубо археологическим данным практически отсутствует — как и для многих западноевропейских мегалитов. Однако для тех мегалитических сооружений, которые выполняли, помимо прочего, функции астрономических обсерваторий, британскими учеными был разработан метод датировки, основанный на учете прецессионного изменения угла наклона земной оси к плоскости эклиптики [\[151\]](#).

Действительно, известно, что земная ось прецессирует с периодом 25 920 лет; это приводит, в частности, к изменению с течением времени азимутов точек восхода (и захода) Солнца в моменты Солнцестояний и Равноденствий. Следовательно, если имеется возможность очень точно измерить, насколько направление, указываемое мегалитическим сооружением, отличается от соответствующего современного направления, можно — хотя бы грубо — оценить возраст сооружения. Это, однако, требует очень высокой точности измерений азимутов, поскольку связанные с прецессией изменения значимых направлений весьма невелики. Ниже в

качестве примера мы приведем азимуты восхода Солнца в день зимнего Солнцестояния для широты Красивомеченского Конь-Камня (ок. 53° 10' с.ш.) [{152}](#) _:

Эпоха	Угол наклона земной оси	Восход Солнца в день зимнего Солнцестояния
4000 до н.э.	24° 07'	ЮВ 47° 05'
3000 до н.э.	24° 02'	ЮВ 47° 15'
2000 до н.э.	23° 56'	ЮВ 47° 27'
1000 до н.э.	23° 49'	ЮВ 47° 42'
наст. время	23° 30'	ЮВ 48° 20'

Именно для Конь-Камня на Красивой Мече А. А. Левиным была предпринята попытка такой астрономической датировки [{153}](#)_. Левин определяет время установки Камня как 2526 год до н. э. [{154}](#)_. Мы находим данную попытку датировки несостоятельной и — при всем уважении к автору — безграмотной. Тому есть ряд причин:

1. Левин не указывает, какой именно прибор для измерения азимутальных направлений он использовал; скорее всего, был применен обычный магнитный компас. Однако даже лучшие профессиональные геологические или армейские компаса имеют погрешность порядка 0,5°. Между тем, как несложно видеть из приведенной выше таблицы, ошибка в определении направления визира всего в одну десятую градуса уже дает ошибку в датировке порядка одного тысячелетия. Уже одного этого достаточно, чтобы указание датировки Камня с точностью до одного года выглядела, мягко говоря, смешной.

2. Левин не указывает, учитывалось ли (и если учитывалось, то как) магнитное склонение. Если факт отклонения магнитного меридиана от истинного вообще не был принят во внимание, то данная часть исследования Левина вообще теряет какой-либо смысл. Если же склонение учитывалось, то следует указать, как определялась точная его величина в данной конкретной точке земной поверхности, поскольку знание одной только средней величины склонения (приводимой обычно на хороших топографических картах) не дает достаточной точности для датировки [{155}](#) _.

3. Следует, к сожалению, констатировать тот факт, что для известных нам на данный момент мегалитов Русской равнины метод прецессионной датировки вообще не может быть использован, что связано с характерными особенностями последних. Если для аналогичных западных сооружений базы визирования (т. е. «рабочие» расстояния, на которых производится визирование) составляют десятки и сотни метров (а иногда — и километры), то для российских мегалитов базы значительно меньше (полтора метра — для Цыганского Камня, три метра — для Монастырщинской плиты и т. д.). Это, в целом, дает достаточную точность для функционирования данных мегалитов в качестве обсерваторий, используемых для культовых целей, но — увы — слишком большую погрешность для успешной датировки прецессионным методом.

Это, однако, не означает, что датировка мегалитов Русской равнины невозможна вообще. Во-первых, остается надежда, что по мере накопления данных мы сможем увидеть в расположении сохранившихся стоячих камней Русской равнины некую имеющую астрономическое значение систему, подобную системам менгиров Бретани или Чехии. Тогда на достаточно больших базах визирования окажется возможной и прецессионная датировка.

Попытка классификации

Как уже говорилось в самом начале этой книги, по совокупности всех публикаций и всех исследований, проведенных за последние полтора-два столетия, мы обладаем на настоящий момент огромной базой данных позволяющей ныне говорить о мегалитической культуре Русской равнины. Мы знаем уже, что она не была однородной (так, например, каменные круги Новгорода и Конь-Камень на Красивой Мече отделены друг от друга не только расстоянием, но и функционально, и, как минимум, одним тысячелетием). И тем не менее было бы, вероятно, небезынтересно, завершая данную работу, предпринять пробную попытку сведения воедино и типологической классификации мегалитических памятников рассматриваемого региона.

В свое время такая попытка уже была предпринята М. В. Шориным ^{156}, выделившим четыре категории священных камней: камни без знаков, чашечники, следовики, и крестовики. Эта несомненно справедливая классификация, однако, слишком обща; более подробная может выглядеть следующим образом:

1. Отдельные валуны — почитаемые и культовые камни, как измененные искусственно («следовики», камни с «жертвенными чашами» и т. д.), так и неизмененные;
2. Мегалитические сооружения и постройки — сооружения, выстроенные из нескольких или многих камней или обработанных каменных блоков;
3. Стоячие камни (менгиры) — вертикально установленные и, как правило, обработанные камни;
4. Каменные круги — специфический класс мегалитических сооружений, достаточно условно объединяющий несколько весьма различных групп памятников — от кругов стоячих камней (хенджей) до «лабиринтообразных» ^{157} круговых каменных выкладок;
5. Астрономические обсерватории — мегалиты и мегалитические сооружения, созданные для определенных астрономических наблюдений в культовых, магических и, возможно, хозяйственных целях.

Более подробная классификация с указанием характерных примеров и источников информации дается в приводимой ниже таблице.

Класс	Тип	Предполагаемое назначение	Характерные примеры
I. Отдельные камни	I.1. Валуны без следов обработки и иных особенностей	Общекультурное, целительство	Камень Киндяковского святилища ¹ , «Синий Камень» ²
	I.1.a. Гигантские священные валуны	Общекультурное	Ладожский Конь-Камень ³
	I.2. «Следовики»	Общекультурное, целительство	Много ⁴
	I.3. «Чашечники»	То же	Культовый камень «Чертова Городища» ⁵
	I.4. Камни с жертвенными «чашами»	алтари, жертвенники	Камень у д.Козье ⁶
	I.5. Камни с «чашами со сливом»	То же	Главный камень Краснохолмского святилища ⁶
	I.6. Камни с изображениями	Общекультурное	Камень «Щеглец» ⁷
II. Мегалит. сооружения	II.1. Простейшие сооружения из огромных валунов	Общекультурное и, вероятно, специальное	Красивомеченский Конь-Камень ⁸

	II.2. Сложные постройки из обработанных каменных блоков	То же, возможно, — и астроном. наблюдения	«Чертово Городище» ⁵
III. Стоячие камни (менгиры)		То же	Белозерский менгир ⁶
IV. Каменные круги	IV.1. Круги стоячих камней (хенджи)	Общекультурное и, вероятно, специальное	Колонский каменный круг ⁹
	IV.2. Круги, выложенные камнями	То же	Бежецкие «Круги» ¹⁰
	IV Жальники	Погребальные сооружения	Много ¹¹
V. Астрономич. сооружения	Визеры и др.	Наблюдения за светилами	Монастырщинская стоячая плита ⁶

Примечания к классификационной таблице:

1 — Платов А. В. Киндяковский Камень: святилище у слияния трех вод // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 3, 1996.

2 — Ермаков С. Э., Платов А. В. Ярилов Холм: новое о старом // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 5, 1997.

3 — Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989.

4 — Маланин И. Д. Культовые камни и камень Алатырь // Вопросы истории, № 10, 1996.

5 — Перепелицын А. Тайны Чертова Городища // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 3, 1996.

6 — Платов А. В. Новые данные по мегалитам Русской равнины // Мифы и магия индоевропейцев, вып.11, 2002.

7 — Формозов А. А. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни-«следовики» // Советская этнография, № 5, 1965.

8 — Троицкий Н. И. Берега реки Непрядвы. Тула, 1887. См. тж.: Левин А. А. «Конь-камень» // Памятники Отечества, № 1, 1984.

9 — Конецкий В. Я. О «каменных кругах» Юго-Западного Приильменя. В кн.: Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.

10 — Материалы не опубликованы. Исследования ведутся археологами г. Бежецка Тверской области.

11 — См. работы по археологии погребальных сооружений Северо-Западной Руси.

Неполная библиография

1. Александров А. А. Волшебные камни в народных сказках // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 18, 2000.
2. Александров А. А. Культовые городища в Локнянском районе Псковской области. В кн.: Земля Псковская, древняя и современная. Псков, 1990.
3. Александров А. А. О следах язычества на Псковщине // Краткие сообщения ИА АН СССР. Вып. 175, 1983.
4. Александров А. А. Культовые камни в сказках. В кн.: Земля Псковская, древняя и социалистическая. Псков, 1986.
5. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865–1869.
6. Афонин Р. Мегалитическое святилище на северо-востоке Подмосковья // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 10, 2000.
7. Бакаев А. М. Культовые камни Переяславского Залесья // Проблемы изучения эпохи первобытности и раннего Средневековья лесной зоны Восточной Европы. Вып. 3. Иваново, 1996.
8. Белкин И. Московский круг капищ // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 7, 1998.
9. Борисов П. А. О чем говорят камни Карелии. Петрозаводск, 1952.
10. Буров В. А. Образ мировой горы у новгородских кривичей и словен. В кн.: Истоки русской культуры (археология и лингвистика). Материалы по археологии России. Вып.3. М., 1997.
11. Буров В. А. Лето в Новгороде. Из варяг в греки на байдарке. М., 1994.
12. Вайшкунас Й. Музей этнокосмологии в Литве // Балтославянские исследования, 1997. Москва, 1998.
13. Василявичус Л. Девичья рубашка на «звездном камне». Валуны с «вдавленными пальцем» ямочками // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 18, 2000.
14. Василявичус Л. «Святой» камень в Строгино // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 6, 1998.
15. Василявичус Л. Угорский камень-«перстовик» // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 10, 2002.
16. Велецкая Н. Н. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978.
17. Визе В. Лопарские сейды. Архангельск, 1912.
18. Винников А. З., Синюк А. Т. По дорогам минувших столетий. Археологи о древней истории Воронежского края. Воронеж, 1990.
19. Вуд Дж. Солнце, Луна и древние камни. М., 1981.
20. Глинка Ф. Н. Мои заметки о признаках древнего быта и камнях, найденных в Тверской Карелии, в Бежецком уезде // Русский исторический сборник, т.1, 1837.
21. Голан А. Миф и символ. М., 1994.
22. Даугудис В. О языческих святилищах в Литве // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1988.
23. Демиденко Е. Л. Значение и функции общефольклорного образа камня // Русский фольклор, т. XXIV: Этнографические истоки фольклорных явлений. Л., 1987.
24. Дмитриев Д. Дольмены: тайна тысячелетий. Воронеж, 2000.
25. Доманский Я. В., Столяр А. Д. По бесовым следам. Л., 1962.
26. Дубов И. В. Новые источники по истории Древней Руси. Л., 1990.
27. Дучиц Л. В., Левков Э. А. Валун как объект поклонения у белорусов // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции.

Псков, 1989.

28. Ермаков С. Э., Платов А. В. Ярилов Холм: новое о старом // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 5, 1997.
29. Ермаков С. Э., Фаминская Т. В. Практические аспекты экологии энергоинформационного обмена. Тайны Живой Земли. М., 1996.
30. Жилко А. Э. Как найти Алатырь-камень // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 9, 2000.
31. Жрецов А. Тайны священной равнины // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 8, 1998.
32. Золотов Ю. М. Изваяния языческих богов на Руси (письменные известия и устные предания) // Советская археология, 1985, № 4.
33. Золотов Ю. М. Остатки древнего святилища на реке Кимерше // Балтославянские исследования. Вып. 1980 г. М., 1981.
34. Иванов Г. И. Камень-Гром. СПб., 1994.
35. Ильин С. Н. Обожествленные камни // Знамя коммунизма, 16.01.1987.
36. Ильин С. Н. Рисунки на камнях // Знамя коммунизма, 11.05.1984.
37. Ильин С. Н. Следы на камнях // Калининская правда, 25.08.1968.
38. Кирпичников А. Н., Назаренко В. А., Сакса А. И., Шумкин В. Я. Каменные выкладки Европейского Севера и их истолкование. В кн.: Древности славян и финно-угров. СПб., 1992.
39. Кодола О. Е., Сочеванов В. Н. Путь лабиринта. СПб., 2003.
40. Конецкий В. Я. О «каменных кругах» Юго-Западного Приильменья. В кн.: Новое в археологии Северо-Запада СССР. Л., 1985.
41. Корзин О. А. Геомансия — утраченные знания и мастерство древних // Парапсихология и психофизика, № 3, 1992.
42. Коробка Н. Камень на море и камень алатырь // Живая старина. Вып. 4., 1908.
43. Кузнецов А. В. Болванцы на Лысой Горе (очерки языческой топонимики). Вологда, 1999.
44. Куратов А. А. Древние лабиринты Архангельского Беломорья. К вопросу о назначении каменных лабиринтов Северной Европы // Историко-краеведческий сборник. Вологда. 1973.
45. Куратов А. А. О каменных лабиринтах Северной Европы: опыт классификации // Советская археология, № 1, 1970.
46. Курбатов А. В. Загадочные знаки на камнях // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 18, 2000.
47. Курбатов А. В. Историко-культурные валуны Тверской области. В кн.: Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 1996.
48. Курбатов А. В. Камень с петроглифами в г. Твери в контексте проблематики наскальных изображений Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 2, 1996.
49. Курбатов А. В. Культовые камни и почитаемые источники на территории Ленинградской области. В кн.: Лапшин В. А. Археологическая карта Ленинградской области, ч.2. СПб, 1995.
50. Лаевская Э. Л. Мир керамики и мир мегалитов. Две художественные традиции в искусстве доантичной Европы. М., 1997.
51. Лазарев Е. С. Забытая культура российского Севера // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 6, 1998.
52. Лазарев Е. С. Святилище Солнечной Девы. К вопросу о символике лабиринтов Европейского Севера // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 6, 1998.
53. Левин А. А. «Конь-камень» // Памятники Отечества, № 1, 1984.
54. Левин А. А. Легенды каменных великанов // Советская Россия, № 170 (25 июля), 1984.
55. Левин А. А. «Стоунхенджи» Русской равнины // Московские новости, № 37 (219), 16

сентября, 1984.

56. Лопатин Н. В. Комплекс каменных крестов и изваяний на севере Смоленщины // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1988.
57. Макаров Н. А., Чернецов А. В. К изучению культовых камней // Советская археология, № 3, 1988.
58. Маланин И. Д. Еще один загадочный знак на камне // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 5, 1997.
59. Маланин И. Д. Земные прототипы Алатырь-Камня // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 3, 1996.
60. Маланин И. Д. Из воспоминаний о С. Н. Ильине. К 100-летию со дня рождения «отца» следовиков // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 18, 2000.
61. Маланин И. Д. Историко-культурные камни по данным личного архива // Краеведческие архивы: археология и этнография. Вып. 1. М., 1998.
62. Маланин И. Д. Камни с изображениями в Новгородской области // Краеведческие архивы: археология и этнография. Вып. 3. М., 1999.
63. Маланин И. Д. Коня нарекли Гром // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 19, 2000.
64. Маланин И. Д. Культовые камни и камень Алатырь // Вопросы истории, № 10, 1996.
65. Маланин И. Д. Невельский камень Ильина // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 7, 1998.
66. Маланин И. Д. Следовики // Памятники Отечества. Вып. 19, 1989.
67. Маланин И. Д. Следы языческих времен // Атеистические чтения. Вып. 19, 1990.
68. Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М., 1978.
69. Мартынов А. Я. Археологические памятники Соловецкого архипелага. Архангельск, 2002.
70. Матулис В. Литовские жертвенные камни. В кн.: Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1985.
71. Мельников И. В. Святилища древней Карелии. Петрозаводск, 1998.
72. Мизин В. Культовые камни и сакральные места Ленинградской области. СПб., 2006.
73. Мизин В. Сейд, каменная легенда Лапландии. СПб., 2006.
74. Моряков С. В. О чем молчат камни древнего Верха // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 18, 2000.
75. Мулло И. М. К вопросу о каменных лабиринтах Беломорья. В кн.: Новые памятники истории древней Карелии. М.-Л., 1966.
76. Никитин А. Л. Каменные лабиринты Севера // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 6, 1998.
77. Никитин А. Л. Костры на берегах. М., 1986.
78. Никитинский И. Ф. Тиуновское языческое святилище // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 9, 2000.
79. Никитинский И. Ф. Тиуновское святилище: космология и ритуалы // *Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum. 4. Sessiones sectionum. Debrecen, 1990.*
80. Носов Е. Н. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тыс. н. э. В кн.: Материалы по археологии Новгородской Земли. Вып. 1990 г. М., 1991.
81. Озерецковский Н. Я. Путешествие по озерам Ладожскому и Онежскому. Петрозаводск, 1989.
82. Опарин В. Хождение к Буян-камню. Петрозаводск, 1978.
83. Панченко А. А. О проблеме культурно-исторической атрибуции культовых камней

Северо-Запада России // Тезисы докладов Международной конференции, посвященной 100-летию В.И.Равдоникаса. СПб., 1994.

84. Панченко А. А. Русский культ св. Параскевы Пятницы и почитаемые камни Новгородской земли // Дивинец Староладожский: междисциплинарные исследования. СПб., 1997.

85. Перепелицын А. Древний идол у порога музея // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 6, 1998.

86. Перепелицын А. Тайны Чертова Городища // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 3, 1996.

87. Пискарев А. И. О местонахождении каменных баб в России // Записки Императорского Археологического Общества, т.3, 1851.

88. Платов А. В. Волшебные камни земли Вантит. О древнем обсерваторном комплексе на Куликовом Поле // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 2, 1996.

89. Платов А. В. Дорога на Аваллон. М., 1998.

90. Платов А. В. Киндяковский Камень: Святилище у слияния трех вод // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 3, 1996.

91. Платов А. В. Магические Искусства Древней Европы. М., 2002.

92. Платов А. В. Новые данные по мегалитам Русской равнины // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 11, 2002.

93. Попов А. С. Время собирать камни. Заметки краеведа // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 18, 2000.

94. Попов А. С. В поисках Дивьего камня. М., 1981.

95. Попов А. С. Тайны каменных знаков // Наука и жизнь, 1964, № 6.

96. Прошкин О. Л., Фролов А. С. Древний культовый камень в урочище «Чертово городище» // Материалы V областной краеведческой конференции. Калуга, 1987.

97. Прошкин О. Л., Фролов А. С. Камень с чашечными углублениями с «Чертова городища» под Козельском // Российская археология, 1995, № 1.

98. Рерих Н. К. Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца // Записки Русского археологического общества, 1889, т.11. Вып. 1–2.

99. Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1994.

100. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987.

101. Савватеев Ю. А. Наскальные рисунки Карелии. Петрозаводск, 1983.

102. Сахаров И. П. Памятники Тульской губернии. Тула, 1851.

103. Спицын А. А. Заметка о каменных крестах, преимущественно новгородских // Записки отделения русской и славянской археологии Императорского русского археологического общества, т.5... Вып. I, СПб., 1903.

104. Титов Ю. В. Лабиринты и сейды. Петрозаводск, 1976.

105. Тонаканян А., Тохатян К. Заговорят ли камни? Загадка мегалитического сооружения на севере Армении // Звартноц, № 4, 1991.

106. Троицкий Н. И. Берега реки Непрядвы. Тула, 1887.

107. Троицкий Н. И. Следы язычества на пространстве между верховьями рек Оки и Дона. В кн.: Памятная книга Тульской губернии на 1893 год. Тула, 1893.

108. Уваров А. С. Сведения о каменных бабах (с 40 рис.) — Сборник мелких трудов. Т. 2. М., 1910.

109. Урбанавичюс В. Реликты язычества в памятниках XIV–XVI веков в Литве // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин, 1985.

110. Уртанс Ю. В. Два вида культовых камней с выемками в Латвии. В кн.: Археология и

история Пскова и Псковской земли. Материалы семинара. Псков, 1992.

111. Уртанс Ю. В. Культовые камни с углублениями в Латвии // Краткие сообщения ИА АН СССР. Вып. 190, 1987.
112. Формозов А. А. Камень «Щеглец» близ Новгорода и камни-«следовики» // Советская этнография, № 5, 1965.
113. Формозов А. А. Наскальные изображения и их изучение. М., 1987.
114. Фурдуй Р., Швайдак Ю. Прелесть тайны. Киев, 1992.
115. Хокинс Дж. Кроме Стоунхенджа. М., 1981.
116. Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа. М., 1973.
117. Шавырин В. Н. Муравский шлях. Тула, 1987.
118. Шевелев В. В. Культовые камни в Каргополье // Российская археология, № 2, 1992.
119. Шорин М. В. Археологическое окружение культовых камней как источник для их датировки // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1987.
120. Шорин М. В. Вопросы классификации и датировки культовых камней // Славяно-русские древности: краткие сообщения, 205. М., 1991.
121. Шорин М. В. Культовые камни Приильменя (по материалам Новгородской области) // Археологические вести № 5, 1996–1997 гг. СПб., 1998.
122. Шорин М. В. О религиозных представлениях в связи с культом камней // История и археология Новгородской земли. Новгород, 1987.
123. Шумкин В., Назаренко В., Сакса А., Кирпичников А. Каменные выкладки европейского севера и их истолкование. В кн.: Древности славян и финно-угров. СПб., 1992.
124. Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994.

125. Дучыц Л. В. Культавыя камяні Беларусі // Помнікі мастацкай культуры Беларусі: новыя даследаванні. Мінск, 1989.
126. Дучыц Л. В. Каменныя крыжы // 3 глыбы вякоу (Наш край), 2. Мінск, 1997.
127. Ляукоу Э. А. Мауклівыя сведкі мінуувшчыны. Мінск, 1992.
128. Ляукоу Э., Карабану А., Дучыц Л. и др. Культавыя камяні Беларусі // 3 глыбы вякоу (Наш край), 2. Мінск, 1997.
129. Малешка М. Камень у верованнях і паданнях беларуса // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 4: Працы катэдры этнаграфіі. Т. 1. Мінск, 1928.
130. Atkinson R.J.C. Megalithic Astronomy: a Prehistorian's Comments // Journal for the History of Astronomy, № 6, 1975.
131. Atkinson R.J.C. Stonehenge. L., 1960.
132. Baruch M. Boze Stopki. Warszawa, 1907.
133. Bord J., Bord C. The Secret Country. L., 1978.
134. Burl A. From Carnac to Callanish — The Prehistoric Stone Rows and Avenues of Britain, Ireland and Brittany. New Haven and L., 1993.
135. Burl A. Great Stone Circles. New Haven and L., 1999.
136. Burl A., Milligan M. Circles of Stone. The Prehistoric Rings of Britain and Ireland. L., 1999.
137. Davidson J. L., Henshall A. S. The Chambered Cairns of Orkney. Edinburgh, 1989.
138. Devereux P. Places of Power: Secret Energies at Ancient Sites. L., 1990.
139. Devereux P. The Truth About Leys // The Ley Hunter, is. 107, 1987.
140. Devereux P., Steel J. amp; Kubrin D. Earthmind. N.Y., 1989.
141. Graves T. Needles of Stone. L., 1978.
142. Hadingham E. Circles and Standing Stones. L., 1975.
143. Hawkins G. S., White J. B. Stonehenge Decoded. L., 1966.

144. Heseltun P. The Elements of Earth Mysteries. Shaftesbury, 1991.

145. Malone C. Neolithic Britain and Ireland. Stroud, 2001. Ritchie A., Ritchie G. The Ancient Monuments of Orkney. Edinburgh, 1995.

146. Michell J. The Earth Spirit. L., 1974.

147. Mystic Places. Amsterdam, 1992.

148. Nordman C. A. The Megalithic Culture of Northern Europe. Helsinki, 1935.

149. Of Gods and Holidays. The Baltic Heritage. Ed by J.Trinkunas. Vilnius, 1999.

150. Pennick N. The Ancient Science of Geomancy. L., 1979.

151. Spurek M. Ceske menhiry promluvily // Technicky magazin, № 3, 1988.

152. Tarasenska P. Pedos amenyje (Lietuvos istoriniai akmenys). Vilnius, 1958.

153. Thom A. Megaliths and Mathematics // Antiquity, is.40, 1966.

154. Thom A. Megalithic Sites in Britain. Oxford, 1967.

155. Watkins A. Early British Trackways, Moats, Mounds, Camps and Sites. Private, 1922.

156. Watkins A. The Old Straight Track. L., 1925.

Вступление

«Фрагменты мегалитической мозаики...» — это действительно лишь фрагменты, небольшая подборка из материала, собранного в результате исследований сакральных мест в 2006–2009 гг. на северо-западе России. Основными регионами проведенных изысканий стали север Новгородской и Ленинградская область.

У этой небольшой работы нет претензии на исчерпывающий перечень объектов, целью её является представить определенный срез имеющихся объектов в контексте сохранившихся преданий, топонимики, внешних признаков и сходства с подобными памятниками соседних регионов. Данная статья в некотором роде представляет собой продолжение известной работы А. Курбатова 1995 года, в том плане, что здесь речь идет только о тех объектах, которые не упоминаются в «Культовых камнях и почитаемых источниках на территории Ленинградской области». Но, кроме описания новых объектов, эта небольшая подборка материала также наглядно показывает перспективность дальнейшего выявления и исследования культовых камней на территории Ленинградской области.

Несмотря на то что, по мнению автора, выделять именно культовые камни как отдельную категорию сакральных объектов не является объективным подходом к их изучению, здесь говорится именно о культовых камнях и сознательно не упоминаются часто образующие с ними единые сакральные комплексы священные рощи и деревья, а также почитаемые родники, озера, горы. Сделано это в первую очередь для выделения именно «мегалитической» составляющей из общей картины сакральных объектов региона. Обычно под «мегалитическими» сооружениями подразумеваются большие камни или комплексы из них, несущие следы вмешательства человека — нанесенные изображения, постройка и т. п. В данном обзоре такие объекты также представлены, но общий акцент сделан не на наличие внешних рукотворных признаков, а на особенности структуры камней, их расположения, связанные с ними легенды и необычные природные свойства. Именно это, с точки зрения автора, позволит приблизиться к пониманию феномена культа камней.

Северо-запад России сложно назвать полноценным мегалитическим регионом, но, тем не менее, культ камней и здесь имеет свои специфические черты, на которых также хотелось бы акцентировать внимание. Культ камней является важной частью культурного ландшафта, несущего отпечатки живой традиции взаимодействия человека и природы, идущей из глубины веков.

Именно с этой целью вне этого небольшого обзора остались такие типичные мегалитические памятники, как сейды, каменные лабиринты и ритуальные кучи, свойственные Северной Европе, здесь сделана попытка выделения мегалитической составляющей именно в культовых камнях, традиции которых ориентированы, в первую очередь, на регионы Центральной России и Прибалтийских стран. Северо-запад в целом, и особенно территория Ленинградской области, является тем местом, где пересекались столь разные в культурном и религиозном плане традиции, поэтому сформировавшиеся здесь сакральные объекты культурного ландшафта являются во многом уникальным сплавом различных верований и представлений.

Почему именно культ, а не сами камни? Конечно, можно рассматривать камни и отдельно, как сугубо археологические объекты, но в отрыве от других факторов такой подход не дает возможности составить объективную картину феномена культовых камней. Информация даже об утраченных культовых камнях — топонимика, предания, описания их внешнего вида — представляет большую ценность, т. к. существенно дополняет представления об общих чертах того или иного культа, его географии и других особенностях.

В чем специфика рассматриваемого региона? В первую очередь, для северо-запада характерно разнообразие ландшафтов, в которых происходило формирование традиций почитания культовых камней. Возвышенная равнина Ижорского плато, балтийские дюны и ладожские скалы, холмы Карельского перешейка и Полужья, болота заповедных вепсских лесов — все это причудливо дополняет друг друга на сравнительно небольшой территории. В древних культовых камнях на пересечении древнего водного пути из Балтики в Черное, Белое и Каспийское моря сохранились отголоски древних верований славян, финно-угров, балтов. Расположенные здесь культовые памятники имеют аналоги по всей Европе. Несомненно, что для составления наиболее объективного представления о священных камнях в первую очередь необходимо обратиться к изучению самой местности, а также культов аналогичных объектов, расположенных в соседних регионах.

Рассматриваемые в статье культовые камни условно разделены по регионам распространения: Ижорская возвышенность, Верхнее Полужье, Среднее Полужье, Вепсский край, Карельский перешеек и Финский залив. Всего рассмотрено 47 камней, из которых 41 объект отмечен в Ленинградской области, 6 — в Новгородской. Структура «фрагментов мегалитической мозаики...» разнообразна: здесь представлены как краткие сообщения о камнях, так и более развернутые исследования и описания. Информация о большинстве упомянутых объектов была собрана автором в полевые сезоны 2006–2009 гг.

Краткий перечень объектов:

Ижорская возвышенность и окрестности

1. Бесов камень (Волосовский р-н, Ленинградская обл.)
2. Иван камень (Волосовский р-н, Ленинградская обл.)
3. Ильин-камень (несохр., Ломоносовский р-н, Ленинградская обл.)
4. Ильин камень на р. Ижора (Гатчинский р-н, Ленинградская обл.)
5. Культовый камень «у кузницы Трифона» (Волосовский р-н, Ленинградская обл.)
6. Курголовский камень (Волосовский р-н, Ленинградская обл.)
7. Лунный камень (Гатчинский р-н, Ленинградская обл.)
8. Мамин камень (Гатчинский р-н, Ленинградская обл.)
9. Марфин камень (Волосовский р-н, Ленинградская обл.)
10. Медведь-камень (Гатчинский р-н, Ленинградская обл.)
11. «Менгир» на могильнике (Волосовский р-н, Ленинградская обл.)
12. Поминальный камень (Кингисеппский р-н, Ленинградская обл.)
13. Поминальный камень (Волосовский р-н, Ленинградская обл.)
14. Ристикиви (Кингисеппский р-н, Ленинградская обл.)
15. Седельный камень у источника (Кингисеппский р-н, Ленинградская обл.)
16. Седельный камень у р. Сума (Кингисеппский р-н, Ленинградская обл.)
17. Следовик у д. Колодези (Гатчинский р-н, Ленинградская обл.)

18. Следовик «след Богородицы» (Волосовский р-н, Ленинградская обл.)
19. Следовик на реке Кихтолке (Кингисеппский р-н, Ленинградская обл.)
20. Сууркиви (Кингисеппский р-н, Ленинградская обл.)
21. Укко-киви (Ломоносовский р-н, Ленинградская обл.)
22. Чашечник у п. Беседа (Волосовский р-н, Ленинградская обл.)
23. Чашечник в Куммолово (Ломоносовский р-н, Ленинградская обл.)

Верхнее Полужье

24. Камень с крестом (Батецкий р-н, Новгородская обл.)
25. Менгир (Батецкий р-н, Новгородская обл.)
26. Следовик-подкова (Батецкий р-н, Новгородская обл.)
27. Святой камень (Лужский р-н, Ленинградская обл.)
28. Чашечник со стоком на меже (Батецкий р-н, Новгородская обл.)
29. Чашечник со стоком у кургана (Батецкий р-н, Новгородская обл.)
30. Чашечник (Батецкий р-н, Новгородская обл.)

Среднее Полужье

31. Расколотый валун с чашей на Луге (Лужский р-н, Ленинградская обл.)

Вепсский край

32. Белый камень (Волховский р-н, Ленинградская обл.)
33. Камень св. Антония (Бокситогорский р-н, Ленинградская обл.)
34. Камень с надписью (Тихвинский р-н, Ленинградская обл.)
35. Пичин камень (Волховский р-н, Ленинградская обл.)
36. Ристикиви (Подпорожский р-н, Ленинградская обл.)
37. Следовик (несохр., Подпорожский р-н, Ленинградская обл.)
38. Хумбарт-киви (Подпорожский р-н, Ленинградская обл.)

Карельский перешеек

39. Клятвенный камень (Всеволожский р-н, Ленинградская обл.)
40. Пирукиви (Всеволожский р-н, Ленинградская обл.)
41. Сууркиви, «Ложе русалки» (Выборгский р-н, Ленинградская обл.)

Финский залив

42. Данилов камень (Кингисеппский р-н, Ленинградская обл.)
43. Звенячий камень (Кингисеппский р-н, Ленинградская обл.)
44. Мартышкинский валун (Ломоносовский р-н, Ленинградская обл.)

45. «Морской сейд» (Ломоносовский р-н, Ленинградская бл.)

46. Следовик «Детские следки» (Кингисеппский р-н, Ленинградская обл.)

47. Чашечные камни на о. Гогланд (Кингисеппский р-н, Ленинградская обл.)

Ижорская возвышенность и окрестности

1. Бесов камень Волосовский р-н, Ленинградская область

Бесов камень, один из наиболее известных культовых камней Ленинградской области. Расположен он в Волосовском районе, к югу от Таллиннского шоссе. Другие его названия — камень-Колдун, Чертов камень, Церковный камень, современное название — Велесов камень. Одно из первых упоминаний Бесова камня встречается в книге «Памятные места Ленинградской области» [1]. Вот какое описание Бесова камня оставил краевед П. Сергеев:

«В болотистом редколесье Бегуницкого лесничества между деревнями Сельцо и Кандакюль было произведено обследование и фотографирование большой гранитной глыбы, глубоко утонувшей и обросшей мхом за много тысячелетий. Солидными размерами она превосходит любой из камней на территории Волосовского района. Возвышающаяся над поверхностью болота часть этой громадины имеет форму неправильного прямоугольника. Насколько глубоко находится остальная часть камня под моховым покровом, сказать трудно, однако, четырехметровая жердь, опускавшаяся в щель у юго-западного края камня два года назад, дна не достала (в настоящее время эта щель забита жердями). Силы природы ориентировали этот гранитный массив по сторонам света. Причем наибольшая сторона периметра, длиной около 8 метров, обращена на север, другая 4-метровая озаряется солнцем с востока, южная граница протянулась на 5 метров и западная имеет в длину тоже 5 метров. Вершина посланца Скандинавских гор неравномерна: в наиболее высокой точке она достигает 3,5 метра, а в том месте, где на нее взбираются любознательные туристы, не превышает 2,5 метра. здесь естественные ступени ведут к вершине».

Несмотря на давнюю известность, история этого камня еще далеко не до конца изучена. Бесов камень — один из редких культовых валунов, на котором есть знаки: на северной стороне валуна выбито два косых креста размерами примерно 40×30 см, на вершине Бесова камня латиницей выбиты монограммы AJ, AB, JU. Вероятно, эти монограммы являются сокращенными формулами лютеранских молитв и были нанесены здесь в XVII–XIX вв. в связи с преданием об этом камне как об окаменевшей церкви и названием валуна Церковным. Местные финны ингерманландцы именовали камень Сууркиви (что в переводе просто «Большой камень»), Кирккокиви — «Церковный камень». Со вторым названием связана интересная легенда. «Когда-то этот камень был церковью, но прихожане и священник не отличались особой праведностью, и бог за грехи обратил их храм в камень. Говорят, до сих пор возле камня можно слышать бесовские стоны и хохот». Откуда в наших краях, где более распространены предания о провалившихся церквях, возник такой сюжет? На одной из граней камня имеется аркоподобная выемка, напоминающая вход в церковь. Видимо, эта особенность и послужила основой для имени Кирккокиви. Местное население камень считает особым, считается, что ночью или в бурю здесь можно услышать как бесовский хохот, так и церковное пение из-под камня. Согласно легендам, можно долго плутать в лесу, но так и не дойти до камня, «плохого человека камень не подпускает», и на самом деле, камень расположен примерно в ста метрах от кромки леса,

однако, из-за окружающих его елей, можно пройти в десяти метрах, не увидев его. Нижние грани камня имеют сколы, подтверждающие предание о том, что в период искоренения веры «арбуев» (как называли в Средние века местных языческих жрецов) была предпринята попытка расколоть камень, для чего он прокаливался огнем и обливался водой. Но, похоже, от него откололись только небольшие нижние части. Есть смутные упоминания о том, что на камне была то ли выбита, то ли угадывалась в игре сколов и трещин медвежья морда.

В современных сообщениях камень часто называют Велесовым, но среди местного населения это название не упоминается. Откуда взялось название Велесов камень? Проведенное исследование позволило выяснить, что собственно привязки камня к Велесу нет, и это название — не более чем додуманная в наше время интерпретация от имени Бесов камень. На самом деле «Бесов» здесь упоминается в контексте «нечистый», в одном ряду с «Чертов», «Колдун» и т. п. Старожилы упоминают место, где стоит камень, как блудное, и не рекомендуют туда ходить. Действительно, к камню дойти можно не всегда, несмотря на то, что стоит он в лесу недалеко от поля, путь к нему действительно странен. Впрочем, можно ли ожидать другого от пути к древнему святилищу? Местные знали эту особенность места, вероятно, отсюда и пошли эти «нечистые» эпитеты: бесов, чертов, колдун-камень. Однако все эти эпитеты являются не более чем косвенными названиями, отражающими свойства местности и камня, а не древним именем камня. Исходя из этого, можно с определенной долей уверенности сделать вывод о возникновении имени Велесов камень не ранее 1970-х гг. Видимо, в данном случае буквально материализовалась распространенная легенда о происхождении названия районного центра Волосово от имени Велеса (Волоса). Однако сам Бесов камень расположен далеко от Волосово и гораздо ближе к другим населенным пунктам. В самом Волосово под существовавшее некогда капище Велеса отводится совершенно другое место.

В настоящее время Бесов камень стал достаточно известной туристической достопримечательностью, к камню приставлена лестница, по которой на него можно подняться. На вершине в дар камню оставляют монеты [2,3].

2. Иван-камень Волосовский район, Ленинградская область

Крупнейший в окрестностях поселка Беседа валун. Местное название — Иван-камень. К камню раньше «ходили», но какие-либо подробности этого не сохранились. Размеры 3,5×4,5 м, высота около 2,5 м. Порода камня — гранит, с большим содержанием кварца. Иван-камень имеет плоскую верхнюю поверхность и некое природное подобие ступеней, что придает ему определенное сходство с Бесовым камнем. Представляет интерес и расположение — на границе леса и поля, также имеющее некоторое пересечение с расположением Бесова камня. На камне растут небольшие деревья, высотой до метра [4].

3. Ильин камень Ломоносовский р-н, Ленинградская область

История деревни Ильино начинается с Ильина камня. У одного из владельцев усадьбы в Ропше однажды была убита собака. Так как никто в преступлении не признался, то барин выселил несколько домов, рядом с которыми и была убита собака. Выселенцев поселили у Ильина камня, от имени которого и происходит название деревни. Камень имел чашу, в которой всегда была вода, этой водой лечили глазные болезни. Кроме чаши, на камне был следок св. Ильи — согласно преданию, здесь побывал св. Илья, но ему здесь не понравилось, и он перелетел в Ильеши. Камень был в поле у леса, восточнее поворота, примерно в 300 м от

деревни. Его взорвали в 1960-е при мелиорации, но причина была другая — под ним искали клад, но нашли только немногочисленные монеты из недавних приношений. Также недалеко от Ильино был еще один камень, с которым связано предание о том, что это окаменевший крестьянин, работавший в праздник и окаменевший со своей скирдой [5].

4. Ильин камень на р. Ижора Гатчинский район, Ленинградская область

Валун расположен на южном берегу реки Ижора, в нескольких километрах восточнее истока. Местное название камня — Ильин камень. Валун пирамидальной формы, высотой около 2,5 м расположен на вершине холма, стоящего в основании небольшого мыса, образованного изгибом реки. На настоящий момент часть холма, на котором стоит камень, срезана карьером, на самом камне имеются следы сверления, вероятно, камень пытались уничтожить мелиораторы в 1960-е гг.

Среди сакральных объектов западной части Ижорского плато можно выделить особую группу мест, объединенных «ильинской» топонимикой. К этому ряду относятся в первую очередь знаменитый следовик у с. Ильеши, чашечник у д. Ильино, следовик «детские следки» на Сойкинском полуострове, возле деревни, носившей до революции название Ильяуса. Чем могло быть обусловлено распространение подобной топонимики среди священных мест рассматриваемого региона? Следует отметить, что культ св. Ильи не был столь широко здесь распространен, как, например, культ Параскевы Пятницы. Даже храм в с. Ильеши носит название Никольского Пятницкого, хотя один из его приделов и освящен в честь св. Ильи. Старое название Ильешского погоста — Григорьево-Льешский. Очевидно, что «ильинская» составляющая сакральной топонимики далеко не всегда соответствует культу св. Ильи.

Можно предположить, что «ильинские» топонимы произошли от названия древнейшего Ильинского Замошского погоста, основанного не позднее третьей четверти XIII в. [6], центра, откуда в XIII веке распространялось христианство в западной части Ижорского плато (что фиксируется изменением погребального обряда). В качестве объяснения этого феномена можно предположить следующую версию: места с «ильинской» топонимикой были известными и почитаемыми на момент распространения христианства, во второй половине XIII века, и были «крещены» одними из первых. Ильинская топонимика в данном случае может указывать не на культ св. Ильи, а на название важного на тот момент центра распространения христианства. Возможно, что определение места как «ильина» или «ильинского» было синонимом понятия «святой» для недавно крещенного местного населения [7, 8].

5. Культурный камень «у кузницы Трифона» Волосовский район, Ленинградская область

В «Перечне археологических памятников Волосовского района 1991 г.» упоминается культурный камень на левом берегу реки Вруда, в среднем её течении. Летом 2008 г. опрос старожилов ближайших деревень позволил найти камень. Валун размерами примерно 1×1 м с плоским верхом расположен на заросшем склоне берега ручья. Месторасположения камня называется «кузница Трифона», по легенде, там располагалась когда-то кузница. Современные местные жители культ не поддерживают. Это место исследовал краевед Никитин (ныне покойный) [9].

6. Курголовский камень Волосовский район, Ленинградская область

В центре деревни Курголово, на дороге лежал огромный камень. Камень все ценили. Когда боролись с церковью в 1960 г., власти закопали камень трактором прямо посередине села [10].

7. Лунный камень Гатчинский район, Ленинградская область

Валун Лунный камень расположен в поселке Сиверский. Этот камень лежит на склоне одного из оврагов, на территории детского оздоровительного лагеря «Адмиралтеец». Лунный камень находится недалеко от пересечения оврага с улицей С. Никифорова. Первое описание его составлено краеведом А. Н. Лбовским, жившим в первой половине XX в.: «Половина его ушла в землю, а сверху покрылся зеленым мхом... Это самый большой валунный камень в Сиверской». Он же первым упомянул этот камень как культовый: «Лунный камень был в древности жертвенником».

Лунный камень действительно производит впечатление — видимая высота камня около 3 м, судя по его расположению, раньше он был выше по склону и ныне сполз почти на дно оврага. Место его расположения подверглось большой антропогенной нагрузке, и выявить дополнительные подробности не представляется возможным.

Местное название валуна — Лунный камень, выглядит оторванным от контекста и порой порождает самые нелепые версии его происхождения. Например, есть вполне материалистическое объяснение, что название «Лунный камень» произошло каким-то неведомым образом от «Валунный камень». Эта версия не кажется убедительной, поскольку в Ленинградской области еще один камень с таким же названием. Второй камень, тоже именуемый местными жителями Лунным и также имеющий скошенную верхнюю плоскость, находится в Ломоносовском районе у д. Келлози. Этот камень в древности являлся межевым знаком, он стоит на перекрестке дорог и на нем выбит характерный для межевых знаков крест. Исходя из распространенности подобного названия, возможно предположить происхождение названия «Лунный камень» от какого-либо ижорского понятия [11].

8. Мамин камень Гатчинский район, Ленинградская область

Мамин камень представляет собой крупный валун высотой 2,5 м, лежащий на склоне небольшого ручья в верховьях реки Оредеж. На камне имеется естественное скошенное углубление, по которому стекает дождевая вода. Камень до сих пор посещаем, на нем нарисована краской буква «М», время от времени обновляемая. Нужно отметить, что это не единственный камень с таким названием — другой Мама-камень, известный по пограничным меткам XVII века на нем, расположен также в Гатчинском районе, но восточнее. По преданию, недалеко от Оредежского Мамина камня раньше находился и Папа-камень. Восточнее, если следовать по течению Оредежа, можно встретить и Дед-камень. Вопрос о причине концентрации в этом субрегионе именитых валунов с «семейными» названиями остается открытым [12].

9. Марфин камень Волосовский район, Ленинградская область

Валун, состоящий из гранита розового цвета, расположен в поле, размеры 4.2×4.8×2 м, в плане представляет собой неправильный пятиугольник, в верхней части имеется заросшее травой седловидное углубление глубиной до 0,4 м (до грунта) Местное название валуна — Марфин камень. Происхождение названия старожилам не ясно, но сохранилось упоминание, что

«к камню раньше ходили». В советские годы вокруг Марфина камня были свалены небольшие валуны, убранные с поля, но сегодня камень снова очищен и возвышается в первоначальном виде. Наиболее схожим по структуре камнем можно назвать седельный валун Сатулакиви в северном Приладожье [13].

10. Медведь-камень Гатчинский район. Ленинградская область

Валун шириной около 2 м, длиной около 4 м, издали действительно похож на медведя, имеет клинообразную, напоминающую в плане корабль, форму, обращенную «носом» на юг, «кормой» на север. В «кормовой» части валуна, высотой около 1,5 м, имеется естественное углубление, в котором скапливается дождевая вода. «Нос» камня круто задран в небо и имеет высоту около 2 м. На пологой части камня отмечены следы костра. Местные названия камня: Медведь-камень, Дед-камень, Пограничный. Последнее название весьма характерно для выдающихся валунов Ленинградской области, во многих местах распространено поверье, что именно через такие камни проходила граница во времена Великого Новгорода. Далеко не всегда эти предания соответствуют реальным границам и часто могут восприниматься лишь как подчеркивающие значимость камня дополнения, когда истинный смысл уже утрачен [14].

Географически Дед-камень расположен на поле, вдающемся в лес, между двух ручьев, впадающих в Оредеж. Сакральная организация местности соблюдена расположением деревни на правом берегу Оредежа, Дед-камня и кладбища — на левом. Сами названия «Медведь» и «Дед» распространены как определения культовых камней. Медведь-камень известен также в Костромской области, где с ним связаны предания о явлениях на нем то огромного медведя, то старика [15]. Название Дед-камни (Дедовы камни) также встречается среди культовых камней, например почитаемый Дед-камень был известен в Минске (Белоруссия).

Интересно отметить и саму структуру Медведь-камня: этот валун имеет как углубление, где скапливается вода, так и резко возвышающуюся часть. Подобная структура типична для культовых камней и отмечена у Камня-Пятницы возле озера Врево, камня на Ропшинском холме, прослеживается и в более удаленных регионах, например, у Потолка-камня в Латвии, именуемого также Чертовым и Жертвенным камнем.

11. «Менгир» на могильнике Волосовский район, Ленинградская область

На одном из древних курганных могильников в западной части Волосовского района весной 2009 года был зафиксирован крупный вертикально поставленный камень. Ввиду внешнего сходства объект условно назван «менгиром». Валун высотой около 1,8 м расположен на северной границе могильника. Плоская грань камня направлена вдоль границы могильника. Расчетный вес камня около 8 т. В местном фольклоре этот камень упоминается в связи с русалками — недалеко от могильника также расположен небольшой непересыхающий пруд под названием Макиш. Сам могильник обычно называют «коломками», что является распространенным названием для многих могильников Ижорской возвышенности. Камень является местным ориентиром, могильник обычно упоминается как «коломки у камня». Искусственная постройка камня сомнений не вызывает, но для курганных и жальничных могильников Ленинградской области это явление не характерно. Обычно в ногах и изголовье ставились вертикально небольшие плиты, высотой не больше 0,5 м.

Самые ранние, из зафиксированных на момент опроса, упоминания этого камня относятся к началу XX в. [13] Несмотря на то что подобные памятники в северо-западном регионе России

не выявлялись ранее, подобный объект есть в Латвии, где на кладбище в Ленце (муниципалитет Раискумс) также возвышается вертикально поставленный камень.

Однако можно предположить и другую версию: это мог быть поминальный камень (плоскость камня, обращенная к могильнику, это вполне допускает), в XIX в. по каким-то причинам свернутый в сторону могильника.

12. Поминальный камень Кингисеппский район, Ленинградская область

Поминальный камень был зафиксирован в д. Именицы, возле дороги, ведущей к древнему могильнику — «коломкам». В настоящее время камень, видимо, был сдвинут при строительстве хозпостроек — у него отбит один фрагмент, и стоит он в стороне от первоначального места, но среди местного населения до сих пор связывается с поминовением умерших [16].

«Когда покойника в Ястребинскую церковь отпевать везли, то вначале открытый гроб до коломок на руках несли, и там ставили на этот большой плоский камень. Здесь все деревенские с покойным прощались. А потом гроб закрывали; устанавливали на телегу или сани, ну и дальше умершего провожали только близкие и друзья» [56].

13. Поминальный камень Волосовский район, Ленинградская область

Валун расположен между дорогой на Ястребино и древним курганным могильником в п. Беседа. Среди местного населения известен как поминальный, прощальный или покойницкий камень, здесь поминали предков, провожая в последний путь. В настоящее время камень лежит на боку, так как был свернут при строительстве дороги. В изначальном положении камень имел верхнюю горизонтальную поверхность, на которую, по традиции, и устанавливался гроб с покойником перед захоронением. На подобных же камнях оставляли и приношения в дни поминания предков (эта традиция сохранилась до сих пор на могильнике у д. Валговицы, Кингисеппского р-на Ленинградской области). Характерным признаком является расположение камня возле крупного курганно-жальничного могильника. С большой долей вероятности можно предположить, что традиция ритуального использования этого камня в погребальном обряде сохранялась со времени функционирования могильника, т. е. с XIII–XIV вв. [17] Следует отметить широкое распространение как самих «поминальных» камней, так и традиции их использования. Такие камни известны при могильниках Ижорского плато (Валговицы, Таровицы и др.), также и в окрестностях озера Самро [18] и других местах северо-западного региона. Интересно отметить, что традиция использования камней в похоронном ритуале прослеживается не только в раннее Средневековье северо-запада России, но и имеет широкое географическое распространение у других народов Европы. Например, подобная традиция отмечена в Абхазии (где известен т. н. «камень для покойника») и в Шотландии (камень Патрика в Бэлкухаддере [19]). Касательно камня у п. Беседа можно отметить тот момент, что обычно культ поминальных камней сохранялся чаще всего там, где современные кладбища соседствовали с древними могильниками, в данном случае мы видим ситуацию, где культ камня сохранился возле могильника, существовавшего в XII–XV вв. Березовая роща, выросшая на этом могильнике, также иногда упоминается как священная [20].

14. Ристикиви Кингисеппский р-н, Ленинградская область

Камень Ристикиви (в переводе с ижорского — «крестовый камень») расположен в среднем

течении реки Систа, возле её правого берега. На камне высечен крест. Местное предание сообщает о том, что это был межевой знак эпохи Великого Новгорода [21].

15. Седельный камень у источника Кингисеппский р-н, Ленинградская область

Расположен этот камень выше по течению реки Систы от предыдущего объекта, но на её левом берегу. Камень ярко выраженной седловидной формы стоит недалеко от родника. Местные жители камень почитают, по рассказам старожил, здесь проводился обряд водосвятия, в «седло» камня ставился крест. По другим данным — крест был высечен в «седле» камня (ныне не прослеживается). Вода в роднике с большим содержанием железа, и среди местных жителей он известен как неиссякаемый [22].

16. Седельный камень у р. Сума Кингисеппский район, Ленинградская область

В 2008 г. была получена информация о крупном камне с искусственным квадратным углублением в виде сиденья. Осенью того же года камень был найден и обследован. Ныне камень находится в зоне застройки. Этот камень расположен на верхней прибрежной террасе реки Сума и обращен квадратным углублением в сторону реки. Квадратное углубление имеет достаточно крупные размеры, 1,1×1,2×0,4 м, ранее камни с подобными «сиденьями» на территории Ленинградской области не фиксировались. Судя по характерным признакам (крупный размер, необычная форма, квадратное углубление) и расположению объекта (склон у реки в месте расширения речной долины) камень можно отнести к седельным валунам (Чертов-камень Пирукиви, Седельный камень на реке Систе и др.) [23]. Обрывочные сведения, связанные с обрядами, проводимыми на камнях седельного типа, распространены довольно широко: от скандинавских мифов и балтских легенд до православной практики моления на камне.

17. Следовик у д. Колодези Гатчинский район, Ленинградская область

Трехпалое изображение на валуне у д. Колодези было впервые зафиксировано В. Бароновым при разведках в первой половине 1980-х гг. Камень был обследован автором в 2008 году. Первичная трактовка изображения В. Бароновым как «тамги Рюриковичей» представляется сомнительной, хотя межевое значение знака полностью исключать нельзя. Изображение, напоминающее птичий след, длиной 20 см, шириной до 4 см и глубиной до 2 см, расположено на ровной грани камня, обращенной в сторону перекрестка дорог. Камень расположен недалеко от кладбища и удачно вписан в ландшафт: из-за неровности рельефа при приближении к нему от дороги — то пропадает из виду, то снова возникает.

18. Следовик «след Богородицы» Волосовский район, Ленинградская область

Культовый комплекс расположен в лесу и состоит из ныне разрушенной часовни в честь Вознесения, святого источника, камня со следком Богородицы и старой березы. Согласно распространенной легенде на этом месте произошло явление Богородицы с младенцем [24]. Место было почитаемым до революции, вода из источника была «как бы светящейся». В советские годы часовня была разрушена, согласно преданию, в тот момент «камень был сокрыт

березой и сохранился». Сейчас камень с углублением снова выступает из-под корней старой березы. В последнее время источник постепенно обустроивается [25].

19. Следовик на реке Кихтолке Кингисеппский район, Ленинградская область

Камень с тремя «следками» расположен у одного из родников возле истока реки Кихтолки, южнее пос. Георгиевский. Камень представляет собой небольшой валун серого цвета с тремя четкими углублениями глубиной до 5 см и длиной 20–27 см. С этим местом связана легенда о явлении здесь на камне Богородицы, после чего тут забил родник с целебной водой. В настоящее время здесь восстановлена часовня и сооружена купальня. Место пользуется большой популярностью, за водой сюда приезжают из Петербурга и Псковской области [26, 57].

20. Сууркиви Кингисеппский район, Ленинградская область

Название этого камня в переводе с ижорского означает «большой камень» [27]. Валун Сууркиви расположен в лесу недалеко от реки Систа. Камень имеет плоскую верхнюю грань и вытянутую форму, ориентированную острым концом на север. Чаша немного смещена от центра камня к торцу, южной его грани. Высота камня Сууркиви 1,6 м, длина 4,3 м, ширина 2 м. Чаша имеет круглую форму, диаметром по зеркалу воды 90 см и глубиной в центре 8 см. Для Ленинградской области это уникальный объект, ближайшее аналогии которому можно встретить в Латвии, Литве и Эстонии. В чаше постоянно есть вода. По рассказу одной из местных жительниц, до войны, будучи девочками, ходили к камню и мыли в чаше кукол. Этот на первый взгляд странный момент имеет сходство с обычаем, связанным с подобным камнем у вепсов. Сравнивая внешние признаки этого камня с прибалтийскими аналогами, которые именовались «Дева блюдас» (Божье Блюдо), можно отметить, что вода, скапливавшаяся в подобных чашах, считалась святой и в некоторых случаях такие камни стояли даже при христианских храмах.

Вера в целительную силу воды в чашечных углублениях была широко распространена в Европе, и настолько сильна, что, например, в Англии в Средние века при возникновении эпидемий подобные углубления использовали «для передачи денег за продукты из «чистых» (где больных не было) деревень». Таким образом, воде из крупных чашечных углублений приписывались и дезинфицирующие свойства [28].

21. Укко-киви (Петровский камень) Ломоносовский район, Ленинградская область

Расколотый на три части валун лежит на третьей горе Дудергофской возвышенности — горе Кирхгоф. Гора Кирхгоф стоит несколько в стороне от Ореховой и Вороньей, и издавна имела особый статус: старое финское название горы — «мельканмяки» («холм мертвых») — наводит на мысль о древней традиции хоронить здесь умерших. В XVIII в. на горе была возведена кирха, которая стала известна под именем Кирхгоф (фин. Кирккомьяки — «церковный холм»). Камень расположен недалеко от старинного кладбища и остатков дома пастора. Среди населения окрестных деревень до сих пор сохранились названия этого камня — Петровский камень (д. Пудость) [29], Укко-киви (д. Ретсея) [30]. Первое название, скорее всего, относится к пласту легенд, связанных с деятельностью царя Петра Великого. Подобные предания широко распространены в Ленинградской области, где даже возведение некоторых древних сопков порой приписывают царю Петру (как, например, у д. Петровская горка в Лужском районе [31]).

Второе название — Укко — киви — оказывается более информативным. Укко — древний

бог-громовник финно-угорского пантеона, аналог славянского Перуна. Несомненно, что это название камня является отголоском преданий об этом валуне как о Гром-камне т. е. камне, расколотом «ударом грома». Культ расколотых камней широко распространен в мире, фиксируется он у индейцев Северной Америки (где известны гром-камни — thunder stones), в Лапландии (расколотые почитаемые сейды [32]), на Британских островах (камень «Молящиеся руки Мэри»). Камням, пораженным «громом» (т. е. молнией в современном понимании), часто приписывались волшебные свойства. По одним преданиям, на них таким образом указывал небесный бог, по другим — молниями бог (или св. Илья-пророк) поражал чертей, пытавшихся спрятаться в камнях. Так с подобным камнем в Латвии, валуном Капседе, связана легенда о том, что этот камень черт похитил при строительстве замка Перкунаса (балтский аналог Перуна), и бог-громовник поразил молнией черта вместе с украденным им камнем.

В северо-западном регионе России наиболее известен Гром-камень из Лахтинского болота, ставший ныне основанием Медного Всадника в Санкт-Петербурге. По сохранившимся сведениям, часть этого камня была отбита ударом грома [33]. Само название местности Конная Лахта, в окрестностях которой и был изъят валун для памятника, возможно, также происходит от имени Укко — Укконен-лахти («залив Укко»). В окрестностях Петербурга известен и еще один Гром-камень — крупный расколотый валун на берегу залива в Ольгино. Другое название ольгинского Гром-камня — Рантакиви, «береговой валун».

Кроме собственно камня заслуживает внимания и окружающая его местность — рядом находится идеально вписанная в ландшафт огромная котловина с удивительной акустикой, которая у финнов являлась местом сакральным [34]. Другое название горы Кирхгоф — Лысая гора — подчеркивает ее отличие от заросших лесом вершин Ореховой и Вороньей гор. Подобные лысые горы еще в XIX веке использовались местным населением для празднования Ивана Купалы (финский аналог — Юханнус), когда на таких горах жгли лагунки — особым образом разведенные большие костры (называвшиеся у финнов «кокко»). Для подобных обрядов выбирались не очень удаленные от населенных пунктов, но отделенные лесом или другими естественными преградами, не заросшие лесом возвышенности. Возможно, от таких языческих праздников, активно отмечаемых кое-где в Ленинградской области и сейчас, в древности и пошла легенда о шабашах на Лысых горах.

22. Чашечник у п. Беседа Волосовский район, Ленинградская область

Камень с крупным чашечным углублением неясного происхождения расположен на пологом склоне берега небольшого ручья. Форма камня близка к цилиндрической, со скошенной верхней плоскостью, частично уходящей под уровень земли. Высота камня около 0,5 м, диаметр около 1 м.

В верхней части камня, обращенной в сторону ручья, имеется крупное чашевидное углубление диаметром около 15 см и глубиной примерно 7 см. Чаша почти соприкасается с краем камня, вертикально обрывающимся вниз, и имеет скос, по которому из нее стекает вода в сторону ручья. Подобное расположение — на склоне, обращенном к воде, является часто встречающимся для подобных объектов, камней и скал, имеющих примерно горизонтальную верхнюю плоскость и боковые вертикальные грани, обращенные вниз по склону, к воде (в этом ряду можно назвать скалу Чертов стул в Карелии, Лунный камень, Пирукиви и др.). В состав породы данного камня входит довольно большое содержание кварца, что также нередко отмечается у культовых камней [35].

23. Чашечник камень в Куммолово Ломоносовский район, Ленинградская область

Валун овальной формы длиной около 1,5 м расположен в старом парке [39]. Над камнем, частично закрывая его, растет старое дерево. На верхней поверхности камня, в её центральной части имеется 12 чашечных углублений. Чашки высечены одной компактной группой, диаметр (6–8 см) и глубина (1–4 см) чашек имеют параметры, характерные для чашечных камней северо-западного региона.

Само название Куммолово, вероятно, происходит от водского слова «kummo» — чудо и в дословном переводе на русский язык будет звучать как «Чудово». Каких-либо дополнительных сведений, связанных с камнем, на данном этапе выявить не удалось.

Верхнее Полужье

24. Камень с крестом Батецкий район, Новгородская область

Небольшой камень с выбитым глубоким изображением креста был зафиксирован С. Алексашиным в реке Луга. Подобные камни часто являлись межевыми знаками, также отмечали перекрестки дорог (Лунный камень у д. Келлози в Ленинградской области, Крест-камень у д. Кицково в Псковской области). С подобными камнями были связаны суеверия и обряды, совершение которых должно было обеспечить удачу в пути. В данном случае камень с крестом, судя по его нахождению, вероятнее всего отмечал, древний брод через Лугу, место, где дорога пересекала реку [36].

25. Менгир Батецкий район, Новгородская область

Уникальный камень в виде вертикально поставленной стелы зафиксирован на берегу реки Луги в месте пересечения её старой дорогой. Этот менгир представляет собой валун высотой 2,3 м, длиной 2,5 м и шириной 1,4 м с расчетным весом около 18 т. На вершине камня имеются следы попытки его раскола. Вероятно, раньше он был немного выше, т. к. от него удалось отбить лишь две небольшие части вершины. Намеренная установка камня в вертикальное положение сомнений не вызывает: если бы камень просто убрали с поля, то вряд ли стали сначала устанавливать, а потом пытаться расколоть.

Поставлен камень плоскостью вдоль течения реки и, вероятно, отмечает место пересечения её дорогой. Менгиры, вертикально поставленные камни, являются наиболее редкими памятниками мегалитического наследия в северо-западном регионе России. Ближайшие аналоги можно встретить в Псковской области (Камень-солдат) и Латвии (камень Чертов рог). В соседних регионах подобные камни часто связываются с преданиями об окаменевших людях, также иногда считают их «управляющими местностью»; считается, что пока такой камень стоит, в округе все будет нормально, если же камень будет повален — жди бедствий. Подобные легенды имеют определенные пересечения с преданиями о стоящих камнях Западной Европы. Можно предположить, что менгир на берегу Луги, вероятно, не только отмечает важное место пересечения реки дорогой, но и несет другую смысловую нагрузку [36].

26. Следовик-подкова Батецкий район, Новгородская область

Небольшой камень с изображением подковы с разрушенного могильника у д. Ручьи. Размеры подковы 10×14 см, сам камень невелик, его длина 54 см, ширина 36 см, высота 40 см. Сравнивая это изображение с аналогичными следовиками, можно предположить, что камень мог играть роль оберега для скота либо быть межевым знаком [36].

27. Святой камень Лужский район, Ленинградская область

Информация о камне, именуемом Святым, была получена от местных жителей в 2007 г. Святой камень располагается в озере Врево. Происхождение названия камня местными жителями не прояснено, но подчеркивается, что «на камень трудно залезать». Также этот камень упоминается как географический ориентир. Святой камень был обследован летом 2008 г., он представляет собой гранитную глыбу пирамидальной формы высотой около 3 м, стоящую в озере, в нескольких метрах от берега. «Гребень» вершины камня ориентирован вдоль озера. На самом камне и вокруг него зафиксирован бурный рост растительности, выделяющий это место на озере особым образом. По внешним признакам и расположению ближайшими аналогами Святого камня можно назвать Белый камень на озере Самро в Ленинградской области и валун Голубец на озере Ильмень в Новгородской [37].

28. Чашечник со стоком на меже Батецкий район, Новгородская область

Довольно нехарактерный образец чашечных камней расположен на меже, разграничивающей два поля. В центре камня, размерами 1,4×1,2 м, имеется одно чашечное углубление, стандартных размеров для подобных памятников. На юг из чашки, по естественной трещине, выбит небольшой сток длиной 0,75 м в сторону одного из полей. Можно предположить, что межевание было произведено по этому камню, как наиболее характерному ориентиру. Версия, что камень мог быть сдвинут с поля, менее вероятна, поскольку камень заглублен в землю [36].

29. Чашечник со стоком у кургана Батецкий район, Новгородская область

Камень с четким углублением неправильной формы («следок» 10×5 см) и стоком из него зафиксирован у основания одиночного кургана недалеко от берега реки Луги. Камень стоит с западной стороны кургана, сток из камня направлен в сторону кургана. Рассматривая этот камень, стоит отметить, что в обкладках курганов и в привязке к древним сопкам в Псковской и Новгородской областях также можно встретить камни с крестами и валуны с чашечными углублениями [36].

30. Чашечник Батецкий район, Новгородская область

Камень с восемью чашечными метками расположен в поле у д. Подберезье, недалеко от шоссе, идущего вдоль южного берега реки Луги. Чашки сосредоточены в северо-западной части камня. Камень имеет длину 2,2 м., ширину 1,9 м., выступает над уровнем земли на 0,3 м. Размеры чашек и их расположение полностью аналогичны подобным памятникам на Карельском перешейке, в Куммолово и других местах северо-западного региона. Средний диаметр чашек 6 см, глубина до 2 см, дно закругленное. Расположение камня позволяет

соотнести его с близлежащим могильником и подтверждает версию об использовании таких камней при обрядах поминовения предков [36].

Среднее Полужье

31. Расколотый валун с чашей на Луге Лужский район. Ленинградская область

Валун на берегу реки Луга (среднее течение, в районе впадения реки Ящера) [38], вероятно, представляет собой большую гранитную глыбу, расколовшуюся на небольшие части и на данный момент предстающую в виде нескольких крупных обломков. На одном из них сбоку имеется крупная чашечная выемка размером около 10×10 см и глубиной порядка 15–20 см. Камень зафиксирован в ходе авторской разведки в 2002 г.

Несмотря на отсутствие мифологического сопровождения объекта, можно предположить, что этот валун также имеет отношение к валунам, разбитым ударом молнии, — Гром-камням. Ближайшим аналогом можно назвать камень Закли (на реке Визла) в Латвии, связанный с культом подземных духов и, по легенде, расколотый ударом молнии.

Вепсский край

32. Белый камень Волховский район, Ленинградская область

Камень расположен на мысу, выдающемся в Ладожское озеро восточнее Киприано-Стороженского монастыря. Среди местного населения камень известен как культовый, в настоящее время на нем установлен крест. Несмотря на то что камень состоит из гранита розового цвета, местное его название — Белый камень. На камне имеется несколько меток рукотворного происхождения. В восточной стороне камня выбит вертикально расположенный желоб. Желоб охватывает камень по вершине и стороне, обращенной к берегу. Внешне он представляет собой нечто среднее между желобами на валунах, зафиксированными в Лужском районе, и «поясом» на пограничном камне XVII в. у п. Кленно. На вершине камня имеется глубокое засверленное отверстие, по местному преданию, в него ставили свечи. Эта версия вызывает сомнение, поскольку по внешнему виду и особенностям сверления это отверстие вряд ли древнее XIX в., и скорее всего является следом либо попытки расколоть камень под стройматериал, либо основанием какого-либо приспособления или знака.

Наиболее необычными изображениями на Белом камне можно назвать четыре прямоугольных в плане и треугольных в профильном сечении плоских углубления. Два из них расположены в ряд на вершине камня, еще два — на боковой грани, обращенной к берегу. Эти углубления и считаются «следами Николы, которым тысяча лет». В данном случае речь идет о св. Николае Чудотворце, покровителе странников, культ которого был широко распространен на Русском Севере. В распространенных в северных областях местных версиях народного православия св. Николай иногда даже занимал место Бога-Отца. Подобная мифологическая привязка Белого камня, несомненно, указывает на его важное значение. В целом, рассматривая следы св. Николы, можно отметить их нехарактерность для камней-следовиков: следы на боковой грани камня больше всего напоминают не очень удобную лестницу. Исходя из этой общей их нехарактерности (по расположению как на валуне, так и относительно друг друга, а также форме) для камней-следовиков, а также из расположения камня вблизи средневекового монастыря, можно предположить следующую трактовку: камень использовался кем-то из

монахов в молитвенной практике, и углубления были выбиты именно для удобства молений. Следует подчеркнуть, что по некоторым сведениям (в основном преданиям, сохранившимся в северо-западном регионе), практика «моления на камне» не является православным изобретением и была заимствована от каких-то более древних ритуальных практик, распространенных здесь [40].

33. Камень св. Антония Бокситогорский р-н, Ленинградская область

Камень расположен в нескольких десятках метров от берега в озере Дымском (другое название озера — Святое). Камень часто скрыт в озере, лишь в сухую погоду возвышаясь над водой. Согласно преданию, на этом камне молился живший в XII в. преподобный Антоний Дымский. По распространенной легенде, когда на берегу озера Дымского поселился Антоний, он не понимал языка местных жителей (вероятно, вепсов. — *Примеч. автора*) и в молитвах на камне среди озера, кроме прочих добродетелей, обрел чудесным образом его разумение. В православии это первый случай молитвенной практики, получившей название «столпничества на водах», и редкий случай, когда монастырь возник вокруг камня на озере.

На берегу озера ныне расположен основанный преподобным Антонием Антониево-Дымский монастырь, один из древнейших монастырей Северной Руси. В настоящее время на камне поставлен крест, и само место именуется «Антониев крест». Напротив камня поставлена часовня, и сделан спуск в воду. Вода озера считается святой, к камню плавают паломники — по преданию, Антоний заповедал паломникам не входить в обитель, не омывшись в водах озера, и до сих пор сохранился обычай плавать вокруг камня с молитвами преподобному. Большинство исцелений также связано с омовениями в озере. Само название озера происходит, по одной версии, от того, что озеро «дымит», т. е. покрывается туманами. По другой версии, озеро «дымило» во время молитв преподобного Антония. С учетом специфики расположения некоторых почитаемых камней в водах рек и озер, распространенной в этом регионе, можно предположить, что преподобный Антоний не случайно выбрал для молитвенного уединения именно это место [41].

34. Камень с надписью Тихвинский р-н, Ленинградская область

Информация о камне с надписью у д. Опока зафиксирована в ходе разведки весной 2009 г от старожилы д. Никулинское. Характер надписи информанты не уточняют, ныне д. Опока нежилая [42].

35. Пичин камень Волховский район, Ленинградская область

Крупный плоский валун лежит на берегу Ладожского озера, восточнее Стороженского мыса в урочище Пичин камень. По местным преданиям, этот камень — древний жертвенник, якобы над ним иногда возникает свечение. Название камня трактуется как произошедшее от «Птичий камень» [43]

36. Ристикиви Подпорожский район, Ленинградская область

Культовый камень, размерами примерно 1,8 м×1,6 м. и выступающий из земли на 0,85 м,

почитаются до сих пор. На поверхности камня кварцевые жилы образуют узор, по форме напоминающий православный крест, от которого и произошло название камня. Валун расположен в удаленной от поселений болотистой местности, на небольшой возвышенности. Рядом с камнем родник. На стоящем рядом с камнем дереве оставляют в качестве «заветов» полотенца — само место камня считается «заветным». Подобная традиция заветных мест до сих пор широко распространена в вепсском крае, среди подобных мест можно назвать «Камень» (останец песчаника) на Чур-ручье, Святой остров на Сарозере и др. Можно предположить глубокую древность этого культа [44].

37. Следовик Подпорожский район, Ленинградская область

В реке Оять раньше находился камень со следком. В следе постоянно была вода, и эту воду пили птицы. Ныне камень утрачен [44].

38. Хумбарт-киви Подпорожский район, Ленинградская область

Крупный валун с большим чашевидным углублением («не меньше ведра») расположен на берегу реки Оять. Размеры камня 2,7×1,8 м, высота 1,6 м. В старые времена в углублении полоскали белье, название камня переводится с вепсского как «камень с приспособлением для стирки» [44].

Карельский перешеек

39. Клятвенный камень Всеволожский район, Ленинградская область

Крупный камень с четко читаемой надписью «Азь воздамъ» расположен на берегу озера Тинуксенъярви. Камень имеет вытянутую плоскую форму: верхней гранью, параллельной уклону берега, он обращен к озеру, торцом — к берегу. Надпись расположена на грани камня, обращенной к берегу. Объект был обследован весной 2008 г. Надпись представляет собой фрагмент из библейской цитаты, встречающейся в Ветхом Завете (Пятая книга Моисеева) и Новом Завете (Послание к римлянам апостола Павла, гл. 12, ст. 19): «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу Божию. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь». Судя по формулировке надписи можно предположить, что данный камень является первым, зафиксированным в северо-западном регионе, так называемым клятвенным камнем. Подобные камни более известны в Европе и для России являются редкостью. Традиция приносить клятву на камне можно проследить с древнейших времен и у разных народов. Клятвы, данные на камнях, считались нерушимыми, как сам камень. Для подобных ритуалов обычно выбирались именно крупные и прочные, «нерушимые», камни, обладающие и другими отличиями от окружающих.

Обычно подобные камни несли комплексные функции: здесь вершили суд, как, например, в Эстонии у камня Кохтукиви (Судный камень), справляли «братчину»; у камня в священном лесу у д. Выскатка (Сланцевский район, Ленинградской области), где «...старики ходили в святой лес к большому камню и там, отведав пива и пирога, пиво возливали на камень, а пирог зарывали в землю возле камня приговаривая: «как сей камень недвижим, так пусть будет наше братство нерушимо»» [45]. В таких ритуалах можно проследить не только намек на нерушимость данного слова уподобляемому камню, но и отголосок более архаичных верований, когда, по

представлениям людей, в камнях жили духи и дела людские вершились перед лицом их [46]. Можно предположить, что вырубивший надпись выбрал камень для этой цели не случайный и был осведомлен о подобных обрядах. Камень у озера Тинуксенъярви является уникальным примером клятвенного камня еще и потому, что надпись, вырезанная на церковно-славянском, располагается в местах традиционного проживания лютеран-финнов, что также представляет собой неясный момент [47].

40. Пирукиви Всеволожский район, Ленинградская область

«Чертов камень» (Pirukivi) был обследован автором в ноябре 2007 г. Камень располагается во Всеволожском районе Ленинградской области, между населенными пунктами Токсово и Хиттолово. Чертов камень представляет собой плосковершинный валун ледникового происхождения, лежащий на склоне отрога небольшого холма. Склон холма обращен в сторону озера Кавголовского. Размеры камня 2,5×1,5×1 м. Расположение валуна, своеобразной ступенью обращенного в сторону ближайшего водоема, является довольно распространенным для многих аналогичных культовых объектов. Широкое распространение подобной ландшафтной привязки культовых камней в различных местах северо-запада подтверждает существование в древности определенной традиции, связанной с этими камнями.

Место, в котором находится валун, расположено недалеко от старинной дороги и имело название Чертова Пирушка, информация о нем была собрана краеведом А. Крюковым в 1980-х гг. В сохранившихся легендах камень связан с образом черта. Эта привязка подтверждается и близлежащим топонимом — Хиттолово, что может быть переведено на русский язык как «Чертово» (от хийси/хито — черт). В одних преданиях упоминается черт, сидящий на камне и искушающий проезжавших по дороге людей. Согласно легендам, черт исполнял желания людей, но счастья это им не приносило. В этом предании выделяется общий и широко распространенный образ потустороннего существа, восседающего на камне. Среди балтийских народов — финно-угров, славян и балтов, — довольно распространены подобные предания о сакральных камнях, на которых видели чертей, русалок, святых и других персонажей. В прибалтийском регионе широко распространены названия валунов: «ложе русалки», «чертов трон» и т. п. Общие конструктивные особенности и легенды подчеркивают принадлежность Чертова камня к древней языческой традиции, некогда широко распространенной в прибалтийском регионе.

Не менее интересна и другая легендарная сторона валуна Чертов камень. По рассказам, собранным А. Крюковым, на дороге, проходящей у холма, на котором стоит Чертов камень, время от времени люди видели черта в образе всадника, движущегося по дороге медленно, словно объезжая свои владения. Здесь черт описывается как человек, «только большой и страшный». При появлении черта жители предпочитали прятаться в домах и убираться с его пути. Человека, оказавшегося на его пути, ждало несчастье. Подобные предания могут трактоваться как осмысление древними некоторых явлений природы, но определенные моменты позволяют увидеть некоторое сходство с распространенными в Западной Европе легендами о «Дикой охоте».

В целом валун Чертов камень можно характеризовать, как относящийся к известному типу седельных культовых камней, имеющих топонимическую привязку и мифологическую составляющую, соответствующую известным преданиям прибалтийских финно-угров [47].

41. Сууркиви, «Ложе русалки» Выборгский район, Ленинградская область

«Из достопримечательностей деревни Антерола можно назвать большой камень Сууркиви, лежащий в реке близ берега. Его особая форма напоминала ложе, на котором, согласно легенде, сидела когда-то русалка, расчесывая свои длинные локоны» [48].

Камень был обследован летом 2008 г. В месторасположении валуна река делает небольшой поворот, недалеко от него, в заболоченной низине, находится камень. Неподалеку от камня в реку впадают два ручья. Валун во всю длину заходит в реку, юго-восточная его часть, пологая, расположена против течения, северо-западная, крутая, — против течения. Размер валуна на момент посещения примерно 2,5×3 м, видимая часть камня имеет свойство менять размер в зависимости от уровня воды в реке. Видимая высота камня на момент посещения 0,8 м., глубина реки у камня — более 1,5 м. Сам валун имеет плоскую верхнюю грань. Поверхность камня представляет собой слой крошащегося гранита, в некоторых местах отмечены природные кольцевые включения, более подверженные эрозии. Диаметр включений не более 6–8 см. В восточной части камня имеется природное углубление в виде седалища или полой чаши со стоком против течения. Представляет интерес и выбитое в северо-западной части камня кольцо. Происхождение кольца явно рукотворное — глубина резьбы глубже естественных повреждений и проходит по однородной поверхности. Диаметр кольца 13 см. Интересно отметить, что рукотворное кольцо копирует имеющиеся на камне природные выветренные круговые включения меньшего диаметра. Базовым отличием является сам размер кольца, нехарактерный для подобных природных образований, и однородная поверхность, в которой оно вырублено, что также не характерно для природных разнородных выветриваемых включений. Осмотр камня позволяет сделать вывод о его уникальности для нашей области. Это единственный валун из т. н. русальных камней в Ленинградской области, т. е. валунов, имеющих седалищные углубления и связанных с ними предания о сидевших на них русалках. Кроме того, само вырезанное в камне на глубину около 1,5 см изображение в виде кольца также имеет ближайшие аналоги на скале Мяккипяллюс, что на острове Гогланд, и на камне у озера Александровского. Столь необычный для нашей области памятник имеет аналоги в Литве [49]. Все камни подобного класса, имеющие седалищные углубления и мифологическую привязку к русалкам, обычно располагались возле рек и имели привязку как раз к болотистым местам и ручьям. На примере камня Сууркиви мы наблюдаем весь комплекс перечисленных особенностей.

Финский залив

42. Данилов камень Кингисеппский район, Ленинградская область

*...в старину к камню приходили люди,
жгли костры... шутки с ним плохи, его вода хранит...*

(из историй о Даниловом камне)

На мысе Колганпя находится Данилов камень, еще один священный валун Ижорского побережья Финского залива. Вероятно, это название — русифицированная форма какого-то ижорского имени камня. На вид это огромный валун, видимой высотой около 7 м, возможно, стоящий на опоре, немного наклоняющей камень в сторону берега. Данилов камень располагается в местности под ижорским названием Куеранта, из-за огромных размеров валун был нанесен даже на лоцманские карты, так как камень являлся ориентиром, хорошо

просматриваемым с залива. Этот стоящий в воде примерно в 30 метрах от берега камень является почитаемым до сих пор, возле него можно встретить следы странных ритуалов и приношений. С Даниловым камнем связаны и современные былички. Так, по одним рассказам, возле камня «чудится», можно услышать разные звуки и голоса. Странные звуки действительно можно услышать у камня (чему стали свидетелями участники нашей небольшой экспедиции в марте 2007 г.). По другим рассказам, у этого камня «всегда много рыбы и есть рядом подземное озеро, место очень необычное». Многие рассказчики упоминают лаз под камнем — в отлив, по малой воде, под валуном можно пролезть человеку. Обычно это практикует местная молодежь, но вполне допустимо, что это отголосок древних действий из разряда инициаций. К сожалению, ближайшие деревни были уничтожены в 1930-х гг., но и сейчас населению более удаленных деревень валун известен под именами Данилов, Дембельский, Молельный... В географическом плане Данилов камень расположен в одной из ключевых точек южного побережья Финского залива, что, видимо, нельзя назвать случайностью. Наличие двух известных культовых валунов — Звенячего и Данилова — в одной местности вносит определенную путаницу, свойства одно приписывают другому, легенды об одном переносятся на другой. Валун Данилов камень обследован автором несколько раз в 2006–2007 гг. Он расположен в удобной бухте, закрытой с западного направления мысом. Перед ним, ближе к берегу, есть еще один интересный камень, его выступающая верхняя часть словно парит над водой. Вероятно, этот камень также стоит на других камнях-опорах. Культ камней, расположенных в водах Балтийского моря, известен и в соседних регионах. Ближайшими аналогами можно назвать валун Юсулея, также стоящий на камнях-опорах, и валуны Павилоста и Краюас в Латвии. Глубина возле Данилова камня около метра, но с «морской» стороны камня возрастает, и вода становится заметно холодней. Видимо, это указывает на расположение камня на границе, отделяющей менее глубокую и более теплую часть бухты от глубокой и холодной открытой части залива. Валун Данилов камень не только, пожалуй, крупнейший валун ледникового происхождения на побережье, но и один из самых фотогеничных культовых камней. Представляет интерес и местность вокруг Данилова камня. Недалеко от него в позднее Средневековье существовала местность, носящая название Хийси (Hiisi). Культ Хийси был распространен у всех финно-угров и был неоднозначен. Под этим именем подразумевались и лесные духи, и великаны, и черти. С ними связаны священные рощи, камни (Хитской камень на Онеге, Чертов камень в Хиттолово и др.), мысы (по легендам, считающиеся последними убежищами Хийси). В первой половине XX в. существующая неподалеку деревня славилась своими колдунами, которых у ижор, так же как и у лапландцев, называют нойдами. Камень, располагающийся между Даниловым и берегом, и как бы «парящий» над водой, также, вероятно, имеет некое отношение к этому культовому месту. Над Финским заливом иногда можно наблюдать специфические миражи — парящие над водой острова и валуны. В некотором роде и этот камень в мифологической интерпретации может быть воспринят как «материализовавшийся мираж» [50, 51].

43. Звенячий камень Кингисеппский район, Ленинградская область

Впервые информация о Звенячем камне была озвучена в сборнике «Легенды Ингерманландии» (Константин Сакса, рукопись 2005 г.):

«Счастливым камень. Есть поющий камень Счастья. Молчит камень. Но если настанут тяжелые времена, надо подойти к камню, ласково погладить его ладонями и попросить о помощи, запоет камень и камень все исполнит»

На первый взгляд, совершенно фантастическая информация — действительно, может ли камень звучать? Но в процессе исследования сойкинский Звенячий камень обрел черты, характерные для одной из категорий культовых объектов северо-западного региона России и Крайнего Севера Европы. Проведенный осенью 2006 — весной 2007 гг. опрос местного населения позволил выявить широкую известность этого камня. Например: «...камень стоял в заливе, был с плоским верхом, на него залезали. На вид камень самый обычный, но при ударе по нему издавал звук, подобный хрустальному звону. Камень пропал лет 20 назад, то ли был кем-то разрушен, то ли просто перестал звучать по какой-то причине...» [51]. По словам разных рассказчиков, камень, обладавший уникальным акустическим свойством — звенеть при ударе подобно хрусталу, был уничтожен уже в наше время. Так, из рассказа одной из местных жительниц, камень звенел еще в начале 2000-х гг., уже после постройки «Магнитки» (Магнитка — местное название филиала одного из научно-исследовательских учреждений), по рассказам других жителей — камень был уничтожен при строительстве «Магнитки».

Но при этом многие рассказчики сходятся в том, что камень был уничтожен намеренно:

— Развели на нем костер и перестал звучать.

— А кто развел?

— Какие-то умельцы.

Среди местного населения известно несколько названий этого камня: Звенячий, Гремящий, Поющий, Говорящий... Все названия являются определяющими свойства камня. Не удалось встретить ни одного упоминания о нем как о «камне Счастья». Вероятно, это всего лишь эпитет, а не одно из имен собственных. Этим эпитетом иногда награждают некоторые культовые камни, например камни счастья известны в Литве. Камень был очень широко известен, однако конкретных следов культа встречено не было. Звенячий камень упоминался лишь как местная достопримечательность.

Осмотр камня, проведенный автором, позволил установить некоторые интересные особенности. Камень имеет относительно небольшие размеры и располагается в заливе, примерно в 10 метрах от берега среди нагромождения валунов. Валунный завал частично зарос травой. От берега до камня ведет некое подобие тропинки из валунов. Происхождение этой «тропинки» вероятно, естественное, но сам факт подобного образования, ведущего к звучащему камню, возможно, также способствовал возникновению сверхъестественного ореола места. Другими словами, «в сакральном месте все должно быть сакрально», случайного ничего не должно и не может быть. Сам камень и соседние имеют следы сильного прокаливания. Расположение камня исключает «случайное» разведение костра на нем, например отдыхающими, очевидно, камень уничтожен намеренно. Что касается расположения, то камень расположен своеобразно, буквально зажат в всеобщем положении соседними камнями. Можно предположить, что акустические свойства валуна связаны именно с этими особенностями. При ударе по разным частям камня звук действительно получался разным по тональности, но все же далеким от звона. Возможно, подвешенный камень был своеобразным камертоном, удары по которому вызывали резонансные явления, генерирующие звук. Вероятно, вся хитрость была в особом расположении камня относительно соседних валунов. Говорить об абсолютной уникальности этого каменно-акустического феномена нельзя. Еще в Древнем Китае были известны каменные музыкальные инструменты — литофоны. Они представляли собой особым образом подвешенные и ориентированные в пространстве камни специальной формы, при ударе по которым возникали звуки. Акустические феномены сопровождают и многие другие каменные памятники древности, от менгиров Британии до египетских колоссов Мемнона.

Исходя из этой версии, уничтожение свойств Звенячего камня посредством прокаливания, выглядит вполне логичным: достаточно небольшого смещения вследствие теплового

расширения, и уникальная постанова разрушится. Камень перестанет звучать. В целом можно констатировать, что уже в наше время уничтожен уникальнейший объект. Однако даже в этом случае ставить точку в деле Звенячего камня рано, исследования в соседних регионах позволяют по-другому взглянуть на этот уголок Сойкинского полуострова.

Аналоги Звенячего камня есть и уже изучались как на территории северо-запада России, так и соседних Балтийских стран. Начиная это исследование, следует обратить внимание на само название прилегающего к Звенячему камню мыса и урочища — Колганпя. На различных современных картах этот топоним пишется по-разному: Кольгомпя («Экологическая карта Ленинградской области», 1990), Колганпя или Колгомпя (Атлас «Ленинградская область: Волосовский, Кингисеппский, Ломоносовский, Сланцевский районы», 1:50000, 2003). На картах Ингерманландии это название звучит как *Kolkanpää*.

На одной из шведских карт первая часть топонима читается как «*Colka*». Окончание — *rää*, — «угол», характерно для названий мысов («носков») и оконечностей, «края местности». Вероятно топоним «Колганпя» является русифицированной формой финского «Колканпя». В данном случае общий перевод топонима Колганпя/*Kolkanpää* возможен как «звенящий угол» или «голова угла». Связь этого топонима с Звенящим камнем очевидна на фоне распространения топонимов колг/калг на севере Европы и в их привязке к священным местам и «поющим» камням. Среди топонимов Севера, имеющих отношение к сакральным объектам, географические названия, имеющие корень «колг» или «калг» имеют особо значение. Впервые на особенность топонима «калг / колг» обратил внимание в своей статье археолог В. А. Агапитов [52]:

«В одной из наших статей уже была предложена версия о связи нерусской основы названия острова с названием Звонкой (Звонковый камень). В некоторых прибалтийско-финских языках существует многозначная лексема *kolkka*: «короткое весло»; «тупая стрела»; «удар, толчок»; «колокол, звонок, колокольчик». В этом же контексте интересна группа глаголов *kolkkaa*, *kolkata* «стучать, греметь», а также глаголы *kalkata*, *kalkkaa*, *kalkkua*, *kalkuttaa* в том же значении. Глаголы указанной выше группы в описании мифологического процесса кузнечнойковки в рунах (*ilman kannen kalkuttaja* «небесного свода кователь»). В говорах карелов — ливвиков имеется глагол *kalkua* «гулко стучать, звенеть». В Кильдинском диалекте саамского языка слово *kalik* означает «гром, звон» (посуды, мелких предметов).»

В статье В. А. Агапитова речь идет о культовом месте на острове Колгостров в Онежском озере, где расположен почитаемый звонкой камень. Этот камень исследовался еще в 1972 году археологом А. Журавлевым. Немного восточнее, на другом карельском озере — Водлозере, имеется еще один священный остров Колгостров (вероятно, в старорусском написании Колганшар, финском — Колкасаари). На Водлозерском Колгострове и сохранились древние сейды (сейды — культовые камни в виде крупных валунов, поставленных на ножки-опоры из меньших камней, правда, в настоящий момент они затоплены при поднятии уровня озера и превращении его в водохранилище). Данное святилище, вероятно, является самым юго-восточным в России скоплением сейдов. Остров был почитаем и при насаждении православия, в «крещении», стал именоваться Ильинским погостом. Несмотря на то, что прямых указаний на наличие здесь «звенящих» камней нет, в этой метаморфозе сакрального места интересно отметить, что Илья пророк был христианизированной формой языческого бога-громовника (в случае славян — Перуна, у финно-угров — Укко). Исходя из этой интерпретации, можно предположить, что в изначальном варианте культ на Водлозерском Колгострове также был посвящен некоторому грому (о связи которого с топонимом см. выше цитату из работы

В. А. Агапитова), вероятно еще одному «звонкому сейду», ныне затопленному водохранилищем. Топоним «калг» практически всегда соответствует определенным сакральным объектам. Острова Калганцы есть также и в Белом море (сведений о мегалитах, или природных сакральных объектах на них нет, но есть на близлежащем острове Жужмуе), На выходе из беломорской губы Калгалакша находится остров Робьяк, на котором недавно были обнаружены менгиры и прочие культовые каменные конструкции. Имеются сообщения о сейдах на реке Калге (по сообщениям из туристических отчетов), впадающей в губу Калгалакша. Здесь возможно предположить, что сама губа могла получить название от реки Калги. На Кольском полуострове в тундрах Калгойв у Калгнярга было древнее капище, где саами приносили в жертву оленей. Каких-либо подробностей по этому месту нет т. к. у саами подобные культовые места были табуированы и информация о них не распространялась. В Карелии, также в болотистой местности, имеется гора Колгевара, в окрестностях которой в 2004 году петрозаводские энтузиасты обнаружили «поющий камень». По сообщению информагенства Интерфакс (2004 г.):

«Как заявил «Интерфаксу» Алексей Попов, легенды, бытовавшие на карельском побережье Белого моря, говорят о валуне, лежащем на скале среди болот. По легенде, этот валун поставлен древними жителями Карелии таким образом, что днем и ночью «поет» разные мелодии. Древние считали, что этот камень обладает магическими и лечебными свойствами. Попов сообщил, что карельские ученые при содействии местных жителей обнаружили этот камень близ реки Чурумжа в Кемском районе Карелии. Валун находится на вершине скалистой возвышенности и лежит на плоской каменной подпорке. В результате наблюдений, сказал Попов, члены экспедиции установили, что благодаря узкой щели между плоской вершиной скалы и нижней частью валуна камень издает музыкальные звуки, временами напоминающие полифонические. «Все зависело от силы ветра и от положения камня», — пояснил Попов. По его словам, временами камень раскачивается. «Получается, что плоская каменная подставка служит не только для создания пространства между вершиной скалы и камнем, благодаря чему, собственно, и возникают звуки, но и выступает в качестве своеобразного шарнира», — отметил Попов».

Топонимы «калг / колг» в привязке к культовым камням известны не только в России. На противоположном берегу Балтики, в Швеции, имеется сейд Klockestenen — «звонящий камень» (в шведском языке Klocke — колокол, звонок, перезвон). При идентичной смысловой нагрузке данного топонима к объекту (сейду) и его свойствам (звону), вполне логично вывести аналогичность корней «калг — клок». Таким образом, проанализировав сведения о топонимах, в основе которых имеется корень «колг / калг», можно сделать уверенный вывод о непосредственной связи данных топонимов с древними культовыми камнями, обладающими своеобразными акустическими свойствами. Очевидно, что эти свойства не были символическими функциями культа, а являлись природными эффектами, наблюдавшимися людьми на протяжении длительного времени. Соответствующие рассматриваемому топониму камни были как природного, так и искусственного происхождения. Судя по распространению данного топонима, культ «звонящих камней» был широко распространен в Скандинавии и Фенноскандии. Из объектов, подпадающих под определение сейда, им соответствуют неустойчивые валуны, приподнятые на камни-опоры и трещины (треснувшие скалы). В большинстве случаев топонимы «колг / калг» имеют привязку к воде: рекам, островам, болотам, побережью. В случае южного побережья Финского залива подобные прибрежные, стоящие в воде объекты располагались в ключевых точках берега. Таким образом, на примере ижорского

Звенячего камня, мы вкратце рассмотрели одну из интереснейших проблем взаимосвязи сакральной географии Севера, топонимики и культовых камней. Как видно из этого краткого обзора «звенящих камней» Севера, камень на Сойкинском полуострове отнюдь не уникален, но занимает особое место среди культовых камней Ленинградской области. Это не только единственный священный валун из ряда «звенящих камней» в наших краях, но объект, имеющий соответствующую топонимику. Несмотря на то что Звенячий камень практически уничтожен, исследование его феномена еще может стать источником ценной информации, дополняющей общую картину культа «поющих камней».

44. Мартышкинский валун Санкт-Петербург, п. Мартышкино

Этот камень официально признан геологическим памятником. Валун расположен на берегу Финского залива у п. Мартышкино. По записям краеведа К. Саксы (Ульяночкина), валун имел культовое значение:

«Камень около прихода Тюре. В давние времена в Тюре жили ижоры. Ловили рыбу в море. На берегу моря лежал камень, из-под него росла старая береза и бьет родник. Женщины Ижоры приходили сюда просить детей. Тайно в советское время и даже во время последней войны...»

(Запись: 1996 г. от Елены Локки)

Несмотря на то что объект числится как геологический памятник природы (валун Морской), в настоящее время камень имеет сильные повреждения, некоторые его части отбиты, вероятно, для строительных нужд, само место постепенно застраивается. Говоря о месторасположении валуна, нужно отметить, что оно имеет все ландшафтные признаки ижорского культового места: большой валун, породой отличный от окружающих, родник, окружающие деревья растут несколькими стволами из одного корня. В ходе разведки зимы 2008 г., от местной жительницы финского происхождения были получены дополнительные свидетельства о традициях, связанных с этим камнем. Камень считался целебным, люди лечились, ложась в нишу на нем. Валун называли просто «киви» — камень.

45. «Морской сейд» Ломоносовский район, Ленинградская область

«Морской сейд» был выявлен в ходе разведки 2006 г. Название этой конструкции дано условное, исходя из общего сходства её с сейдами, культовыми камнями Карелии и Лапландии. Конструкция состоит из двух валунов — условно «подставки» и самого «сейда», установленного на ней. Размер камня подставки примерно 3×3 м. В состав породы «подставки» входит крупная кварцевая жила, что отличает этот камень от всех окрестных. «Сейд» стоит в восточной части «подставки», частично нависая над водой, что создает визуальный эффект неустойчивой его постановки. Общая высота конструкции от уровня дна 2,5 м. Поверхность сейда заросла лишайниками. Размеры сейда — 1×1,5×2 м, расчетный вес — около 7,5 т. Сейд в юго-восточной части имеет выраженную вертикальную трещину. Этот уникальный объект подобен Данилову камню, не только по общегеографической привязке, но и ландшафтному соответствию: он также стоит в небольшой бухте, закрытой с запада каменистым мысом, в центральной части имеет небольшой песчаный пляж, в восточной части — заросли камыша. Ввиду отсутствия коренного населения каких-либо сведений об этом, несомненно, замечательном объекте, выявить не

удалось. На данный момент аналогов этому странному сооружению в Ленинградской области не найдено.

Если предположение об этом камне как древнем Сейде подтвердится, то он будет единственным сейдом, зафиксированным на южном, ижорском берегу Финского залива. Однако если с северными аналогами подобной конструкции все ясно, то с южными дело обстоит не так однозначно. Подобные конструкции из взгроможденных друг на друга валунов в некоторых районах Центральной России являлись межевыми знаками. Один такой объект известен на Валдае. Еще один подобный камень находится в Псковской области. По легенде, один крупный валун положил на другой некий богатырь, хотя в данном случае можно предположить, что камень водрузили на камень при зачистке поля от валунов. Несмотря на внешнее сходство «Морского сейда» с этими аналогами, в данном случае остается неясным логика установки камня на камень в заливе, вдали от полей и других объектов хозяйственной деятельности человека, подлежащих как очистке от валунов, так и межеванию...

46. Следовик «Детские следки» Кингисеппский район, Ленинградская область

Следовик, упоминающийся в данной заметке, является уникальным объектом — это самый северный камень-следовик, обнаруженный на Сойкинском полуострове.

Следовик «Детские следки» был зафиксирован в ходе разведки 2007 г. [53]. По рассказам местной жительницы, показавшей камень, на нем имеется изображения двух небольших, «детских», ступней, и ей он был известен со слов бабушки (вероятно, речь идет о начале XX в.). Каких-либо мифологических преданий, связанных с этим камнем, выявить не удалось. Долгое время сам камень считался утраченным, и далеко не все местные жители о нем знают. Летом 2007 г. валун был найден. Камень располагается на кромке прибрежной террасы. Уникальность камня в том, что это единственный известный камень-следовик, находящийся на берегу Финского залива. Ландшафтная привязка камня также имеет черты почитаемого сакрального объекта: расположение на склоне небольшого овражка. В настоящее время следовик «Детские следки» располагается на территории частного владения и находится под угрозой уничтожения по причине расширения строительства. На камне зафиксирован лишь один следок, длиной около 13 см и глубиной примерно 1 см. Вероятно, камень был свернут и второй след находится на стороне, обращенной в землю. На текущий момент это единственный культовый камень ижорского берега, имеющий рукотворное изображение.

47. Чашечные камни на о. Гогланд Кингисеппский район, Ленинградская область

Чашечные камни (называемые также камнями-чашечниками) — валуны, имеющие небольшие чашевидные углубления, являются широко распространенным типом культовых камней в Европе и Азии. Чашечные камни были характерным признаком многих, удаленных во времени и пространстве друга от друга и никак не пересекающихся культур и традиций.

Чашечники Гогланда входят в восточно-балтийский ареал распространения подобных культовых объектов, охватывающий территорию Финляндии, Эстонии, Карельского перешейка и Ижорского плато в России. В данном географическом контексте эти камни соотносятся с финно-угорскими племенами и датируются железным веком — ранним Средневековьем. Знаковым отличием этих камней является наличие на них рукотворных углублений, т. н. чашек. Древние финно-угорские предания часто связывают такие камни с легендарными великанами, в легендах чашки — это отпечатки пальцев великанов, которые остались на валунах, когда те

касались их (см., например, эпос «Калевипоэг»).

На балтийском острове Гогланд, что расположен в 180 км западнее Санкт-Петербурга, чашечные камни зафиксированы в районе разрушенного финского поселка Киискинкюля (ныне урочище Южная Деревня). Камни представляют собой окатанные валуны прочной породы (не гранит-рапакиви), лежащие на берегу бухты. Чашки выбиты на верхней и прилегающих к ней боковых поверхностях камней. В соседней бухте зафиксировано идентичное чашечное углубление, выбитое на прибрежной скале. Большая часть чашек имеет ровные края и округлое дно. Внешний вид чашек и их размеры идентичны подобным памятникам, известным на территории России, Финляндии, Эстонии, однако расположение камней-чашечников на морском берегу нехарактерно. Также нетипично расположение между поселком и морем, подобные валуны обычно имеет привязку к древним могильникам.

По принятой трактовке, подобные камни создавались в 1 тыс. н. э. и служили для поминовения предков: в определенные дни в чашках оставляли приношения, обычно ими являлись продукты питания. Расположение культовых камней вблизи поселка, возле очищенных от валунов «каналов» для спуска лодок на воду, возможно, связано с поминовением погибших в море. Можно провести и другие параллели с аналогичными камнями в Эстонии, на острове Сааремаа, где чашечники чаще использовались для исцеления, т. к. считалось, что вода из чашек лечит болезни глаз. Следует добавить, что многие традиции на балтийских островах имеют более архаичные черты, чем на материке, ввиду большей обособленности островной жизни.

Также возможно предположить, что эти камни были перенесены сюда из другого почитаемого языческого места и брошены на берегу в период деятельности кого-либо из христианских миссионеров. Расположение вблизи современной береговой линии не свидетельствует в пользу большой древности этих памятников на данном месте, но по датировке, скорее всего, они имеют отношение к средневековому селищу, бывшему на месте поселка Киискинкюля.

Рассмотрим подробнее три исследованных летом 2008 г. чашечных камня в районе бывшего поселка Киискинкюля.

Первый валун имеет неправильную вытянутую форму, тяготеющую к четырехугольнику. Размер камня: длина 126 см и ширина 80 см. Цвет камня — серый. На валуне имеется 12 чашечных углублений, 4 из которых заметно глубже остальных. Максимальные размеры чашек: диаметр 9 см, глубина — 3 см. Все чашки выбиты на верхней поверхности камня, но 6 из них тяготеют к одной из боковых граней, обращенной в сторону берега.

Второй камень имеет форму, приближенную к параллелограмму, примерно размером 1×1 м. Цвет камня — светло-розовый. Чашечные углубления выражены менее четко, чем на первом камне, нанесены на верхнюю грань камня и сконцентрированы ближе к одному из углов, направленному также в сторону бывшего поселка Киискинкюля. На валуне имеется 5 слабовыраженных чашечных углублений. Максимальные размеры чашек: диаметр 5 см, глубина — 1,5 см. Рисунок расположения чашек имеет определенное внешнее сходство с одним из культовых камней, расположенных недалеко от озера Суходольского на Карельском перешейке.

Третий из выявленных чашечных камней представляет собой небольшой валун овальной формы, коричневого цвета, размером примерно 70×60 см, на котором выбито 13 чашечных углублений, максимальными размерами: диаметром 6 см, глубиной — 2 см. Чашки нанесены скупенно на выпуклой верхней поверхности камня, большая часть из них слабо выражена.

Рассматривая чашечные камни на Гогланде, для полноты картины необходимо упомянуть и еще одно чашечное углубление, выдолбленное на скале, возвышающейся южнее рассмотренных валунов, в нескольких метрах от воды. Данное одиночное углубление по форме идентично крупным чашечным меткам на валунах, но выбито на скале. Скала сложена из прочной породы

без больших трещин и следов выветривания.

В чем особенность этих камней на острове Гогланд? В первую очередь это единственная находка подобных культовых камней на островах в российской части Финского залива. В Эстонии большинство подобных камней зафиксировано в северной части страны, известны они и на балтийских островах, в том числе на островах Сааремаа (Saaremaa) и Муху (Muhu) Моонзундского архипелага. Чашечный камень известен также на эстонском острове Аегна (Aegna), расположенном в 15 км севернее Таллинна [54]. Интересно отметить, что на этом же острове в 1931 г. был зафиксирован и каменный лабиринт [55]. Известен чашечный камень и на острове Вилсанди (Vilsandi), где расположен на вершине горы.

Чашечные камни известны в Швеции, на острове Готланд, особенностью готландских чашек является то, что они выбиты в известняке (большинство чашек выбивались в кристаллических породах, гранитах). Но наиболее близким аналогом готландских чашечников по расположению является чашечный камень в Эстонии на острове Муху, где валун с отметками также расположен на береговой линии у деревни Альява [54].

Таким образом, нахождение чашечных камней на острове Гогланд не является исключительным фактом для островов Финского залива, хотя и имеет определенные географические и ландшафтные отличия. Ландшафтное расположение на уровне береговой линии является довольно редким для данных памятников. В географическом плане чашечники на Гогланде, вероятно, являются самыми восточными из зафиксированных в ряду подобных объектов. Скопление из трех камней вблизи старого поселения свидетельствует о распространении на Гогланде той же культурной и религиозной традиции, которая была свойственна финно-угорским племенам в материковой части восточной Балтики.

Источники

1. Гришина Г. И., Файнштейн Л. А., Великанова Г. Я. Памятные места Ленинградской области. Л., 1973.
2. Сакса К. Легенды и мифы Ингерманландии, СПб. 2008. С. 190.
3. Сергеев П. Загадка веков, статья в собрании Волосовского краеведческого музея, 1970-е гг.
4. Архив автора, запись от краеведа В. Новикова, инф. Быстров Виктор Никифорович, ур. п. Беседа, 2007 г.
5. Архив автора, запись от Александра Данилова, ур.д. Вытти, 10.02.2009.
6. Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб. 2001. С.138.
7. Архив автора, запись от В. Баронова, 2005 г.
8. Архив автора, запись от краеведа А.Бурлакова, 2007 г.
9. Авторские разведки, июль 2008 г.
10. Сакса К. Легенды и мифы Ингерманландии. СПб., 2008. С.173; инф. Дмитрий Ефимович Шипков, 1926 г.р. ур. д. Курголово.
11. Архив автора, запись от краеведа А.Бурлакова, 2008 г.
12. Архив автора, запись от краеведа Д. Рябова, 2008 г.
13. Архив автора, запись от краеведа В. Новикова, 2009 г.
14. Авторские разведки, август 2008 г.
15. Рогалёва С. Б., Яблоков А. В. Медведь-камень у с. нтоновское на Волге. Археологические памятники Волго-Клязьминского междуречья, 1992 г.
16. Архив автора, запись от краеведа В. Новикова, 2007 г.
17. Рябинин Е. А. Водская земля Великого Новгорода. СПб., 2001. С.83.

18. Будько В. И. Север Гдовщины. Псков, 2005.
19. Дэвид Р. Кован. Менгиры, Лей-линии и места Силы, исследование лей-линий.
20. Архив автора, запись от краеведа В. Новикова, 2008 г.
21. Архив автора, запись от М. Муслимова, 2006 г.
22. Авторские разведки, сентябрь 2008 г.
23. Архив автора, запись от краеведа В. Морозова 2008 г. (г. Кингисепп)
24. Архив автора, запись от краеведа В. Новикова, 2009 г. (инф. Вера Васильевна Михайлова)
25. Авторские разведки, лето 2008 г.
26. Сакса К. Легенды и мифы Ингерманландии. СПб 2008. С.190.
27. Архив автора, запись от краеведа А. Крюкова 2007 г.
28. Винокуров В.Ф, Дуциц Л.В, Зайковский Э. М., Карабанов А. К., «Культовые валуны с рукотворными углублениями»
29. Архив автора, запись от краеведа К. Ульяночкина, май 2007 г.
30. Архив автора, запись от краеведа А. Крюкова, ноябрь 2007 г.
31. Лапшин В. А., Археологическая карта Лен. области, часть-1 1990. С.29.
32. Мизин В. Сейд, каменная легенда Лапландии. СПб., 2006.
33. Иванов Г. И., Гром-камень. СПб., 1994.
34. Архив автора, запись от В. Баронова, 2006.
35. Архив автора, запись от краеведа В. Новикова, декабрь 2007 г.
36. Архив автора, запись от краеведа С. Алексашина, 2004 г.
37. Авторские разведки, лето 2007 г.
38. Авторские разведки, лето 2002 г.
39. Архив автора, запись от краеведа Т. Хмельник, 2004 г.
40. Авторские разведки, ноябрь 2008 г. (сообщение А. Епатко, А. Боев, 2005 г.)
41. Преподобный Антоний Дымский. Житие, подвиги, чудеса, история монастыря, обретение мощей, Служба и Акафист. (Сост. Свящ. Г. Беловолов), Издание Леушинского подворья, Санкт-Петербург — Тихвин, 2002.
42. Авторские разведки, май 2009 г.
43. Архив автора, запись от А. Епатко, А. Боева, 2005 г.
44. Архив автора, запись от краеведа В. П. Трифоева, 2008 г.
45. Архив А. Курбатова, ИСС 1885(X): 218–219.
46. Фрээр Джеймс Джодж. Фольклор в Ветхом Завете.
47. Архив автора, запись от краеведа А. Крюкова. ноябрь 2007 г.
48. Балашов Е. История некоторых населенных пунктов Выборгского района Ленинградской области.
49. Викинтас Вайткявичюс. Древние священные места Литвы, книга первая: Жемайтия.
50. Авторские разведки, октябрь 2006 — июнь 2007 г.
51. Архив автора, запись от Петровой В. К., п. Вистино, май 2007 г.
52. Агапитов В. А. Топонимия и археологические памятники Заонежья. Материалы IV научной конференции «Рябининские чтения-2003», Сборник научных докладов. Петрозаводк, 2003.
53. Авторские разведки, июнь 2007 г., запись от В. М. Егоровой, д. Ст. Гарколово.
54. Tvauri Andres. Cup-marked stones in Estonia, <http://www.folklore.ee/folklore/vol11/stones.htm>
55. John Kraft amp; Urmas Selirand, Stone labyrinths in Estonia, Reprinted from Caerdroia 23 (1990), pp. 32–37. <http://www.labyrinthos.net/estonia1.htm>
56. Дубов В. Е., Большая Пустомержа — Именицы — Рагулово, из серии «По старинной Ястребинской волости», очерк 2. С.53,

воспоминания Анны Семеновны Арбузовой/

57. Панченко (Яшкина) В.Б. Исследования в Кингисеппском районе. Археологические открытия? 1998 г.

Лаймутис Василявичюс

Камни чародеев

**Очерк типологии и мифологии священных камней
балтославянского региона**

*Светлой памяти профессора Эрнста Аркадьевича Левкова
посвящаю*

Предисловие

Дорогой читатель, если Вы спускались по зеленой лесной тропинке к ручью, где в тени деревьев прячутся покрытые мхом камни, если Вы прикасались к могучей спине священного валуна и чувствовали тепло рук наших предков, тогда поймете мой рассказ.

Десять лет тому назад судьба свела меня с доктором геологических наук Эрнстом Аркадьевичем Левковым. Много часов длился разговор о камнях, прерываемый белорусскими драниками, которыми нас угощала супруга профессора Тамара Иосифовна. Так я «заболел» камнями, стал их видеть, находить, познакомился с литовскими «каменщиками» — В. Вайтквичусом, Р. Магулисом, А. Ширмулисом. Потом дорога привела меня на Восток, где под знаменами Русского географического общества я встретил учеников С. Н. Ильина — энтузиастов, озабоченных судьбой историко-культурных валунов.

Много священных камней уже погибло: их разбили, зарыли, утопили. Гибнут они и сегодня. Из двадцати ранее неизвестных священных камней, найденных мною за последние годы, трех уже нет на прежнем месте.

Отношение официальной науки к священным камням звучит как приговор: «При современном состоянии источников научной базы значительная часть (священных. — Л.В.) валунов должна быть изъята из научного оборота в силу непроверяемости сведений о них и неосуществимости комплексного изучения объектов. Однако, возможно рассмотрение этих объектов не как археологических, а как непроверенных фольклорных источников, что не обязывает выводить их из статистического анализа всего материала» [\[158\]](#). Иногда священный камень, часто у ручейка или источника, лежит рядом с курганом, древней стоянкой или городищем, на месте древнего святилища. Такие природные святилища (которые могут включать в себя камень, источник, ручей или болотце, священные деревья, кострища — изначальные элементы древнего мироздания: вода, огонь, дерево, камень) часто остаются незамеченными учеными. Поэтому выражаю искреннюю признательность археологам В. А. Бурову и А. В. Чернецову, услышавшим мой «стук в дверь» и предоставившим возможность сделать сообщение о священных камнях в Институте археологии Российской академии наук.

Энтузиасты спасают камни, создавая сады камней и музеи камней. Но вырванный с места священный камень теряет свою «святость», свое окружение, свои легенды. Остается только активнее знакомить людей с древними святилищами, со священными камнями, рассказывать и объяснять, какие тайны они таят, удивлять скрытыми в камнях и легендах знаниями наших предков.

Этот очерк, хотя и посвящен, прежде всего, каменным древностям балтов, написан далеко на востоке, в Московии, на земле забытых галиндов. Его целью было рассказать о доброй сотне сохранившихся священных камней, поделиться радостью находок. Особый акцент сделан на уцелевшие следы «четвертого» народа балтов, жившего давным-давно в бассейнах рек Днепра,

Москвы, Волги, Оки. Обнаруженные здесь священные камни сравниваются с аналогами из Литвы, Латвии, Белоруссии.

Благодарю за понимание, помощь и замечания моих русских друзей А. В. Платова, А. С. Попова, А. С. Чигрина, братьев Вадима и Виталия Казаковых, И. Д. Маланина, А. Фиофилактова, академика В. Н. Топорова и прекрасную Ласточку, мою верную спутницу и переводчика.

Введение

Примерно 10 тыс. лет назад ледник принес на нашу землю валуны, оторвав их от скал Скандинавии. Эпоха человеческой истории, длившаяся на землях от восточного побережья Балтики до Урала около семи тысяч лет, не случайно названа «каменным веком». Камни стали частью жизни древних людей: кремьень, лежавший в земле, — орудием, оружием, хранителем «живого огня»; валуны — вместилищем духов предков и богов ^[159]. Наш рассказ — о священных камнях, ледниковых валунах, рассыпанных на территории стран Балтии, Белоруссии и Северо-Запада России, объединенных культурно-исторической традицией.

Не углубляясь в крайне сложные процессы этногенеза народов, я постараюсь сжато обозреть появление и развитие балтийских культур, на обширной территории, покрытой балтийскими гидронимами за пять тысяч лет и показать роль священных камней в такой длинной исторической дороге балтов.

Неолит на землях балтийского ареала начинался сравнительно поздно, в V тыс. до н. э., и продолжался до середины II тыс. до н. э. Каменному веку характерен матриархат — власть матерей. Тогда люди благословляли и почитали Великую Богиню Лосиху. У выбитых на камнях следов проводились магические обряды, обеспечившие удачу в охоте. Мёртвых хоронили внутри дома под очагом или рядом с домом. Ушедшие и после смерти оставались членами коллектива, оберегая род и помогая живым.

Люди неолитической культуры Нарвы и Нямунаса были охотниками и рыбаками. Они умели делать каменные орудия, изготавливали керамику из жженой глины, строили деревянные дома столбовой конструкции. Кроме собак стали разводить домашних быков и выращивать первые культурные растения: коноплю и просо. Украшались янтарными подвесками, бусами, которые были солнечными оберегами. Янтарные и керамические культовые изделия украшались знаками святости — ямочками. Возможно, что редкие священные камни-перстовики являются памятниками времён неолита.

В III тыс. до н. э. индоевропейцы заселили среднюю Европу. В Прибалтике они слились с местными жителями и создали культуры шнуровой керамики с новой социальной (патриархат, обильные стада скота, выращивание пшеницы и ячменя, лошади, оружие) и религиозной (пантеон мужских богов, культ близнецов, курганные захоронения) организацией. Пришельцы не покорили и не истребили местных людей, а переняли местный образ жизни, искусство, обогатив местных охотников знаниями в скотоводстве и земледелии.

На берегах Балтики, из нарвской и неманской культур сложилась балтийская культура шнуровой керамики Памарио. В восточной части Балтийского региона развились ещё две культуры шнуровой керамики: Поднепровская и её ветвь в бассейнах рек Волги и Оки — Фатьяновская. Многие историки, основываясь на археологическом материале, топонимике и антропологических данных, связывают с этими пришлыми людьми, смешавшимися с местными носителями неманской культуры, начало формирования культуры балтов. Остальная часть

Балтийского региона не испытала влияние шнуровой культуры. Здесь преобладала Нарвская культура, имевшая решающее значение в бронзовом веке при формировании культур штрихованной керамики и двинско-днепровской курганной. Балтийские говоры были не значительно удалены от индоевропейского праязыка. Стала формироваться балтийская религия, объединившая отдельные верования в более общую систему, которая сохранила элементы магии, фетишизма, анимизма, культов предков и природы [{160}](#).

Примерно в это время значительно усовершенствовалась обработка камня. Вместо кремня стали использовать гранит, диабаз, гнейс. Люди освоили технологию шлифовки, резки и сверления камня. Уровень обработки камня был очень высок; так, например, в каменных топориках отверстия для рукоятки высверливались с сужением, чтобы топорик не соскальзывал с топорща. Найденные каменные топоры даже в начале XX века вызвали удивление у людей, их считали волшебными, орудием волшебства: «Каждый чародей должен иметь такой топорик, без него он в волшебстве как козёл в огороде» [{161}](#). Особенно усовершенствовалось сверление камня костными свёрлами [{162}](#). Это позволило сверлить ямки и дырочки на гранитных валунах, фетишах — жилищах духов предков.

Бронзовый век, начавшийся в середине II тыс. до н. э., не изменил имеющийся образ жизни, основой которого являлось скотоводство. Люди строили длинные дома, делали бронзовое орудие и изготавливали украшения из дорогого привозного. Мертвых хоронили в курганах, появились кремнированные захоронения. Развился культ предков дошедший до нас в образе Дево Сянялё (Бога Деда).

В раннем железном веке окончательно сложились этносы западных, центральных и восточных балтов, связываемые с археологическими культурами курганов и городищ. Исследования священных камней прибалтийскими археологами в некоторых случаях приносили ранние находки с I тыс. до н. э. [{163}](#). Установлен факт бесспорного и очень значительного расширения балтийской сферы к востоку от Прибалтики; до Калуги и Рязани (включая и бассейн Москвы) на юге и до Твери и Дмитрова на севере.

Восточные балты создали две похожие культуры городищ. Первая (верхнеднепровская) днепро-двинская культура наиболее близкая к культуре штрихованной керамики. Ей свойственны укрепленные городища, дома с овальными очагами и тюльпановидные горшки.

Упомянутые Геродотом будины (boudinoi), возможно, были одной из племен восточных балтов, которые в V веке до н. э. создали волго-окскую культуру с несколькими ее вариантами. Для Окской культуры характерны городища, наземные дома столбовидной конструкции с очагами, горшки, похожие на бочонки, иногда украшены ямочками.

Юхновская культура распространилась в бассейнах рек Десны и Сейма. Люди лепили высокие горшки с несколько изогнутыми стенками и узким плоским дном. Поддерживали связи со скифами, потому имели больше бронзовых и железных предметов. В святилище Благовещенская Гора, у полукруга деревянных идолов, найден большой ритуальный сосуд, оформленный в виде медвежьей головы. Можно сделать вывод, что в юхновской культуре был жив архаичный медвежий культ (Н. Н. Воронин, 1941). Основным занятием юхновцев было скотоводство.

Милоградская культура занимала земли юга современной Белоруссии и северную окраину Украины. Балтская топонимика дает основу полагать, что это было балтское или смешанное балтославянское племя. Они строили полуземлянки, лепили горшки с ровными стенками и закругленными доньшками. Мертвых хоронили кремнированными со скромной утварью. Возможно, это культура упомянутых Геродотом (около 450 года до н. э.) племен невров, живших севернее скифов. «У невров обычаи скифские... Эти люди, по-видимому, колдуны... Каждый

невр ежегодно по несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик...» Нестор в XI веке тоже упоминает землю Нэрому на восток от Латгалы. В Литве есть ряд похожих гидронимов; Неуронис — жямайтийская фамилия и название деревни.

Около IV–V веков н. э., в конце «золотого века балтов», при развитии двинско-днепровской культуры и инфильтрации носителей зарубинецкой культуры, пришедших с Вислы, сформировались мощинская, колочинская и тушемлинско-банцеровская культуры восточных балтов.

Создатели Мощинской культуры известны под именем галинды (голядь). По-литовски «галиндас» означает «крайний», живущий у края. В «Гетике» Йордана в рассказе о государстве Германарика, среди тринадцати северных племен упоминаются гольдоскифы (Golthescytha) и гольды (Coldas). Гольдоскифы, возможно, балтославяне (скифы пахари), смешанное население, жившее на месте милоградской культуры. В этнониме «гольды» явно узнаваема голядь, известная по русским летописям с 1058 года. То, что здесь голядь была многочисленна, и что жили они долго, показывают диалекты русского языка. Например, в выпущенной в 1915 году «Карте диалектов русского языка» в Мединской и Калужской волостях выделяются характерные черты наречий. Левобережные жители реки Угры строго отделяют себя от жителей правого берега и называют их «Литвой».

После гибели Рима и начала Великого переселения народов в VI — X веках н. э. славяне заселили обширные земли балтийского юго-восточного массива, пересекли его по Днепру и постепенно ассимилировали местных Восточных балтов, отрезанных от центральных балтов. На территории Белоруссии и Западной России балты жили три тысячи лет и оставили свои следы в земле, на камнях, в языке. То, что восточные балты почитали камни, подтверждают находки в Центральной России многочисленных священных камней, аналогичных литовским.

Профессор Э. А. Левков писал, что славяне, заселившие территорию Белоруссии, пришли из мест, где не существовало поклонения валунам. Профессор предполагает, что культ камней был перенят славянами у местных жителей — балтов ^{164}. Распространение священных камней во многом соответствует распространению балтийской топонимики ^{165}, что подтверждает наличие у балтов культа камней. И другие ученые указывают, что особенно много культовых камней на западе России, на главном водоразделе Европы в местах расселения балтов ^{166}.

Исторические источники указывают, что не только древние балты, но и славяне почитали камни ^{167}. Рассказывая о славянах, путешественник Хельмольд упоминает, что они, желая укрепить свое обещание, клялись камнями. Славяне считали камни возвышенными существами. В литовской сказке герой приглашает в качестве свидетеля камень, и это ему помогает выиграть суд.

IX — XII века были временем нового экономического подъема балтов. Князья имели большие табуны лошадей, что было основой их военной и экономической мощи (Т. Баранаскас. 2000). Расширялась торговля, развивались ремесла, изготавливалось качественное оружие, было внедрено пахотное земледелие. В аграрных культурах восточных балтов отмечено жертвование жерновов-зернотёрки. Огромные священные камни-зернотёрки сохранились в Литве и Белоруссии. Возможно, что к той же традиции относятся и аукштайтийские жертвенники, которые по виду похожи на вращаемые жернова.

В бассейне Оки, где славяне расселились позже, ассимиляция восточных балтов славянами затянулась дольше. Со всех сторон окруженные славянами крупные, изолированные острова восточных балтов здесь сохранились вплоть до XII века. Центр подмосковной голяди образовался в верховьях реки Протвы, около Гжатска и Можайска; основная их масса занимала

территории между реками Волгой и Окой. Земли протвинской голяди были северной периферией Черниговского княжества с укрепленным центром Лобинском в устье реки Протвы. Лобинск контролировал всю территорию у Протвы, которая была заселена голядью и с которой пришлось воевать князю Святославу в 1147 году.

Восточные балты в своих святилищах ставили столбовых деревянных идолов; на их землях найдены священные камни с выбитыми маленькими «колодцами», в которые, возможно, вставлялись деревянные идолы. Каменные идолы такие, как известный «Козельский крест», появились, видимо, позже.

Интересна указанная историком В. Казаковым дата крещения Мценска (Мьченьск), города на реке Зуше, притоке Оки, великим князем московским Василием Дмитриевичем и митрополитом Фотием с применением большой военной силы, — 1445 год. Дата не точная, так как Василий Дмитриевич правил с 1389 по 1425 год, а Фотий с 1408 по 1431 год; однако, очевидно, что язычество здесь крепко держалось вплоть до XV века, как в Жямайтии.

«Четвертые», забытые балты жили в Приднепровье, Поволжье, Поочье. Их языковое наследие изучали М. Кочубинский, К. Буга, В. Топоров и другие исследователи... О «четвертом» забытом балтийском народе, по сравнению, например, с пруссами, написано очень мало. Возможно, историки заметят, наконец, очевидный факт, что Великое княжество Литовское разрослось в основном в землях восточного балтийского ареала, что Альгирдас и другие великие литовские князья не только завоевывали славянские княжества, но и сделали последнюю попытку объединить в одном государстве западных, срединных и восточных балтов.

Хотя еще до XVI века звенела мечами слава Литвы, силы оказались неравны. Огромный Уж севера был разрушен на части: в сердце Пруссии смертельно вонзил меч Тевтонский орден, Латвия задыхалась в петле Ливонского ордена, восточные балты тихо утонули в море славян, вскоре и Литва оказалась в хищных объятиях Польши.

С востока и севера соседями балтов были финские народы, создававшие характерную гребенчатую керамику. В III–I тыс. до н. э. балты и финноязычные народы были не только соседями, но во многих случаях жили вперемешку на одной и той же территории, что приводило к активным контактам. Финно-угорские племена закрепились на территории современной Эстонии и на севере Латвии, ассимилировав предков балтов нарвской культуры. Это объясняет ничтожно малое количество в Эстонии следовиков, оставленных, видимо, нарвцами. Возможно, «камни с тарелками», распространенные в Белоруссии, Литве, Латвии и Эстонии, также оставлены пробалтами до переселения в Прибалтику финнов.

В центральной и восточной частях балтийского ареала археологические данные свидетельствуют о двухстороннем распространении этнокультурных элементов. Балтизмы в финноязычной речи, относимых к II тыс. до н. э., на несколько порядков больше, балтизмы охватывают большую площадь и большее число угро-финских языков, чем финизмы в отношении балтийских. Можно предположить, что основа субстрата в центре Восточной Европы была балтийской, а финноязычный элемент появился здесь позже, в качестве суперстрата [{168}](#).

Финские народы тоже поклонялись камням, деревьям, источникам, почитали священные рощи, жертвенные камни до XX в. Мордвины считают, что на камень ступала Великая Богиня, мать всех богов Анге-патяй, когда сходила с неба на землю. В мансийском мифе о путешествии души в страну мертвых говорится, что «в царство подземного князя Куля, можно попасть через маленькое отверстие (в камне). Там, где небо соединяется с землей, находится скала с дыркой, которая семь раз покрыта рыболовной и птицеловной сетью. Там сидят старик со старухой и караулят вход» [{169}](#). Удивительно, но кулис по-жямайтийски — «камень».

Камни и скалы, как особые божественные создания, почитались и почитаются многими народами мира [{170}](#). Иногда святые камни, находящиеся на разных континентах, в далеких культурах совпадают и по форме, и по знакам, и по функции. Например, святые камни у тунгусов такие же, как аукштайтийские жертвенники, а воспетый индейцами перстовик «Небесный камень» с 20 ямочками — дырочками, лежит себе в штате Вашингтон, в 30 км от городка Такома.

Менялись времена, менялись племена, только не менялись камни — самые стойкие хранители исторических следов. Безусловно нельзя сказать, что «чашечники» являются исключительно древнефинскими памятниками, а следовики — только балтскими. Традиции и культуры взаимно проникали, но некоторая региональность мифологических сюжетов о камнях и видов священных камней очевидна.

М. Шорин классифицирует культовые камни, подразделяя их на четыре основные группы: следовики, чашечники, крестовики и камни без знаков [{171}](#). Для данного рассказа о балтийских, славянских и финских священных камнях я предлагаю дополнить обобщенную классификацию:

1. Мифологические камни без следов обработки («мифологические» — термин, предложенный П. Тарасенкой). В. Вайткявичус разделяет их на: камни, «упавшие с неба», камни — крячужай, камни — заколдованные люди, Мокасы и Лаумю камни.

2. Камни-следовики («следовики» — термин, предложенный С. Н. Ильиным): антропоморфные — со следами людей и зооморфные — со следами животных и птиц.

3. Камни-чашечники, с выемками-чашами разного диаметра и глубины. Чашечники можно разделить на подгруппы по величине и форме чашек:

3.1. Камни-перстовики с маленькими неглубокими ямочками диаметром 1–3 см и глубиной до 1 см. Ямочки выглядят как вдавленные пальцем — перстом углубления. На камне их бывает до ста. Эти довольно редкие камни предлагаю называть перстовиками;

3.2. Камни — луночные, с лунками. Лунки, как бы вдавленные пяткой, диаметром 4–8 см и глубиной 0,5–2 см;

3.3. Жертвенники; аукштайтийские и жямайтийские, камни с маленькими «колодцами»;

3.4. Камни — с «тарелками» диаметром от 20 до 40 см и глубиной 3–5 см.

4. «Божий скарб»: каменные троны, столы, кровати, камни со ступеньками, канавками.

5. Культовые сооружения из валунов: ряды камней, дольмены, сейды, пригоризонтальные обсерватории.

6. Каменные антропоморфные идолы.

7. Межевые камни. Камни с письменами, рунами, знаками.

Датировка священных камней затруднена не только отсутствием или скудностью культурного слоя у самого камня, скромными археологическими находками, но и продолжительностью традиции выбивания знаков, следов на камнях от неолита по сей день. Продолжительность культа камней до наших дней делает их почти современными, обыденными. Чтобы отнести ту или иную группу священных камней к определенной исторической эпохе или культуре надо использовать косвенные данные мифологии, лингвистики, геологии, самые разные исторические источники. Иногда датировку облегчает характерный знак на камне.

1. Мифологические камни

Мифологические камни — часто это священные валуны разных форм со своими сказаниями и легендами, восходящими к самым удаленным временам, и сохраняющими — в сказочной форме — исторические и сакральные сведения до наших дней. Иногда известно только имя

камня, но и оно может немало сказать. Например, Вяльнио кальве («Кузница Черта»), Пагоню Девайтис («Бог Язычников»), Кишкио Бажничя («Костел Зайца»), Гайдялис («Петушок») и др.

Свидетельства об особом значении почитания камней в Литве известны из сообщений иезуитов XVI–XVII вв. Люди разговаривали с камнями. «Камни тоже имели душу и росли. Но теперь они уже не растут, и без душ» [{172}](#).

Сохранился рассказ ксендза Вильгельма Мартиния (1704 г.), описывающего обряд у священного камня.

«На Жямайтийской стороне разросся дуб, и в пяти шагах от него лежал весьма большой камень. Недалеко от камня была воткнута длинная жердь не менее 8 сажень с большой охапкой злаков и трав, а на камне растянута козлиная шкура. У камня, на котором был ковш, наполненный какой-то жидкостью, стоял старый мужчина. Вскоре подошла пожилая красиво одетая женщина с большим кувшином. Старый мужчина взял кувшин, отлил немножко в ковш и стал молиться. Когда кончилась молитва, молодежь, твердо взявшись за руки, стали танцевать вокруг дуба и жерди. Их танец окончился, когда жрец (Waidelut) продолжил молитву, держа чашу в руке. Окончив молитву, он выпил чашу до дна и прикоснулся к жерди. Тогда к ней сбежались все собравшиеся, вырвали жердь из земли и тыкали ею охапку злаков и трав. Козью шкуру взял жрец за свою работу, а злаки очень бережно раздал собравшимся. Потом все сели вокруг дуба и камня, говорил жрец. Все сидели, опутив головы. Они благодарили своего бога, дающего им пищу, напитки и кров. Потом стали есть и пить и это длилось до третьего дня» [{173}](#).

В другом сообщении 1723 г. говорится:

«Каждое первое воскресение, при молодой луне, у камня, почитаемого и считаемого божеством, со всех сторон собиралось много народу, которые приносили жертвы святому камню». Дзуки в краю Гервечяй почитают свой святой камень по сей день и говорят: «Всегда, если хотите быть счастливым, чтобы была удачной поездка, его надо очень уважать. Когда мимо идешь, надо поцеловать»

(Й. Тринкунас, 2000).

Нельзя было камень заваливать землей, «тогда будет тяжелая жизнь. Когда пашешь, а камень в земле, его надо вывалить наверх, тогда хорошо, а копать в землю — плохо» [{174}](#).

В Литве, в поселке Тришкяй, в саду дома № 22 по ул. Жямайтес лежит огромный валун длиной 4,2 м и шириной 3,1 м, возвышаясь над землей на 1,5 м. На нем нет ни ямочек, ни знаков. С восточной стороны валуна-великана, прижавшись к его боку, лежат, еще три небольших камня. Во время войны советские солдаты пытались сдвинуть камень танком, но тщетно. Камень, обросший мхом, спит спокойно под яблонями и сегодня. Возможно, на этом месте было некогда древнее балтское капище; это отчасти подтверждает найденный в соседнем огороде аукштайтийский жертвенник, кусочки керамики и сохранившаяся легенда.

Согласно легенде, именно здесь находился первый костел Тришкяй. На месте, где сегодня лежит камень, был вход в костел, построенный на средства одного дворянина. Но там часто показывались «нечистые», «существа в белом». Этот дворянин и священник решили перестроить костел на другом месте. Но и в новом костеле опять всех пугали некрещеные души. Наконец, было принято решение построить костел в кленовом бору на берегу реки Вирвите. Крепостным

было велено вырубить деревья. Но когда они начали рубить, поднялся огромный ветер, и смешалось небо с землею. Когда буря закончилась, оказалось, что костел разрушен и нигде нельзя было найти крест от башни. Несколько недель спустя женщины, собирающие ягоды, нашли крест на берегу ручейка Тришки в большой дубраве. Дворянин обрадовался и понял, что сам бог обозначил место для костела. Было приказано построить на этом месте костел со старым башенным крестом. А у камня-великана привидения встречаются и по сей день: люди видели здесь призраков, одетых в белое, а иногда эти призраки процессией ходят вокруг бывшего костела [{175}](#). Интересно, что легенда соответствует исторической действительности: Тришкяйский костел существует и поныне в окружении нескольких языческих культовых сооружений. Это упомянутый в легенде большой камень и аукштайтский жертвенник на улице Жямайтес; группа камней у моста со столовидным камнем-перстовиком; группа камней в деревне Шаркалне с рядом ориентированных камней, камнем-креслом и камнем-столом и два луночных камня Павирвичио [{176}](#).

Красивая группа мифологических камней есть у городища Ужпаляй. Легенда рассказывает, что на горе долгое время лежала золотая лодка, в которой любили сидеть две Лаумес. Но однажды напали разбойники, отогнали их и скатили лодку с горы. Рассердившись, Лаумес превратили разбойников и золотую лодку в камни, которые лежат у подножия горы и по сей день.

У балтов считались священными родники, вытекающие «навстречу Солнцу». Неподалеку от упомянутого городища в лесу находится алка Крокулес со знаменитым священным источником и священным камнем. Рядом в протекающей реке Швентои тоже лежат плоские Лаумиу камни. По легендам на таких камнях Лаумес стирали свою одежду.

В районе Скуодо, на левом берегу Бартувы, южнее дороги Дварвечай — Мачюкай лежит Лаумес камень размером 180×190×40 см. Верхняя плоская грань камня посередине треснула. На южной плоскости есть углубленная вытертая впадина. В нее можно сесть, удобно вставив пятку в углубление 9×10×3 см на боку камня, а правую руку положив в другую чашу 26×9 см. Посередине камня находятся два растянутых следа. О происхождении этих следов рассказывают, что мимо камня бежала когда-то Лауме с дочерьми, вскочили они на камень и оставили свои следы [{177}](#).

В Литве зарегистрированы 44 Лаумиу камня и 2 Лаумиу стола; один в Зарасайском районе у городища Возгелю и другой в Утянском районе у городища деревни Нолену.

Лаумес — божества каменного века, один из образов Великой Богини. Это прекрасные девы в золотых одеждах, но под одеждами — птичье тело. Лаумес оберегают межи, наказывают лентяев, помогают сиротам, они управляют погодой, заботятся о коровах, очень красиво поют. Но они бывают и злыми: у нерадивой и неряшливой матери могут украсть ребенка. Живут Лаумес у рек, в банях, поэтому считается, что для них в бане надо оставлять мыло и веник [{178}](#).

Лаумес боятся железа. Такое отношение к железу связано с тем, что оно впервые появилось в Европе не в высокоразвитых цивилизациях, а пришло от полукочевых и горных племен, стоящих на более низком уровне развития социальной организации и культуры. Набеги этих племен, вооруженных железным оружием, должны были ассоциироваться с карой злобных, враждебных сил. Отношение к железу в начале его распространения могло быть сугубо отрицательным. У этрусков, например, существовало табу (запрет) на использование железа в проведении всех магических и жреческих операций. В средневековой Европе существовало поверье, что с помощью «честного железа» можно уничтожить или напугать нечисть — бывших богов и демонов.

В сказках Лаумес бывают с куриными ногами. Птичьи следы богини найдены в Швеции, Карелии, Литве, на Кавказе. Трехпалое божество высечено на гранитном берегу Белого моря, ее

образ встречается в «Калевале», когда Вайнемуйнен спускается в мрачное царство Маналы.

2. Камни со следами

Священные камни с углублениями, похожими на следы животных и людей, называются «следовиками». Иногда трудно определить который именно скульптор — природа или человек — так интересно украсил скромные камни. Естественные следы на камнях — это, чаще всего, выветренные ксенолиты — вкрапления более мягкого и темного минерала в основной породе [{179}](#).

Начало традиции выбивать следы божеств на камнях можно отнести к неолитической эпохе. У Белого моря в низовьях реки Выг, у водопада Шойрукша, лежит остров Бесовы следки. На отлогих скалах острова сплошной полосой выбито 300 наскальных изображений. Рисунки относят к концу III — началу II тыс. до н. э. Это олени и лоси, тюлени и рыбы, лодки с людьми и лодки без людей, медведи и лисицы, сценки загона животных и охоты на них, а также человеческие следы, один за другим пересекающие всю площадь «картинной галереи». Приводят следы к тяжелой крупной фигуре человека, изображенного в профиль и обращенного вправо. Огромная рука с растопыренными пальцами вытянута вперед, непропорционально большая ступня в виде следа босой ноги. Древнее божество «повелитель зверей», оставляя следы, подтверждал, что все животные, оказавшиеся рядом с его следом, становятся подвластными этому следу и подвластны самому божеству [{180}](#). Можно предположить, что следы ног и рук «повелителя» там, где не было скал, выбивались на валунах. Надо отметить, что принадлежность следов на камнях, с течением времени и сменой религиозных представлений, менялась, переходила от одних божеств к другим.

С каменного века следы на камнях имели магический смысл. След связан невидимыми нитями с оставившим его божеством. След медведя означал целого медведя; часть воспринималось за целое. Над таким следом совершались магические действия, чтобы обеспечить удачу в охоте [{181}](#).

След наиболее частый знак на камнях в балтийском ареале. Возможно это продолжение индоевропейской традиции. Главными атрибутами бога Вишну были жезл и след. Сделав три шага, Вишну вырос из младенца в великана, создал трехмерный мир и раскрутил Колесо года — «Калварат». В 1907 году в Варшаве издана книга Максимилиана Баруха «Божьи стопки» в которой описаны следовики не только Галиции, Вольни, Белоруссии, Литвы, но и со всего мира [{182}](#). На далеком острове Цейлон, на вершине горы Адама выбит в скале огромный след правой ноги Вишну.

Следовики обычно имеют один или несколько зооморфных или антропоморфных следов. Так, например отпечаток руки, ступни, 10 следов козы и 2 следа коня выбиты на одном из камней в деревне Куршу в районе Варены (южная Литва). Интересно, что эти следы соответствуют главным персонажам литовской сказки «Освободитель Солнца»: следы волшебного коня, на котором герой уносит освобожденное Солнце, и Великана (Велеса), который гонится за ним на трехглазом козле («натоптавшем» на камне больше всех).

Вот еще один пример литовского камня-следовика. В городе Шяуляй, в саду дома № 4 по улице Кално лежат два святых камня: это аукштайтский жертвенник, перевезенный из Поцюнелай Радвилишского района, и плоский продолговатый камень с «кровавым» детским следом, в котором скапливающаяся вода становится красной. Воду красят жилки оксида железа, которых много на краях следа. Нет сомнения, что такая «кровавая» вода возбуждала воображение и могла применяться в колдовстве, «лечении» и т. д.

Традиция выбивания следов, видимо, дожила до XIX в. А. К. Киркор в 1882 г. писал:

«В Литве и на Жмуди до сих пор сохранился обычай... по ручьям и небольшим речкам класть камни с иссеченными на них изображениями стопы, подковы, земледельческого орудия, меча и т. п.» [{183}](#) _.

В Литве следовики составляют основную группу священных камней. П. Тарасенка насчитал их 150 [{184}](#)_. Можно смело говорить о том, что следовиков сохранилось гораздо больше забытых, найденных. Они лежат в отдаленных, покинутых местах, в болотах.

В Латвии тоже много следовиков и большинство из них называется Велнапеда акменс. Литовский бог Велинас (Вяльняс) соответствует латышскому Велс.

В Эстонии известно лишь несколько следовиков на фоне тысячи «финских» камней с ямочками и лунками.

В Белоруссии на северных низинах описано около ста следовиков. В 1928 г. их изучал М. Мелешка, которому принадлежит статья «Камень в верованиях и сказаниях белоруссов». Самым распространенным знаком на камнях является человеческий след. Есть редкий след лебедя на «Лебедином камне» в деревне Луково Малорицкого района. В России и Белоруссии, где «греческая вера» начала внедряться существенно раньше, чем «польская вера» в Литве, следы на камнях по большей части связывают уже с христианскими персонажами. Часто это следы Бога, черта, Божьей Матери и святых.

Следовики чаще, чем другие категории священных камней, сопровождаются рассказами и легендами. Почти половина всех следов на камнях в Литве связана легендами с Вяльнясом (Чертом). В литовском языке слова: Вяльняс (Черт) — Велинас (сравн. слав. Велес), Велинес (ноябрь — месяц духов), велионис («покойник»), веяс («ветер»), велява («знамя»), объединяет одна основа веле — «дух», «душа». Вяльняс-Велинас был невидимым проводником душ в Анапилис (потусторонний мир).

Следы черта на камнях в абсолютном большинстве случаев человеческие, только иногда больших размеров; они являются знаком незримого присутствия Вяльняса. Известен только один случай (в деревне Молену, Посвалского района) когда на камне Вяльняса выбит след копыта. Церковь столетиями пыталась придать Велинасу черты злого духа. Но, даже утратив благородный образ, и из Велинаса превратившись в Вяльняса (Черта), он остался в Литве своим, веселым и популярным мифическим персонажем; противником Пяркунаса, строителем мостов и замков, незадачливым разрушителем костелов — храмов конкурирующей религии.

Христиане, «обезвреживая» священные камни, бывшие языческие культовые объекты, «изгоняли» Вяльняса и ставили на камнях отметку — крест. Можно сказать, что это старая традиция, потому что Вяльнясу не везло еще в языческие времена. Вяльняс хромой, его ранил молнией Перкунас, когда за ним гонялся, за то, что Вяльняс его жену соблазнил, дочь похитил, долгов не вернул, любил дразнить богов, обижал «козликов Перкунаса» (птичка козодой).

Вяльняс вообще вел себя не прилично: любил прятаться под женскими юбками, иногда по ошибке залезал под сутану ксендза. Потому народная мудрость на всякий случай предупреждает, что «во время грозы, встретив священника, надо держать в кармане фигу» [{185}](#)_. Прятался Вяльняс в дымоходе, под ульями, но чаще всего он любил сидеть под камнями. Древние жрецы, стараясь помочь Перкунасу достать Вяльняса, видимо, тоже били по камню — выгоняли его. А христиане продолжили «воспитательную работу» против Вяльняса, забыв, что их сатана вообще-то прячется не под камнями, а в злых сердцах.

В России первым стал изучать святые камни декабрист и поэт Ф. И. Глинка. Будучи сослан

в свое имение Кузнецово-Бежецо, он собрал и описал уникальную коллекцию камней со знаками. Особенно интересны были камень «Степан» с надписью и черный камень с выбитой полосой, опоясывающей весь камень, следом сапога на одного конце камня и знаком в виде узла — на другом. Увы, коллекция камней Ф. И. Глинки, перевезенная в Тверь, после войны пропала.

Компактная группа следовиков найдена у Каргаполя в Архангельской области. На камнях выбиты руки, ступни; а на Зажигинском камне — сиденье. Камни находятся рядом с карстовой впадиной, называемой Велесовым полем. Полагают, что культ священных камней в этих заселенных финскими охотниками и рыбаками лесах, оживили пришедшие сюда в XII–XIV вв. новгородцы.

Знаменитый краевед С. Н. Ильин из города Шуя нашел и описал много святых камней, в том числе — 25 на берегах озера Селигер, из которых — 11 следовики. Найденный им следовик «Божья ножка» хранится в краеведческом музее Твери. По мнению С. Н. Ильина, следовики обозначали границы племенных земель.

В Псковской области археолог А. А. Алескандров обнаружил 42 следовика. По его мнению, следовики — это остатки архаичного культа Вяльняса/Велеса. Древние мифические представления и характер обрядов указывают на связь культовых камней с божеством подземного мира мертвых Велесом или балтийским Веленом (Вяльнясом). Вяльняс прячется от стрел Перкунаса под камнем. Вход во дворец Вяльняса завален огромным камнем. Сам Вяльняс, одевшись как немец и прихрамывая, иногда гуляет около камня. В русской сказке хозяин-неудачник попросил черта о помощи с урожаем, и тот пригласил его в гости к камню на меже [{186}](#).

В Ленинградской области историк А. В. Курбатов насчитал 21 следовик. Интересно то, что рядом с пятью следовиками есть целебные источники, а рядом с десятью находятся православные часовни. Следы связываются с христианскими персонажами, но в сюжетах легенд можно узреть языческие мотивы. А. В. Курбатов определил, что камни-следовики Ленинградской и соседних (Псковской и Тверской) областей тяготеют к ареалам археологических памятников конца X — начала XI в. н. э., которые связываются некоторыми исследователями с носителями локальных археологических культур славянского (или балтославянского) мира [{187}](#). Вместе с тем вполне вероятно, что традиция выбивания следов на камнях является существенно более древней, а в некоторых случаях, когда следовики представляются родовыми тотемами или «инструментами» охотничьей магии, они могут оказаться и памятниками эпохи неолита.

На мой взгляд, к следовикам можно отнести и большой плоский камень, лежащий на краю леса рядом с геодезическим знаком, в 1 км от деревни Голяково Сходненского района Московской области. Камень показал знаток скандинавского наследия А. Фиофилактов. В названии деревни Голяково («Голиково» с 1900 г.) можно усмотреть балтский этноним — имя жившего в бассейне реки Москвы до XIII в. н. э. балтского племени галиндов (рус. голядь) [{188}](#). Е. М. Поспелов пишет, что территория Московской области дольше многих других находилась в сфере балтоязычного населения. Гидронимия балтского происхождения распространена по всей территории Московской области, причем на юго-западе она наиболее поздняя, оставленная именно голядью [{189}](#). Финно-угорская же гидронимия выявлена лишь на северо-востоке, где финно-угорские племена ассимилировали более раннее балтское население.

Камень у деревни Голяково в 1984 году исследовали В. Костирко, А. Левин и И. Маланин. Камень похож на огромную кровать; он выступает над землей до 1 метра, имеет длину 4,2 м и ширину 2,6 м. С южной стороны на боку камня есть углубление, напоминающее ступню, длиной 15 см, шириной 8 см и глубиной 1,5 см. На плоской поверхности камня находится несколько неглубоких чаш, как бы вдавленных спавшими, диаметром 7, 8, 13, 15, 23 и 24 см и глубиной до

2 см. С северной стороны на камне выбиты две ступеньки.

Камни со ступеньками найдены и в Литве. Например, в районе Плуңгес, у деревни Шашайчяй, лежит огромный камень Дево сталас («Стол Бога») длиной 6,2, шириной 3,8 и высотой 2,15 м. С западной стороны в камне выбиты 4 ступени, а на его пирамидальной верхушке построена деревянная часовенка. В 30 м к югу на лугу лежит узкий плоский камень длиной 1,5 м, который называют Галастувас («Точило»). Рядом дремлет на холмах лес Дево креслас («Божье кресло»).

Характерным для камней со ступеньками являются богатое мифологическое сопровождение. Так, например, в районе Акмене, в лесничестве Векшню лежит «Черный камень», который называют также «Камнем любви». На южной стороне выбиты две ступеньки длиной чуть менее метра. Говорят, что ночью камень раскрывается, из него выходят девушки и всю ночь танцуют у камня. Другая легенда гласит, что при заходе солнца на камне сидят Лаумес и прядут пряжу. Если человек, идя от камня, повернется и увидит Лаумес, то он превратится в сосну...

3. «Чашечные» камни

С незапамятных времен люди изображали различные знаки и оставляли «отметины» на скалах и камнях. С течением времени их значение могло переосмысливаться [{190}](#); позднее смысл связанных с камнями символов забывался, но их продолжали изображать, поскольку они были освящены традицией. Такие камни были и остаются священными, и знаки на них обладают религиозным значением как связанные с иной реальностью [{191}](#).

Возможно, древнейшей «отметиной» на камне является простейшее углубление — чашка. Именно о таких «чашечных» камнях пойдет речь в этом разделе.

Камни-перстовики

Можно предположить, что ямочки — самые простые и ранние знаки на камнях, в разные века имели разное значение, но они всегда были указанием святости камня.

Как показывают археологические исследования, ареал распространения таких камней с небольшими, словно бы пальцем выдавленными ямочками (отсюда — название «перстовик») связан с памятниками позднего железного века, ассоциирующимися с финно-угорским населением. В Северной Европе этот ареал охватывает Финляндию и Эстонию, где среди огромного количества (около полутора тысяч) священных камней абсолютно доминируют камни-чашечники [{192}](#). В областях северо-запада России [{193}](#), в Белоруссии, Латвии и Литве такие валуны единичны. Там доминируют следовики.

Всего в Литве перстовиков с маленькими ямочками найдено около 8, в Латвии — 6, в Белоруссии — около 10 и в России — 8 [{194}](#).

В древности камень считался переходной точкой между подземным миром ушедших и наземным миром людей. Нередко полагалось, что можно было выбить на камне ямочку-дырочку в иной мир и пообщаться с ушедшими родными, соседями. Так, в Пелесе записан рассказ М. Круопене о том, как уже в наше время выбивались ямочки на камне-тотеме: «На горе Грунтас есть такой камень, на котором выбито около ста ямочек. Каждый человек выбивал себе отдельную ямочку и через нее обращался к умершему здесь пастуху Антанелису».

На сакральность перстовиков указывает и их вторичное культовое применение. Например, плоский камень-перстовик поставлен как ступенька у каплицы в деревне Йеджиотай в Литве; из

другого перстовика сделан типичный аукштайтский жертвенник, характерный для языческой Литвы времен Гедимина и хранящийся сейчас в каменном саду г-на Стапулениса в городе Пасвалис; два перстовика на кладбище староверов в Калужском бору (Россия) использованы как надгробные камни.

А. А. Панченко приводит любопытное свидетельство о средневековых каменных крестах в Печорском районе Псковской области с искусственными выемками на вершине. Подобные выемки на каменных крестах известны в Чехии, Моравии. В Германии такие углубления есть на стенах церквей. В Северной Осетии, селе Заманкул И. Д. Маланин видел крест «Зылын-цырт» с углублениями якобы «от попадания пуль». Ямочки выбиты даже на половецких каменных бабах.

Вот несколько примеров литовских камней-перстовиков.

В Шяуляй такой камень, с четкими маленькими ямочками, лежал на северо-восточной стороне перекрестка улиц Прамонес и Сербенту. Это был темно-серый валун, размером 120×70×40 см. На его спине и боках было выбито около 80 неглубоких углублений диаметром 1,5–2 см. На этом месте до расширения новостроек города было болото. Это все, что удалось узнать. Теперь на месте, где лежал священный камень, обустроена стоянка автомобилей, а камень в 1997 г. пропал, осталась только его фотография.

В Жямайтии, в поселке Тришкяй, на правом берегу реки Вирвите, рядом с новым мостом били три родника, один из которых сегодня уже завален. Рядом с родниками в окружении шести более маленьких камней лежит валун-перстовик размером 100 x 70 x 50 см. На его плоской верхушке выбито около сорока ямочек диаметром до 2 см и глубиной до 0,5 см. Расположение окружающих камней на этом капище напоминает знаменитые системы камней у литовских городищ Имбаре и Пурмаляй [{195}](#).

Р. Матулис упоминает еще два камня-перстовика; первый хранится в Кедайняйском районе в поселке Паберже. Здесь, в выстроенном вдоль стены костела ряду аукштайтских жертвенников лежит осколок разбитого перстовика, на боку которого много ямочек диаметром до 1 см и глубиной 0,5 см. Второй камень находится в районе Пакруойо в деревне Паежерю. На его поверхности выбито около полусотни ямочек диаметром 2–6 см и глубиной 1–3 см [{196}](#).

Интересно отметить, что в выбитые на камне маленькие ямочки как раз по диаметру подходят хлебцы, называемые шлижикай или кучукай, которые в Литве пекут один раз в году — на праздник зимнего солнцеворота, Кучиос, 24 декабря. На эту любопытную деталь указал этнограф Й. Тринкунас. Возможно, шлижикай некогда приносили в жертву и клали в углубление на камне.

Как уже упоминалось, известны камни-перстовики и в России и Белоруссии. В белорусском городе Брест на территории базы «Вторчермета» создан каменный сад из красивых валунов. Рядом с механическими мастерскими в окружении трех камней лежит светло-серый гранитный валун размером 120×60×50 см. Нижняя его часть украшена рядами маленьких ямочек (всего их 26) диаметром от 1 до 2 см. Камень явно перевернут и поставлен «на спину», так как он сверху темнее и еще видна не смытая дождями земля. Возможно, ямочки есть и под камнем.

Э. А. Левков нашел похожий камень-перстовик у Слонима. Также в Гродненской области есть камень «Чертовы дучки». Легенда говорит об этом камне, что собравшиеся в полночь черти катали мелкие камешки по ямочкам на большом камне [{197}](#). И в Литве на камнях любит сидеть Вяльняс, хозяин подземного мира «грешных» душ, и играть в «бобу» или «чижика» [{198}](#). Возможно, эти легенды представляют собой отголоски некоего языческого ритуала или ритуальной игры, совершаемой на камне.

В России к камням-перстовикам можно отнести, например, ступенчатый камень «Медведица» в Поозерье Новгородской области. На нем находятся восемь ямочек,

расположенных компактно и вместе напоминающих созвездие Большой Медведицы [{199}](#). Еще один крупный валун-перстовик с ямочками-дырочками разного диаметра и канавками найден В. А. Буровым в Фировском районе Тверской области [{200}](#).

В Москве, в новом районе Строгино на Таллиннской улице примерно в 600 м от Москвы-реки лежит большой гранитный валун размером 135×100×62 см. На его «спине» проведено несколько линий. Камень не сразу открыл свои секреты. Мы увидели фигуру человека на Строгинском камне, только изучив фотографии. Вся видимая поверхность камня покрыта небольшими ямочками диаметром 1,5–2 см, глубиной 3–5 мм. С первого взгляда кажется, что ямочки рассыпаны хаотично, но при более внимательном рассмотрении видны «бусы», линейные, треугольные, круглые композиции из ямочек, общее число которых — около сотни. Композиционно ямочки расположены группами по 5-15 штук. Желая выяснить, не являются ли ямочки выветренными вкраплениями более мягкой породы, мы обратились в Институт геологии. Была проведена минералогическая экспертиза, в заключение которой говорится: «закономерное расположение ямочек, их морфология, размер, значительно превышающий средний размер зерен минералов, слагающих породу, позволяет сделать вывод об их искусственном происхождении. Возникновение данных углублений не могло быть связано с деятельностью ледника, перемещавшего валун во время оледенения, или с действием других факторов выветривания». Возможно, этот камень-перстовик был тотемом для людей, некогда живших на находящейся рядом Шукинской неолитической стоянке [{201}](#).

Еще один камень-перстовик нам с Виталием Казаковым удалось найти в Мосальском районе Калужской области, богатом балтскими археологическими памятниками. Здесь, на изгибе реки Угры, между ее притоками Рессой и Куновой, на левом берегу Угры, сохранились 6 курганных могильников, 4 селища и балтийское городище Мокрово раннего железного века [{202}](#). (К слову, совсем неподалеку, всего в 10 км, находится знаменитое Мощинское городище, давшее имя балтской археологической культуре V–VII вв. н. э.) Рядом с городищем, перед устьем речки Ремеж, в 10 м от кромки воды лежит вросший в землю плоский ступенчатый камень. Вокруг него обильно рассыпаны кремниевые осколки. Первая ступенька камня расположена на уровне земли, вторая поднимается на 12 см над землей. Камень имеет длину 110 см, ширину — 68 см (ширина нижней ступеньки — 15 см, верхней — 53 см). На верхней ступеньке — около 50 неглубоких ямочек, как бы вдавленных пальцем, на нижней — около 10 ямочек. Они сильно выветрены, но видны при восходе Солнца.

Луночные камни

Луночные камни составляет другую группу священных камней, отличающуюся по своей функции и форме углублений. Луночки (лит. каушэляй) находятся только на горизонтальной поверхности камня (у нетронутых камней); возможно, некогда они являлись подставками для мелкой ритуальной посуды или же сами выполняли роль маленьких сосудов-ковшиков, в которые помещали жидкие или сыпучие жертвоприношения или такие жертвы как яйца.

Два луночных камня лежат в Литве у дороги Тришкяй — Киршяй в Тяльшайском районе в деревне Павирвиче, в 300 м от реки Вирвите. К сожалению, камни сдвинуты со своих прежних мест ближе к дороге. Первый камень, гранитный валун 2,5×2,3×1,2 м с двумя десятками лунок на плоской верхушке. Вторым камень лежит в 100 м от первого, это черный гранитный валун 1,7×1×0,7 м, расколотый пополам. На его верхней части — 7 лунок диаметром 3,7 см и глубиной 1 см. В нижней части камня — еще 3 лунки.

Всего в Литве известно 32 луночных камня, датируемых VII в. до н. э. — IV в. н. э. и

связанных с западной культурой балтских курганов [{203}](#)_. В целом же ареал распространения камней с лунками гораздо шире. Много их найдено в Эстонии, Финляндии и на западе России. Думаю, что традиция культового применения камней с лунками в то же время существовала и у финских народов.

«В старину, когда камни еще были мягкими, на них чертята любили устраивать свадьбы и пятками вдавили камни, от чего образовались лунки». Такую красивую легенду о происхождении лунок на камнях приводит в своей книге «Следы на камне» П. Тарасенка, первым профессионально изучавший и систематизировавший святые камни в Литве [{204}](#)_.

В России самый, возможно, известный луночный камень находится в Москве, в Музее-заповеднике «Коломенское», во Власиевом овраге. Этот почитаемый и в наши дни камень, который называют «Девий камень», показал мне историк А. Чигрин. Женщина, желающая счастливо забеременеть или подлечиться, должна просто посидеть на этом теплом камне и оставить в его лунке жертву: свечку, цветок, конфетку, монетку. В 20 метрах от Девьего камня лежит Конь-камень, также с несколькими лунками [{205}](#)_.

Связь священных камней с плодовитостью, с урожаем прослеживается на очень большой территории. В Литве женщина, желающая иметь ребенка, оставляла на ночь на священном камне свою нижнюю рубашку. Это глубокая память с тех времен, когда камень был Мокасом — «умеющим», который помогал женщине забеременеть, облегчал роды, учил, «как делать детей» [{206}](#)_. В Литве известно несколько камней с именем Мокас. К слову, вполне возможна семантическая связь между именем славянской богини Мокошь и именем Мокас.

...Напротив Калуги на другом берегу Оки зеленой стеной стоит Калужский бор [{207}](#)_. В Калужском бору, среди корабельных сосен, на месте более старых (раннесредневековых) погребений с XVII в. Старообрядцы-раскольники устроили тайное кладбище. Кладбище занимает площадь около 300 м², заросшую лесом. На большинстве могил у изголовья есть памятники — валуны средних параметров без надписей и без следов обработки. Могилы, увы, разорены, камни часто сдвинуты. Среди разноцветных надгробных камней есть два черных камня с лунками и маленькими ямочками.

Первый камень, выступающий над землей на 10 см, имеет округлую форму и диаметр чуть менее метра. На его плоской поверхности высверлены 4 лунки и 26 перстовых ямочек диаметром до 2 см. Второй камень — продолговатый, выступает из земли на 15 см, длина его — 58 см, а ширина в одном конце 45 см, в другом — 20 см. На поверхности камня 5 лунок и 15 неглубоких ямочек диаметром от 2 до 5 см. Очевидно, что камни привезены, потому что больше камней в бору не встречается. Камни с лунками могли перевезти с забытого древнего капища, которое, возможно, находилось в Калужском бору на Заячьей горке.

В той же Калужской области, в 3 км к востоку от Сосенска, на территории национального парка Угры находится Чертовое городище, хорошо укрепленное городище балтов I–V вв. н. э., окаймленное речкой Любушей. Некогда на Чертовом городище находилось древнейшее культовое сооружение со святыми камнями, остатки которого сохранились. В IX–X вв. на городище поселились славяне вятичи [{208}](#)_.

Археологи предполагают, что трапециевидный камень с ямочками, лежащий на северо-восточной вершине городища, являлся культовым камнем [{209}](#)_. Камень выступает над поверхностью земли на 5–20 см, его размеры 67×115×105 см. На камне около 20 ямочек природного происхождения, диаметром 2–4 см и глубиной до 20 см. Эти ямочки-дырочки могли служить тем же культовым целям, как и искусственно выбитые ямочки на перстовиках и луночных камнях. Вокруг лежат еще несколько более мелких камней с такими же натуральными

дырочками.

В восточной части Чертового городища находится еще один удивительный вросший в землю камень с тремя глубокими «чашками», соединенными друг с другом проточной канавкой и представляющими собой каскад, где могла накапливаться и стекать вода. Похожий камень с каскадом из чашек нашел А. В. Платов в Тульской области на Куликовом поле [{210}](#).

На вершине Чертового городища в нескольких метрах на запад от трапециевидного камня лежит другой огромный камень с «колодцем» (фото 6, 7). Эта выемка представляет собой неправильный шестигранник с шириной стенок от 15 до 25 см; глубина «колодца» около 40 см. В нем все время находится вода.

Сохранились рассказы людей о том, что под горой находилось вырытое в песчанике языческое святилище. Рассказывают, что до 60-х г. можно было спуститься по каменной лестнице в зал под горой, где у стен полукругом стояли каменные скамейки, а в центре зала — каменный стол. На стенах были отпечатки рук, свастики и непонятные письмена. Святилище и вход в подземелье, по рассказам, взорвали военные [{211}](#). На западном склоне городища есть небольшой грот, который мог послужить причиной возникновения рассказов о подземном святилище.

В Литве существует удивительно похожая легенда о городище Вадагю. На горе стояла богатая усадьба и замок, но потом они пропали. Каждую ночь из горы слышно было пение петуха, а когда петух замолкал — плач ребенка. Один человек вез повозку с картошкой и провалился на самое дно горы. Там он увидел большой зал, где в середине стоял стол и находились окаменевшие люди [{212}](#).

Камень, похожий на «камень с колодцем» Чертова городища, есть в деревне Подол Новгородской области. На нем расположен равносторонний четырехконечный крест и выбито цилиндрическое углубление диаметром 5 см и глубиной 24 см [{213}](#). Аналогичный «колодец» глубиной 26 см нашел И. Д. Маланин на Синем камне в Истринском районе Московской области [{214}](#).

Любопытно, что уже само слово «лунка» указывает на связь чашек на камнях с небесным звездным сводом [{215}](#); русское лунка происходит от имени собственного Луна. На луночных камнях расположение лунок, как и ямочек на перстовиках, иногда напоминает созвездия; такие камни являются своеобразными «звездными картами». Так, изображение Большой Медведицы, в котором каждой звезде созвездия соответствует ямочка, можно видеть на упомянутом выше камне «Медведица» в Поозерье Новгородской области. В Литве на камне Друкшиу лунки располагаются как созвездия Кассиопеи и Андромеды [{216}](#).

Каменные жертвенники

Каменные жертвенники, широко распространенные в Литве и отчасти в Латвии, использовались для возложения жертв. Надо заметить, что на самом жертвеннике огонь не разводился.

Четко определенный регион распространения, типичные формы и технология обработки аукштайтских и жямайтских жертвенников позволяют говорить о сравнительно молодом возрасте этих культовых памятников, связанных с модернизацией балтского язычества. К концу первой трети II тыс. еликое княжество Литовское оставалось единственным языческим государством в Европе [{217}](#), и вынуждено было централизовать и унифицировать свою государственную религию.

Археологические находки (бубенчики, битая керамика, кострища) и этнографические сведения позволяют предположить, что около жертвенников проводились языческие ритуалы [{218}](#). Есть основания предполагать, что модернизация балтской религии возродила культ камней. Любопытно, что возрождение культа камней произошло и у славян в период массовой колонизации Русского Севера не ранее XV в. [{219}](#).

Известны легендарные жрецы — реформаторы балтской веры: Совий, Швянторагис, заново введший обряд сжигания умерших. Известны и имена верховных жрецов — Лиздейки, Вайдилы, Гинтаутаса. Никто не оспаривает существования Ромувы как религиозного центра балтской веры и титула главы института жрецов — Кривю Кривайтиса. После неудачной попытки короля Миндаугаса крестить Литву в XII веке балтская религия окрепла. В Великом княжестве Литовском, окруженном православными княжествами и христианскими орденами, язычество было государственной религией, объединяющей основные слои тогдашнего общества: воинов и земледельцев [{220}](#). Характерной чертой балтской веры, как открытой системы, была терпимость. Она позволяла литовцам-язычникам продуктивно сотрудничать и жить вместе с иноверцами, составлявшими часть населения Великого княжества.

Литовский великий князь Йогайла, ставший королем Польши, в 1387 г. крестил Литву и в 1417 г. — Жямайтию. Этим именем литовцы больше не называют своих сыновей. Инквизиция в Литве сожгла тысячи ведьм, хранительниц древней традиции; за жрецами в лесах Литвы польские паны устраивали охоты даже в XVIII в. [{221}](#). Тем не менее, еще в XIX–XX вв. в литовских деревнях еще жили знахари, лечившие заговорами и травами. Заколов свинью очень популярными были прогнозы по печени об урожае и погоде, совсем как в Древнем Риме.

Жертвенниками были все священные камни, на которых приносились жертвы. Известны и наиболее ранние формы жертвенников. В районе Шилале у городища Пакисио на левом берегу речки Киса лежит жертвенник Кунигишкю, его еще называют «Камнем святого Йонаса». С южной стороны на камне есть углубление 30 x 80 см, напоминающее кресло. Рассказывают, что в старину на нем жгли огонь, жертвовали телят. У камня действительно было найдено много углей и костей животных. В 1971 г. В. Урбонавичус изучил окружение камня и нашел три, один поверх другого, каменных настила, а также три ямы, в которых возжигался огонь. Сохранился документ, в котором написано, что в 1740 г. на суде ведьм Й. Колишка, при допросе признался, что его жена Катрина научилась колдовать именно в Пакисио у ручья [{222}](#).

В хронике М. Стрийковского сообщается, что в Вильнюсе, на том месте, где сегодня стоит кафедральный костел, великий князь Гедимин поставил богу Пяркунасу кремневый камень, рядом с которым постоянно горел огонь, поддерживаемый дубовыми дровами. Можно предположить, что святой огонь высекали из этого Гедиминова кремня. Возможно, что именно у этого камня в 1329 г. князья Кейстут и Ольгерд поклялись Пяркунасу защитить Литву. На месте, где сегодня стоит костел святого Станислова, стоял другой каменный жертвенник. Там, где стоит костел Петра и Павла, как гласит легенда, в старину был жертвенник богини любви Милды.

Еще в XIX в. С. Даукантас писал, что литовцы, выходя косить рожь, «на горке ставили камень для жертвоприношений...».

Слово aukuras («жертвенник») имеет два корня: аука («жертва») и kurti («жечь»). Но, хотя в литовских легендах и говорится, что «в старину на камнях богини Лаумес жгли огонь и себе еду варили», на жертвенниках огонь не разводился. Аукштайтйские и жямайтйские жертвенники скорее выполняли функцию каменного стола с выбитыми на нем чашами для угощений земных и небесных богов. Священный огонь жгли богам подземелья в выложенной камнями яме, рядом

с жертвенником. У жертвенников также найдены кострища бытового назначения, где, видимо, готовилась пища для участников обряда.

В ходе развития балтского общества и балтской религии в раннем Средневековье появились определенной формы строго функциональные каменные жертвенники двух типов.

Аукштайтйские жертвенники распространены в восточных и северных районах Литвы. Их найдено около 250 [{223}](#); в музее Румшишкю хранятся 5 аукштайтйских жертвенников, в Пасвалисе краевед А. Стапуленис собрал около 40 аукштайтйских жертвенников, около 10 — в Жеймялисе собрал краевед Й. Шлявас. Директор Краеведческого музея городка Шедува В. Шенаускас в Радвилишкио районе нашел и описал 9 аукштайтйских жертвенников. Небольшие шириной до 0,5 м найдены жертвенники во дворце Веркяй. Шесть жертвенников вмурованы в стены подземелий, один — найден во дворе замка Медининкай. Веркяй был языческим религиозным центром. Здесь в 1414 г. 28 июля умер жрец Гинтаутас, ученик верховного жреца Лиздейко.

Обычно такие жертвенники — это округлые плоские камни, напоминающие жернова с отполированной выемкой. Выемки, высверленные на аукштайтйских жертвенниках, диаметром около 15 см, глубиной около 12 см, бывают разных форм. Чаши на жертвенниках годятся и для жидких, и сыпучих жертв. Р. Матулис предполагает, что чашу высверливали при помощи песка и воды, поворачивая вставленный деревянный столбик [{224}](#).

Некогда, посещая с отцом родственников, мы нашли пять неизвестных ранее аукштайтйских жертвенников. В городе Пумпянай один, небольшой жертвенник, диаметром 50 см, с выемкой диаметром 7 см, вмурован в лестницу костела. Увы, в 1997 г. при ремонте лестницы его залили бетоном. Второй жертвенник, обколотый с двух сторон, лежит перед аптекой. Его диаметр 65–78 см, толщина камня 5–32 см, диаметр выемки 16 см, глубина выемки 18 см.

У реки Левуо, в деревне Даукнишкиай, в усадьбе г-на К. Кузмы также хранятся два аукштайтйских жертвенника. Один из них, упоминаемый Р. Матулисом в его книге, имеет черный цвет, толщиной 10–35 см; размер верхней части 120×75 см, в ней высверлена конусная чаша диаметром 21 см и глубиной 16 см. Второй, круглый жертвенник, из розового гранита, диаметром 75 см и толщиной 23 см, с чашей глубиной 15 см, нашла г-жа Кузмене на лугу у реки и поставила рядом с черным жертвенником.

Самый западный из найденных аукштайтйских жертвенников найден в поселке Тришкяй у дома № 24 по улице Жямайтес. Г-н Р. Кляманскис сажал яблоню и наткнулся в земле на перевернутый жертвенник диаметром около 70 см и толщиной 25 см с отполированной конусной выемкой диаметром 18 см и глубиной 15 см. Вокруг выемки выбиты нечеткие знаки, напоминающие руны [{225}](#).

В Паневежском районе в деревне Шяшку в усадьбе г-на П. Кучаса с давних времен хранится жертвенник из розового гранита правильной округлой формы, диаметром 70–80 см, толщиной 25–30 см, с отполированной конусной выемкой диаметром 12 см и глубиной 17 см. Г-н Кучас, вспоминая свое детство, говорил, что его дед что-то перетирал в выемке жертвенника, как в каменной ступе.

В литературе известны и другие рассказы о том, как в каменной чаше жертвенника перетирали табак, мак, семена конопли и льна. Думаю, что это отголосок древнего ритуального действия. По традиции и теперь, в праздник зимнего солнцеворота — Кучиос, в числе девяти ритуальных блюд готовят молоко из мака и перетертую коноплю. Наркотические вещества, конечно, помогали общаться с богами и душами предков, вызывали пророческие сны. Пиво было и есть основным ритуальным напитком, который надо пить весь год, а в праздники —

обязательно. Древние пруссы ритуально пили пиво, держа ковш зубами, а испив — бросали ковш через плечо, не касаясь руками. Крестоносцы с завистью писали, что пруссы, с полными ковшами пива, начинали славить своих богов с самого утра...

Возвращаясь к символическому родству аукшайтских жертвенников и жерновов (зернотерок), нельзя не вспомнить о том, что и в наши дни на городище Стаетишкио в Швенчионайском районе совершается обряд, очевидно имеющий очень древние корни. Раз в году на десятое воскресенье после Пасхи люди по пути в костел Адутишкиса поднимаются на городище и возлагают жертвы — лен, шерсть, монеты — на каменные жернова. Молясь, они просят Бога о здоровье, украшают крест и сами жернова. Видимо, жертвенники и жернова были схожими не только по внешнему виду, но и по своей мифологической функции.

Жямайтские жертвенники — самые красивые каменные памятники древней балтской религии. Их ставили в святых лесах, дубовых рощах, рядом с речками. С насильственным введением христианства святилища стали тайными, язычники обустроивали их в труднодоступных местах, в лесных чащах, в болотах, через которые к святилищу вели тайные подводные тропы — кулгринды. В центре святилища, под небом, на каменном постаменте стоял жертвенник с широкой и неглубокой чашей. В чаше жертвенника, которая была значительно приподнята над землей, набиралась святая вода.

Жямайтские жертвенники — это крупные, высотой до 1 м, обтесанные с боков железными долотами камни, напоминающие часть античной колонны. Чаша на жертвеннике обычно бывает выбита одна, цилиндрическая, диаметром 18–57 см, с выпуклой серединой дна и углубленными краями. В некоторых случаях от чаш отведены канавки для стока воды. Про «обтесанные» жертвенные камни Л. А. Юцевичюс писал в журнале «Tygodnik Peterburgski» в 1836 г., что у таких камней бывают Богини и ткнут судьбы людей.

Распространены жямайтские жертвенники на западе Литвы и в Курземе. Их зарегистрировано около 40. По мнению В. Вайткевичюса, распространение жямайтских жертвенников соответствует территории, на которой проживали курши.

Любопытно, что один такой «обтесанный» жямайтский жертвенник найден в Псковской области в деревне Гдовск. Выемку на нем называют «следом Богородицы». Фотография жертвенника, сделанная Е. А. Лучиным, опубликована в книге А. А. Панченко [{226}](#). Возможно, история этого жертвенника такова.

После смерти великого князя Миндовга в 1263 г. найшенальский князь Довмант бежал из Литвы в Псков, где был тепло принят псковичами, женился на внучке великого князя Александра Невского и в 1266 г. был избран псковским князем. В Пскове Довмант выстроил практически непобедимую на то время крепость («Довмантов город») и, защищая псковскую землю, не раз гнал прочь рыцарей Ливонского ордена:

«Слышав же местер [{227}](#) земля Ризския мужество князя Довманта, опольчився в силе тяжце без Бога, прииде къ граду Пскову в кораблех, и в лодиях, и на конях...

...И Довмант же во множестве ярости мужьства своего, не дождав полков новгородцких, с малою дружиною с мужи псковичи выехав, Божию помощию изби полки их, самого же местера раниша по лицу».

(Средневековая русская «Повесть» о князе Довманте).

Благодарные псковичи сохранили меч князя Довманта; реликвией мог оказаться и жертвенник, видимо, принесенный теми пятью сотнями язычников-жемайтийцев, что

сопровождали его в Псков.

Камни с «тарелками»

Встречаются священные камни с вытертыми широкими «тарелками». На плоской поверхности таких камней находится два-три одинаковых неглубоких углубления около 30 см ширины, похожих на тарелки. Такие камни распространены достаточно широко — от Эстонии до Белоруссии, и, судя по всему, принадлежат одному и тому же времени и одной и той же традиции.

В Латвии известно 6 таких камней [{228}](#). Вероятно, к ним можно отнести и камень с широким углублением Лигу Добуакменс, который находится в районе Добиле [{229}](#).

В Эстонии, в парке города Тарту есть «Жертвенный камень» с двумя тарелками диаметром 26 см и глубиной 5–8 см. Можно предположить, что его оставили предки балтов до прихода в северную Прибалтику финнов.

В соседней Псковской области известен камень «Котловастый» с 11 тарелками [{230}](#).

Несколько камней с широкими тарелками найдено и в Литве. На камне, который некогда лежал между Качергине и Пипляй, была тарелка диаметром 20–30 см и глубиной 3 см. Найденный недалеко от Друскиникай у реки Версеки священный камень имеет три чаши: 32, 28 и 20 см в диаметре и 1–2 см глубиной; этот камень перевезен в Вильнюс в Музей истории и этнографии. Там же находится еще один камень с широкими чашами — из Шальчиникай. В замке Медининкай тоже есть небольшой камень диаметром 50 см с нечеткой грубо выбитой широкой чашей.

И в Белоруссии есть несколько камней с такими же широкими чашами. Э. А. Левков в своей книге [{231}](#) описал камни Дево Блюдас и камень из капища Рекшатов, которые тоже имеют большое углубление, а также — знаменитый белорусский камень Даждьбог из деревни Кременец Лагойского района. На этом небольшом камне (размером 105×70 см и высотой 35–40 см) есть пять широких плоских «тарелок» диаметром около 20 см и глубиной 5–7 см. Изучив его окружение, археологи обнаружили вымощенную крупными валунами прямоугольную площадку, края которой строго ориентированы на стороны света.

Э. А. Левков описал и обряд вызывания дождя у камня Даждьбога. В засуху к нему в лес ходили из деревни старые девы. Камень сначала мыли молоком, а потом, приподняв жердями от земли, просили дождя. Последний раз таким образом дождь призывали во время засухи 1985 г. К слову, похожий обряд известен и в древнем Риме. За городом в храме Марса хранили lapis manalis («камень предков»), который в засуху римляне тащили в город и свято верили, что он вызовет дождь.

4. «Божий скарб»

К «божьему скарбу» балтийских божеств можно отнести священные камни со следами присутствия божеств — «божьи кресла», «троны», «столы» и «кровати». Они сохранились в Литве, Белоруссии, Латвии, в Псковской области. В сказках тоже встречаются упоминания «божьего скарба»: На такую русскую сказку указывает, например, А. А. Александров [{232}](#): сел крестьянин отдохнуть на большой камень на обочине дороги, а к нему подскочил черт с криком: «Не смей на моем стуле сидеть!»

Каменные «столы» бывают «Чертовы», «Лаумю», «Божьи»; эти камни похожи на культовые сооружения. В Зарасайском районе, деревне Паиндрес, в 1 км к западу от городища Возгеляй

стоял камень Лаумес сталас. Люди по воскресеньям собирались к этому «столу» и веселились там, не забывая оставить жертвы для Лаумес: хлеб, мясо, пиво. Говорили: «То доля Лаумес». Лаумес просили оберегать поля. В районе Шилялесь, у деревни Вайкимену, на поле Ромес стоял камень Вяльнио сталас. Еще в XX в. детям велели класть жертвы на этот камень. В Латвии, в Якабпилском районе стоит камень Вайку акменс («Камень детей»).

Но некоторые камни-столы имеют форму пирамиды; вероятно, на них не клались жертвы, а совершался забытый обряд. В алтайской сказке запечатлен отголосок ритуала, выполняемого на камне. «Когда Дельбиген бил мальчика на широком камне, то мальчик рос в ширину. Когда бил его на длинном камне, мальчик рос в длину. Когда бил его на остром камне, то мальчик рос в высоту. Наконец он вырос до Дельбигена и убил его».

Известны в Литве и три камня-«кровати». Одна из них находится в Старой Ипилте, и две, уже разбитые, — в святилище Бенайчу. Рассказывают, что в них лежали женские божества, Рагана, Лауме или мифические персонажи Пана, Каралене. По легендам, это они и вдавили камни своим телом, когда спали на них [{233}](#).

5. Валунные сооружения

В Литве, Белоруссии и на западе России, как и в Западной Европе, сохранились малоизученные комплексы из крупных валунов или обработанных камней. Классическим примером мегалитического сооружения может послужить Стоунхендж расположенный на Солсберийской «священной равнине» в юго-западной Англии, в 27 км от каменного кольца Эйвбери и в 25 км от Силбери Хилл — самого большого искусственного кургана в Европе высотой 45 м. Точными исследованиями Джеральда Хокинса установлено, что Стоунхендж — это солнечная и лунная обсерватория, в которой определяется 10 астрономически значимых направлений для Солнца и 14 — для Луны. Ось Стоунхенджа ориентирована на точку восхода Солнца в день летнего солнцестояния. Кольцо из 17 больших обработанных камней с горизонтальными перекладинами, называемых сарсенами, вероятно, восходит к 2100 г. до н. э. Внутри комплекса сохранились остатки еще одного кольца из 19 более мелких «голубых камней», которые в сырую погоду приобретают синеватый оттенок [{234}](#).

Подковообразная форма расположения трилитов и синих камней в Стоунхендже напоминает расположение крупных валунов на культовом сооружении «Камени», исследованном профессором Э. А. Левковым у озера Яново в Белоруссии [{235}](#). Ось культового сооружения совпадает с точкой восхода солнца на утро Купалы (летнего солнцестояния) над вершиной горы Волотоука, за Яновым озером.

В Литве, в 3 км к западу от озера Платяляй, у деревни Гилейчяй находится большой холм. С высоты птичьего полета видны пять концентрических овалов, выделенных более темными контурами. Внутренний диаметр имеет 120 м, внешний — 200 м. Расстояние между кольцами около 20 м. Предназначение этих колец и овалов не ясно. Аналогичное сооружение, окруженное кругом из рвов, было обнаружено в Баварии у слияния рек Исар и Данубе. Во время археологических раскопок были выявлены четверо ворот, ориентированных на точки восхода Солнца в летнее и зимнее солнцестояние. Сейчас это место известно как Унтерберг-Кюнзинг. Сооружение датировано серединой V тыс. до н. э. и является палеоастрономическим памятником.

В Тверской области, близ села Козьего, на берегу Красивой Мечи стоит серая глыба — камень высотой около двух метров. Это знаменитый Конь-камень, овеянный легендами и почитаемый окрестными жителями. Конь-камень стоит на пьедестале — трех разрозненных

камнях, уходящих в землю. Вокруг Конь-камня выложены подковой малые камни, которая своей разомкнутой частью обращена к горизонту между точками восхода и захода Солнца в дни летнего солнцестояния. В верхней части камня вытеснена треугольная канавка — прорезь указывает на противоположный берег долины, на точку восхода Солнца в день зимнего солнцестояния. Можно предположить, что это азимутальный солнечный календарь.

В Тульской области есть другое мегалитическое сооружение. Между Кимовском и Епифанью находится Белоозерский стоячий камень. Он имеет в высоту два метра, длиной он также около двух метров при ширине в основании 0,7 метра. Он стоит на небольшом возвышении, на краю бывшего болота, в окружении занесенных землей песчаниковых глыб и плит. Камень явно ориентирован по солнцу. Он подвергался многократной обработке. Некогда камни комплекса были шлифованы до блеска и видны в лучах Солнца за много километров.

В Литве тоже известно около 10 стоящих камней-менгиров, их называют стабакуляй. Согласно легендам, такие камни — окаменевшие люди. Стабакуляй связаны с переселением души и являлись могильными камнями. На могильнике Каштауналю VII–VIII вв. стоял камень Каштауналю Стабакуис. Из сообщения священника А. Кашараускаса известно, что в XIX в. почитаемые в народе стабакуляй по требованию католической церкви уничтожались. Известны в Литве и имеющие палеоастрономическое значение камни Петрикайчу.

Рядом с усадьбой Пашилю, в деревне Шаркальне, Тяльшайского района на высокой террасе долины реки Вирвите находится культовое сооружение из валунов. В основном обколотом камне выбито сиденье; рядом находится низкий плоский черный камень. В 20 м к северу стоит высокий камень с ровной, как стол, поверхностью. С южной стороны площадку ограняет ряд небольших камней, ориентированных в направлении восток-запад. Место это посещается людьми: к нему ведет тропинка, есть скамеечка. Валунное сооружение в Шаркальне не изучено и, возможно, станет археологической сенсацией.

Некоторые ряды камней служили своего рода обсерваториями, предназначенными для определения точек восхода Солнца в летнее и зимнее солнцестояния. Аналогичную функцию могли выполнять камни с выдолбленными в них определенным образом ориентированными желобками. Классическим примером каменной обсерватории является «Перунов камень», найденный и описанный Э. А. Левковым [{236}](#).

Камень, на ровной поверхности которого выбиты две прямые канавки, лежит, перевернутый на бок, у жертвенной ямы в разрушенном культовом комплексе «Кулю пилале» II в Кретингском районе на северо-западе Литвы [{237}](#). В Литве известно еще несколько камней с канавками: Пакальнишкю камень в Радвилишском районе с двухметровой канавкой шириной 7 см и глубиной до 11 см, Куртувену камень в Шяуляйском районе с естественной канавкой через весь камень и «Трон Вяльнио» в Кайшядорском районе с пятью лунками диаметром 6-12 см и широкой чашей, от краев которой выбиты три канавки глубиной 10 см и длиной от 65 до 70 см [{238}](#).

Таковыми же пригоризонтальными ориентирами или географическими указателями могли быть и в России найденные камни с дырочками, в которые легко можно вставить палочки-указатели: «Сабуровская плита», по форме похожая на расколотый аукштайтский жертвенник, найденная на Куликовом поле в верховьях Дона; группа камней с естественными дырочками в Чертовом городище Калужской области; камень у деревни Подол Новгородской области; крупный валун — перстовик с ямочками — дырочками разного диаметра и канавками в Фировском районе Тверской области [{239}](#).

Со времен язычества остались идолы. В наши дни это грустные деревянные изваяния Деваса — Рупинтоеляй у дорог Литвы. К. Буга собрал более десяти литовских слов (*balvonas, stovyla...*) со значением *idolum*, подтверждая то, что литовцам были известны статуи богов. При раскопках археологи нашли антропоморфные скульптуры каменного века в Швянтой, Сарнате, Асавеце (М. Иршенас, 2000). Видимо, большинство идолов были деревянными, недолговечными и до наших времен не сохранились. Т. Нарбутас писал о храме Перкунаса в Вильнюсе, в алтане (галерее) которого стояла деревянная статуя этого бога. Деревянные «болваны», по свидетельству летописей, были поставлены сыну легендарного Палемона — Спере, князю Куковиту и его матери Паяуте, прусским правителям Вайдевугу и Брутену [{240}](#). В 1578 г. ксендз Бауски требовал, чтобы у крестьян были бы собраны и уничтожены деревянные и каменные божества. Матас Преториус (Matthaus Pratorius, 1635–1707) основательно, с большой любовью и профессиональным знанием, написавший штудию об обычаях и верованиях прусских литовцев, упоминает образы богов Ромувы.

Один каменный прусский идол сохранился в Калининградском краеведческом музее. Это антропоморфное, небольшое (около 40 см высотой), столбовидное, круглоголовое изваяние пока неопределенного прусского божества.

Деревянные идолы, как можно предположить, также были столбовидной формы. На берегу реки Левуо, в деревне Даукнишкю, Паневежского района, в усадьбе г-на К. Кузьмы хранятся два аукштайтских жертвенника и дубовый коплитстутьпис — столб с вырезанными на нем изображениями святых, предположительно работы знаменитого мастера XIX в. Свирскиса. На коплитстутьписе изображена святая Агота с буханкой хлеба, охраняющая усадьбу от пожара. Святая Агота — преемственница балтской богини домашнего очага Габии. Очаг соединял семью, огонь был символом неугасимости жизни. Он объединяет богов и предков с их потомками. Балты верили, что многие души живут около очагов. Домашний очаг объединял всех, и живых и мертвых; огнем в очаге была богиня Габия.

Архаичная форма культового столба коплитстутьписа, являющегося также символом древа жизни, сохранилась по всей Литве, не вытесненная крестом.

М. Гимбутене пишет, что фрагменты культуры Древней (доиндоевропейской) Европы сохранились в Литве по сей день, в первую очередь, в культе Божьей Матери [{241}](#). Забытым символом и оберегом Великой Богини является крест, частый знак на камнях [{242}](#). Его также называют знаком огня и знаком удачи. На святилище в деревне Джугиненай Тельшяйского района видны атрибуты Великой Богини: водоем, дерево и иконка Божьей Матери. Еще в начале XX в. на таких швентмэджяй (святых деревьях) вырезался крест [{243}](#). В древних прусских источниках говорится, что когда во время обряда священное дерево спрашивали о чем-нибудь, слышался ответ. К таким деревьям люди несли подарки, вокруг них танцевали и пели.

В Литве Великую Богиню звали Деву Мотина. Ее дочь Лайма, она сидит в золотом кресле и прядет нити наших судеб, дарит счастье или не дарят. Возможно, давним эхом Великой Богини в образе птицы являются птичьи следы, выбитые на камнях. Сестра Лаймы — Гильтине (Смерть).

Преемственность культа Великой Богини просматривается в скульптуре Божьей Матери с ужом, находящейся в Радвилижском районе в имении Бурбишкю, где в фундамент строения вмурован камень со следом Богини [{244}](#). В парке имения хранится впечатляющий аукштайтский жертвенник.

О женских идолах существует сообщение историков XIX в. Этнограф Й. Витартас в 1899 г. писал, что в полях деревни Нерушелю неподалеку от Игналины лежал камень, по форме

напоминающий женский торс, который чудесным образом помогал бездетным женщинам [{245}](#). Похожей формы розовый камень 120×140×30 см я видел в груде камней на стройке в г. Паневежис. Знаков на нем не было. Камни были собраны с полей из разных мест.

В. Воланскис в 1845 г. описал каменную скульптуру — идола озера Галпо. Ее правая рука лежала на бедре, а левой она указывала на правую грудь [{246}](#). П. Дундулене пишет, что Великая Богиня Роженица изображалась стоя, с руками на бедрах [{247}](#). Маленькие, размером до 14 см, керамические статуэтки «бабы» с прижатыми к животу руками находят на берегу реки Оки. Немало их собрано в Музее архитектуры и быта Калуги. Возможно, это не просто игрушки, а статуэтки культового назначения, копии идола Великой Богини Роженицы.

Каменные идолы найдены как в Литве, так и у наших соседей в Польше, Белоруссии. Иногда археологи находят одни каменные головы. Например, в Белоруссии сейчас найдено около 20 каменных идолов и 10 отдельных голов. Коллекция каменных голов опубликована в книге Б. А. Рыбакова [{248}](#). Фотография трехликой каменной головы, опубликованная в 1993 г. профессором А. Ширмулисом, напоминает славянского бога Триглава или индийского Брахму. Одна каменная голова, найденная в деревне Даукшай, хранится у исследователя орнаментов и древних надписей Йозаса Шеймиса в г. Мариямполье. Во времена культуры поздней Нарвы умерших стали хоронить по-другому — только головы у домашних очагов. Просматривается связь между обрядом захоронения голов, культом предков и найденными каменными головами идолов [{249}](#).

На древней земле балтской Тушемли, в Смоленской области, на курганном могильнике у деревни Горки найден десяток грубых обработанных языческих идолов, на которых современными инструментами выбиты христианские символы [{250}](#).

Еще одна группа идолов метко названа белорусами «крестами с капюшонами». Такой черный антропоморфный крест хранится в музее Щэдувы. Его нашел директор музея В. Шенаускас в 1959 г. в деревне Вилайкяй в груде камней на месте распаханных древних захоронений. Идол напоминает фигуру человека высотой 78 см, шириной 58 см. На спине выбит змеевидный знак длиной 11 см. Похожий знак есть и на Долгинском идоле на фигурке ребенка. Можно предположить, что это памятники одного времени.

Долгинский антропоморфный крест, высотой 173 см, шириной 107 см и толщиной 25 см, стоял в Вилейском районе Белоруссии, около дороги. Теперь он перевезен в Минский музей камней, созданный Э. А. Левковым при Институте геологии. Верхняя часть идола своей округлостью напоминает голову, перекладина подобна расставленным рукам. В середине камня два небольших выступа — груди, знаки крестообразной формы. Ниже есть еще одна выпуклая фигура — дитя. Его форма повторяет контур всей скульптуры. С тыльной стороны, «со спины» — четыре равноконечных креста: два знака — напротив «грудей», третий — около «сердца» и еще один — на уровне «живота». Этнограф Гунтис Энинш полагает, что этот знак — «крест крестов», крест Мары. Такие знаки на камнях считались оберегами. Профессору Э. А. Левкову удалось даже узнать имя идола. Местные жители называли его Мара, мало того, «Латвийская Мара» [{251}](#). Мара — латвийское женское божество, функционально похожее на литовских Лаумес; образ Мары в латышской народной культуре столь же противоречив.

Перед краеведческим музеем города Козельска в Калужской области стоит вмурованный каменный идол, называемый «Козельским крестом», похожий на человека с распростертыми руками. Высота идола над постаментом 65 см, ширина 36 см, толщина 15 см. Поверхность без знаков, если не считать двух косых параллельных черт на груди идола с лицевой стороны и еле заметного контура лица. Возможно, это следы стесывания знаков. Е. Н. Аничков писал: «Известно, что христианские миссионеры не только уничтожали, но и переделывали

антропоморфные изваяния язычников. Говорить о том, что каменные кресты были языческими идолами с уверенностью нельзя, так как знаки с них, как правило, стесывались». Похожие «кресты» И. Д. Маланин видел на старых деревенских кладбищах Валдайского района Новгородской области.

Удивительный рассказ об идоле опубликовал С. В. Моряков [{252}](#).

«...Даже в советский период в разоренной Троицкой церкви погоста Отолово Тверской области крестьяне продолжали поклоняться деревянной скульптуре «Матушке Пятнице». Местный благочинный архимандрит Нилово-Столобенской пустоши Вассиан немало сокрушался по поводу идолопоклонничества «Пятнице», но, будучи человеком мудрым, оставил свои претензии. И сегодня в возобновленном приходе, в теплой церкви, вы найдете разодетую статую. Матушке Пятнице несут платки, чулки, шерсть и другие женские подношения как покорительнице пряж, ткачих, женского ремесла и торговли. Рядом с погостом у древнего камня-следовика ежегодно совершались молебны в связи с культом Пятницы».

И. Д. Маланин видел и сфотографировал одетый железный крест на могиле Святого Марка близ деревни Миголощи Новгородской области. На фотографии Е. А. Лучина 1994 г., опубликованной в книге А. А. Панченко [{253}](#), в деревне Поречье Псковской области, каменный крест одет в женские одежды. В одетом кресте люди, возможно, видят древнюю Богиню. Ее платки на крестах, деревьях, камнях колышет ветер. Идолы Мокаши можно увидеть в укромных местах даже в наши дни. Великая Богиня-Мать, не забытая, живет под разными именами, в новом качестве, в новой ипостаси старой Богини матриархальной Европы.

7. Камни с надписями и знаками

Скандинавская экспансия в Прибалтике длилась с 650 до 1100 г., причем контакты местных жителей с викингами проходили не всегда мирно. Скандинавские саги, повествуя о путешествиях викингов на северо-восток Европы, упоминают о жрицах языческих святилищ. Так, например, рассказывается о том, как главная жрица во время разграбления викингами святилища поднимает вражеского воина над головой и, бросив на камень, ломает ему хребет.

В Литве известно шесть камней с руническими знаками [{254}](#). Один камень с рунической надписью найден в Латвии. Сохранились рунические календари: деревянная книга и деревянный посох с вырезанными рунами.

Еще один распространенный тип камней со знаками — это межевые камни. Межа, понятие которой сформировалось с появлением племенной собственности, считалась неприкасаемой и святой. Межи охраняли Лаумес. Часто межа обозначалась камнем. Самыми известными межевыми (пограничными) камнями являются пять камней XII в. с надписями Полоцкого князя Бориса Всеславича на реке Двине. Один из этих камней перевезен в Москву и хранится в Коломенском музее-заповеднике.

В Литве в XV в. межевые камни ставил великий князь Витовт. Рассказы о Витовтовых межевых камнях еще и сегодня можно услышать в белорусском Полесье. Гербовый знак Витовта — «копье» — чеканился на монетах Великого княжества Литовского. Эти монеты на русских землях назывались «копейками», а в Литве — «пинигеляй».

Еще один межевой камень из деревни Парагяй Мажейкяйского района Литвы хранит г-н Р. Матулис в Вильнюсе. Этот камень, вероятно, изначально был жертвенником с блюдцеобразным углублением, и стал межевым, когда на нем выбили знаки — фрагменты

гербов вельмож Литвы.

В Подмосковной деревне Голяково есть уникальные родовые знаки среди украшений деревянных домов. Самые старые родовые знаки были из прямых линий. Похожие знаки широко распространены с XII до XIX в. в крестьянской утвари Литве, Латвии, Белоруссии [{255}](#), на гербах дворян Великого княжества Литовского [{256}](#) и на межевых камнях. Видимо, традиция родовых знаков была распространена значительно восточнее, до самой Москвы.

Заключение

Любовь и уважение к камням в Белоруссии, Латвии, Литве, Новгородской, Псковской, Смоленской, Калужской, Тверской и Московской областях России живы и сейчас. Огромные валуны собраны в музее камней Минского геологического института стараниями профессора Э. Левкова, в Литве, в поселке Моседис — живописная коллекция валунов доктора Вацлаваса Инты, в Пасвалисе — каменный сад краеведа А. Стапулениса, в Сельскохозяйственной академии Литвы находится огромная коллекция валунов профессора В. Руокиса — около 3000 камней, в Кретингском районе в усадьбе монаха Орвидаса валуны сложены в огромные лабиринты. Литовское государство охраняет 59 (из 1208) святилищ и 116 (из 600) священных камней.

¹Graves T. Needles of Stone. L., 1978. (Пер. с англ. Ермакова С.)

²Глинка Н. Ф. Мои заметки о признаках древнего быта и камнях, найденных в Тверской Карелии, в Бежецком уезде. Тверь, 1837.

³Сахаров И. П. Памятники Тульской губернии. Тула, 1851.

⁴Троицкий Н. Н. Берега реки Непрядвы. Тула, 1887.

⁵Золотов Ю. М. Остатки древнего святилища на реке Кимерше // Балтославянские исследования. Вып. 1980 г. М., 1981.

⁶Платов А. В. Киндяковский Камень: Святилище у слияния трех вод // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 3, 1996.

⁷Ермаков С. Э., Платов А. В. Ярилов Холм: новое о старом // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 5, 1997.

⁸Шавырин В. Н. Муравский шлях. Тула, 1987. Платов А. В. Волшебные камни земли Вантит. О древнем обсерваторном комплексе на Куликовом Поле // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 2, 1996. А. Перепелицын. Тайны Чертова Городища // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 3, 1996.

⁹Платов А. В. Новые данные по мегалитам Русской равнины // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 11, 2002.

¹⁰См., напр.: Маланин И. Д. Земные прототипы Алатырь-Камня // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 3, 1996. Буров В. А. Образ Мировой Горы у новгородских кривичей и словен. В кн.: Истоки русской культуры. М., 1997. Кузнецов А. В. Болванцы на Лысой Горе (очерки языческой топонимики). — Вологда, 1999. Жилко А. Э. Как найти Алатырь-камень // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 9, 2000.

¹¹См. очерк Василявичюса Л. «Камни чародеев: Очерк типологии и мифологии священных камней балтославянского региона» в дополнении к данной книге.

¹²См., напр.: Платов А. В. Магические Искусства Древней Европы. М., 2002.

¹³Hawkins G. S., White J. B. Stonehenge Decoded. L., 1966. (Эта книга была переведена на русский язык изд-вом «Мир» в 1973 году: Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа. М., 1973.)

¹⁴Atkinson R.J.C. Stonehenge. L., 1960; Atkinson R.J.C. Megalithic Astronomy: a Prehistorian's Comments // Journal for the History of Astronomy, № 6, 1975.

¹⁵Подробнее см.: Платов А. В. Магические Искусства Древней Европы. М., 2002.

¹⁶Оксенов А. В. Народная поэзия. Былины, песни, пословицы, духовные стихи, повести. С очерками главнейших отделов русской народной поэзии, объяснительным словарем и образцами напевов народных песен. СПб., 1908.

¹⁷См., напр.: М. Элиаде. Священное и мирское. М., 1994.

¹⁸На самом деле, разумеется, эти же символы Центра Мира наличествуют и практически во всех иных архаических Традициях.

¹⁹Universalis columna quasyi sustinens omnia (лат. «Колонна Вселенной, на которой держится почти все») — согласно описанию данного святилища, данным Родольфом де Фулда (середина IX в.).

²⁰Известны, к слову, прямые варианты замены в заговорах «острова Буяна» на «Буян-гору» (см., напр.: Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 2. М., 1868. С. 133).

- ²¹Майков Л. Н. Великорусские заклинания. М., 1869.
- ²²Забылин М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.
- ²³Майков. Цит. соч.
- ²⁴Никитинский И. Ф. Тиуновское языческое святилище // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 9, 2000.
- ²⁵См., напр.: Платов А. В. Ромува — святилище в центре Европы // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 11, 2002.
- ²⁶Of Gods and Holidays. The Baltic Heritage. Ed by Trinkunas J. Vilnius, 1999.
- ²⁷Этот рассказ приводится Н. Велюсом в 1-м томе его «Литовской мифологии» (N. Vėlius. Lietuvių mitologija. Vilnius, 1995.). Перевод цит. по работе Василявичюса Л., размещенной в настоящем издании.
- ²⁸Axis mundi (лат.) — «мировая ось».
- ²⁹Элиаде М. Цит. соч.
- ³⁰Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865–1869.
- ³¹Сахаров И. П. Памятники Тульской губернии. СПб., 1851.
- ³²Маланин И. Д. Коня нарекли Гром // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 19, 2000.
- ³³Левин А. А. «Конь-камень» // Памятники Отечества, № 1, 1984.
- ³⁴Афанасьев А. Н. Цит. соч.
- ³⁵Полный церковно-славянский словарь. Сост. Дьяченко Г., М., 1898.
- ³⁶Сравн. рус. *есть*, лат. *est*, англ. *is* др. индоевропейские глаголы со значением «быть».
- ³⁷К слову, германские аналоги (*king*, *konungr* и т. д.) содержат, вероятно, ту же основу.
- ³⁸Александров А. А. Волшебные камни в народных сказках // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 18, 2000.
- ³⁹Там же.
- ⁴⁰Платов А. В. Дорога на Аваллон. М., 1998.
- ⁴¹См., напр.: Василявичюс Л. Девичья рубашка на «звездном камне». Валуны с «вдавленными пальцем» ямочками // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 18, 2000.
- ⁴²Василявичюс Л. Цит. соч.
- ⁴³См.: Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986; Платов А. Магические Искусства Древней Европы. М., 2002.
- ⁴⁴Александров А. А. Волшебные камни в народных сказках // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 18, 2000.
- ⁴⁵Рыбаков Б. А. История русского искусства.
- ⁴⁶Рыжакова С. И. Спит камушек без снов... Мифологические представления о камнях у латышей // Живая старина, № 3, 2000.
- ⁴⁷Платов А. В. Магические Искусства Древней Европы. М., 2002; И. Белкин. Как выглядел Черный Бог?/Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 4, 1997 — вып.5, 1998; Гаврилов Д. Хеймдалль: Белбог против Чернобога/Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 9, 2000; Гаврилов Д. Белбог против Чернобога: Один против Одина/Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 10, 2002.
- ⁴⁸Отсюда, к слову, и произошли, вероятно, многочисленные песенные вариации на тему «а женщины тем временем копали...».
- ⁴⁹См., напр.: Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865–1869.
- ⁵⁰Орловские Епархиальные Ведомости, № 157, 1884.
- ⁵¹Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.

- ⁵²Моряков С. В. О чем молчат камни древнего Верха // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 18, 2000.
- ⁵³Платов А. В. Киндяковский камень: святилище у слияния трех вод // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 4. М., 1997.
- ⁵⁴Золотов Ю. М. Остатки древнего святилища на реке Кимерше // Балтославянские исследования. Вып. 1980 г. М., 1981.
- ⁵⁵Волшебные сказки и предания кельтов. Кн.1: Сказания Красного Дракона: Уэльс и Корнуолл. Под ред. Платова А.В. М., 1996.
- ⁵⁶От древней основы кош — «жребий», «судьба». См.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981.
- ⁵⁷Подробнее см.: Ермаков С. Э., Платов А. В. Ярилин Холм: новое о старом // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 5, 1997.
- ⁵⁸«Мерьским» — понимается, не от существительного мерзость, но от этнонима меря.
- ⁵⁹См., напр.: Р. Tarasenka. Pedos amenųje (Lietuvos istoriniai akmenys). Vilnius, 1958. Матулис В. Литовские жертвенные камни. В кн.: Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1985. Ляукоу Э., Карабану А., Дучьц Л., Зайкоускі Э., Вінакурау В. Культавыя камяні Буларусі. В кн.: 3 глыбы вякоу. Вып.2. Мн., 1997. Уртанс Ю.В... Культовые камни с углублениями в Латвии // Краткие сообщения ИА АН СССР. Вып. 190, 1987.
- ⁶⁰Уртанс Ю. В. Цит. соч.
- ⁶¹Александров А. А. О следах язычества на Псковщине // Краткие сообщения ИА АН СССР. Вып. 175, 1983.
- ⁶²Шорин М. В. О религиозных представлениях в связи с культом камней. В кн.: История и археология Новгородской земли. Под ред. Янина В. Л. Новгород, 1987.
- ⁶³Василявичюс Л. Неопубликованные архивные материалы, 2002.
- ⁶⁴Курбатов А. В. Загадочные знаки на камнях // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 18, 2000.
- ⁶⁵Прошкин О. Л., Фролов А. С. Древний культовый камень в урочище «Чертово городище» // Материалы V областной краеведческой конференции. Калуга, 1987.
- ⁶⁶Перепелицын А. Тайны Чертова Городища // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 3, 1996.
- ⁶⁷Архив Маланина И. Д. (устное сообщение, 1996 год).
- ⁶⁸Данный камень лежит в г. Переславль-Залесский, на Красной площади у Спасо-Преображенского собора (архив автора; материалы не опубликованы).
- ⁶⁹Василевичюс Л. Священный камень в Строгино // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 6, 1998.
- ⁷⁰Шавырин В. Н. Муравский шлях. Тула, 1987.
- ⁷¹Даугудис В. О языческих святилищах в Литве // Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1988. Матулис В. Литовские жертвенные камни // Археология и история Пскова и Псковской земли. Псков, 1985. В. Урбанавичюс Реликты язычества в памятниках XIV–XVI веков в Литве // Новое в археологии Прибалтики и соседних территорий. Таллин, 1985. Уртанс Ю. В. Два вида культовых камней с выемками в Латвии // Археология и история Пскова и Псковской земли. Материалы семинара. Псков, 1992.
- ⁷²Платов А. В. Новые данные по мегалитам Русской равнины // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 11, 2002.
- ⁷³См., напр.: Александров А. А. Культовые городища в Локнянском районе Псковской

области. В кн.: Земля Псковская, древняя и современная. Псков, 1990.

⁷⁴Перепелицын А. Тайны Чертова Городища // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 3, 1996.

⁷⁵Отметим к слову, что это далеко не единственный случай привязки почитания священных камней к Троицким праздникам.

⁷⁶Троицкий Н. И. Цит. соч.

⁷⁷Маланин И. Д. Следы языческих времен? // Атеистические чтения, № 19, 1990.

⁷⁸Моряков С. В. О чем молчат камни древнего Верха // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 18, 2000.

⁷⁹Глинка Ф. Н. Мои заметки о признаках древнего быта и камнях, найденных в Тверской Карелии, в Бежецком уезде // Русский исторический сборник. Т. 1, 1837.

⁸⁰Varuch M... Boze Stopki. Warszawa, 1907.

⁸¹Подробнее о Ильине С. Н. см., напр.: Маланин И. Д. Из воспоминаний о Ильине С. Н. К 100-летию со дня рождения «отца» следовиков // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 18, 2000.

⁸²Tarasenka P. Pedos amenyje (Lietuvos istoriniai akmenys). Vilnius, 1958.

⁸³См., напр.: Маланин И. Д. Камни с изображениями в Новгородской области // Краеведческие архивы: археология и этнография. Вып. 3, 1999.

⁸⁴См., напр.: Курбатов А. В. Камень с петроглифами в г. Твери в контексте проблематики наскальных изображений Европы // Тверской археологический сборник. Вып. 2, 1996.

⁸⁵Б. С. Короткевич. Воловжа. Древнее святилище в Невельском районе Псковской области // «Псков» № 16, 2002.

⁸⁶Аничков И. В. Обзор помещичьих усадеб Новгородской губернии. М., 1915.

⁸⁷Формозов А.А... Камень «Щеглец» и камни-«следовики» // Советская этнография, № 5, 1965.

⁸⁸Некоторые примеры см.: Платов А. Славянские руны. М., 2001.

⁸⁹Маланин И. Д. Следы языческих времен? // Атеистические чтения, № 19, 1990.

⁹⁰Никитинский И. Ф. Тиуновское святилище. В кн.: Культура Русского Севера. Вологда, 1994. Его же: Тиуновское языческое святилище // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 9, 2000.

⁹¹Никитинский И. Ф. Тиуновское святилище: космология и ритуалы // Congressus septimus internationalis fenno-ugristarum. 4. Sessiones sectionum. Debrecen, 1990.

⁹²Никитинский И. Ф. Цит. соч.

⁹³Платов А. В. Магические Искусства Древней Европы. М., 2002.

⁹⁴Ляукоу Э. А. Мауклівья сведкі мінуувшчыны. Мінск, 1992.

⁹⁵Моряков С. В. О чем молчат камни древнего Верха // Отечество: краеведческий альманах. Вып. 18, 2000.

⁹⁶Аничков Е. Н. Последние работы по славянским религиозным древностям. Славия, 1923.

⁹⁷Перепелицын А. Древний идол у порога музея // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 6, 1998. (Все имеющие отношение к данному памятнику цитаты приводятся ниже по этой же работе.)

⁹⁸Василявичюс Л. Цит. соч.

⁹⁹Сказки и легенды Витланда. Сост. Храппа В. — Калининград, 1996.

¹⁰⁰Василявичюс Л. Цит. соч.

¹⁰¹Рыжакова С. И. Спит камушек без снов... Мифологические представления о камнях у латышей // Живая старина, № 3, 2000.

- ¹⁰²Т. е. «Кресло Велеса».
- ¹⁰³Т. е. «Стол Бога».
- ¹⁰⁴См., напр.: Graves T. *Needles of Stone*. L., 1978.
- ¹⁰⁵См., напр.: Хокинс Дж. Кроме Стоунхенджа. М., 1981. Дж. Вуд. Солнце, Луна и древние камни. М., 1981.
- ¹⁰⁶Spurek M. *Ceske menhiry promluvyly* // *Technicky magazin*, № 3, 1988.
- ¹⁰⁷Василявичюс Л. Цит. соч.
- ¹⁰⁸Афонин Р. Мегалитическое святилище на севере Подмосковья // *Мифы и магия индоевропейцев*. Вып. 10, 2002.
- ¹⁰⁹Левин А. А. Каменный язык пралюдей? // *Неделя*, № 29 (16–22 июля), 1984.
- ¹¹⁰Шавырин В. Н. Цит. соч.
- ¹¹¹См., напр.: Graves T. *Needles of Stone*. L., 1978.
- ¹¹²См., напр.: Хокинс Дж., Уайт Дж. *Разгадка тайны Стоунхенджа*. М., 1973.
- ¹¹³*Mystic Places*. Amsterdam, 1992.
- ¹¹⁴Афанасьев А. Н. *Поэтические воззрения славян на природу*. М., 1865–1869.
- ¹¹⁵См., напр.: Конецкий В. Я. О «каменных кругах» Юго-Западного Приильменья. В кн.: *Новое в археологии Северо-Запада СССР*. Л., 1985.
- ¹¹⁶Т. е. эксцентриситет обоих «кругов» имеет значение около 0,6.
- ¹¹⁷Никитин А. *Костры на берегах*. М., 1986.
- ¹¹⁸Лазарев Е. *Забытая культура Российского Севера* // *Мифы и магия индоевропейцев*. Вып. 6, 1997.
- ¹¹⁹Андреев Ю. В. *Поэзия мифа и проза истории*. Л., 1990.
- ¹²⁰Pennick N. *Magie du Nord. La magie pratique dans la tradition nordique*. Puiseaux, 1996.
- ¹²¹Платов А. В. *Дорога на Аваллон*. М., 1998.
- ¹²²Винников А. З., Синюк А. Т. *По дорогам минувших столетий. Археологи о древней истории Воронежского края*. Воронеж, 1990.
- ¹²³См., напр.: Харламов А. *Бежецкий детектив* // *Литературная газета*, 23 февраля 1988 г.
- ¹²⁴Биармия — известное по средневековым письменным источникам географическое название; наиболее вероятно, по мнению автора, Биармия находилась в Восточной Прибалтике (подробнее см., напр.: Никитин А. *Костры на берегах*. — М., 1986.)
- ¹²⁵Рерих Н. К. *Некоторые древности Шелонской пятины и Бежецкого конца* // *Записки Русского Археологического Общества*, 1889, т.11. Вып. 1–2.
- ¹²⁶176 см — размах рук человека от кончиков пальцев одной руки до кончиков пальцев другой.
- ¹²⁷Конецкий В. Я. О «каменных кругах» Юго-Западного...
- ¹²⁸См., напр., упомянутую выше работу Конецкого В. Я.
- ¹²⁹Подчеркнем, что все дальнейшие соображения по датировке каменных кругов имеют отношение *только* новгородским памятникам этого типа; практически наверняка упомянутые выше и пока необнаруженные каменные круги Тульской и смежных с ней областей имеют другой (большой) возраст и другое происхождение.
- ¹³⁰Носов Е. Н. *Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тыс. н. э.* В кн.: *Материалы по археологии Новгородской Земли*. Вып. 1990 г. М., 1991.
- ¹³¹Atkinson R.J.C. *Stonehenge*. L., 1960; Atkinson R. J.C. *Megalithic Astronomy: a Prehistorian's Comments* // *Journal for the History of Astronomy*, № 6, 1975.

- ¹³²Hawkins G. S., J. B. White. Stonehenge Decoded. L., 1966. (Эта книга была переведена на русский язык изд-вом «Мир» в 1973 году: Хокинс Дж., Уайт Дж. Разгадка тайны Стоунхенджа. М., 1973.)
- ¹³³См. в кн.: Шавырин В. Н. Муравский шлях. Тула, 1987.
- ¹³⁴Левин А. А. Конь-Камень // Памятники Отечества, № 1, 1984.
- ¹³⁵Платов А. Новые данные по мегалитам Русской равнины // Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 11, 2002.
- ¹³⁶Платов А. Новые данные по мегалитам...
- ¹³⁷«Сектор невидимого Солнца» (т. е. азимутальный сектор, который Солнце в любое время года проходит ниже горизонта) на широте Куликова Поля (около 53° 35' с.ш.) ограничивается (грубо) истинными азимутальными направлениями СЗ 313° и СВ 47°.
- ¹³⁸Известны мегалитические обсерватории, созданные для наблюдений Луны или ярких «навигационных» звезд.
- ¹³⁹Аномалии геомагнитного и других геофизических полей вообще характерны для точек установки древних мегалитических сооружений. Так, например, мощное превышение фоновых значений геомагнитного поля было зафиксировано британскими геофизиками у Кринкавеллского стоячего камня. (Подробнее см., напр.: Платов А. В. Дорога на Аваллон. М., 1998.)
- ¹⁴⁰Сахаров И. П. Памятники Тульской губернии. Тула, 1851.
- ¹⁴¹Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865–1869.
- ¹⁴²Троицкий Н. И. Берега реки Непрядвы. Тула, 1887.
- ¹⁴³Левин А. А. Конь-Камень...
- ¹⁴⁴Там же.
- ¹⁴⁵Левин А. А. Каменный язык...
- ¹⁴⁶Левин А. А. Легенды каменных великанов // Советская Россия, № 170 (25 июля), 1984.
- ¹⁴⁷Левин А. А. «Стоунхенджи» Русской равнины // Московские новости, № 37 (219), 16 сентября, 1984.
- ¹⁴⁸См., напр.: Буров В. А. Цит. соч.
- ¹⁴⁹См., напр.: Рябинин Е. П. Археологический материал как источник для изучения финской религии. В кн.: Финны в Европе. VI–XV века. Прибалтийско-финские народы. Историко-археологические исследования. Вып. 2. М., 1981.
- ¹⁵⁰См., напр., публикации Василявичюса Л.
- ¹⁵¹См., напр., указанные выше работы Вуда Дж. и Хоккинса Дж.
- ¹⁵²Расчет произведен для истинного горизонта.
- ¹⁵³Левин А. А. Конь-Камень...
- ¹⁵⁴В тексте данной статьи Левина А. А. стоит «2526 тыс. лет до нашей эры», т. е. 2 528 000 лет тому назад, однако мы полагаем слово «тыс.» явной опечаткой, хотя бы уже потому, что прецессионный метод датировки мегалитов позволяет только в пределах одного периода прецессии (25 920 лет).
- ¹⁵⁵Вариации магнитного склонения даже на относительно небольших территориях могут достигать одного-двух градусов.
- ¹⁵⁶Шорин М. В. Вопросы классификации и датировки культовых камней // Славяно-русские древности. Краткие сообщения. 205. Москва, 1991.
- ¹⁵⁷О северных каменных лабиринтах см., напр.: Куратов А. А. О каменных лабиринтах Северной Европы: опыт классификации // Советская археология, № 1, 1970.

- ¹⁵⁸Курбатов А. В. Загадочные знаки на камнях / Отечество. Краеведческий альманах М., 2000.
- ¹⁵⁹Rimantienė R. Akmens amžius Lietuvoje. Vilnius, 1996; Rimantienė R. Pirmieji Lietuvos gyventojai. Vilnius, 1972.
- ¹⁶⁰Girininkas A., Lukoševičius O. Lietuvos priešistorė. Vilnius, 1997; Rimantienė R. Akmens amžius Lietuvoje. Vilnius, 1996.
- ¹⁶¹Balys J. Raštai. I tomas. Vilnius, 1998.
- ¹⁶²Girininkas A., Lukoševičius O. Lietuvos priešistorė. Vilnius, 1997.
- ¹⁶³Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни северо-запада России. СПб., 1998.
- ¹⁶⁴Ляукоу Э. А. Мауклівья сведкі мінуувшчыны. Мінск, 1992; Поспелов Е. М. Названия подмосковных городов, сел и рек. М., 1999.
- ¹⁶⁵Zinkevičius Z. Lietuvių kalbos kilmė. Vilnius. 1984.
- ¹⁶⁶Курбатов А. В. Историко-культурные валуны Тверской области / Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 1996.
- ¹⁶⁷Vėlius N. Lietuvių mitologija. I tomas. Vilnius, 1995; N. Vėlius. Lietuvių mitologija. II tomas. Vilnius, 1997; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1994.
- ¹⁶⁸Топоров В. Н. Балтийский элемент в гидронимии Поочья. III / Балтославянские исследования. 1988–1996. М., 1997; Топоров В. Н. Балтийские следы на Верхнем Дону / Балтославянские исследования. 1988–1996. М., 1997.
- ¹⁶⁹Буров В. А. Образ мировой горы у новгородских кривичей и словен / Истоки русской культуры (археология и лингвистика). Материалы по археологии России. Вып. 3. М., 1997.
- ¹⁷⁰Кузнецов В. А. В верховьях Большого Зеленчука. М., 1977; Baruch M. *Boze stopki*. Warszawa, 1907.
- ¹⁷¹Шорин М. В. Вопросы классификации и датировки культовых камней. Славяно-русские древности. Краткие сообщения. С. 205. М., 1991.
- ¹⁷²Vaitkevičius V. Senosios Lietuvos šventvietės. Vilnius, 1998.
- ¹⁷³Vėlius N. Lietuvių mitologija. I tomas. Vilnius, 1995.
- ¹⁷⁴Vaitkevičius V. Senosios...
- ¹⁷⁵Vaitkevičius V. Senosios...
- ¹⁷⁶Vasilevičius L. Tryškių akmenys. Kalvotoji Žemaitija. Telšiai, 1997.10.11.
- ¹⁷⁷Vaitkevičius V. Senosios...
- ¹⁷⁸Dundulienė P. Pagonybė Lietuvoje, moteriškos dievybės. Vilnius, 1989; Dundulienė P. Senovės lietuvių mitologija ir religija. Vilnius, 1990.
- ¹⁷⁹Попов А. С. В поисках Дивьего камня. М., 1981.
- ¹⁸⁰Доманский Я. В., Столяр А. Д. По бесовым следам. Л., 1962.
- ¹⁸¹См., напр.: Голан А. Миф и символ. М., 1994.
- ¹⁸²Baruch M. *Boze stopki*. Warszawa, 1907.
- ¹⁸³Моряков С. В. О чем молчат камни древнего Верха / Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 18. М., 2000.
- ¹⁸⁴Tarasenka P. *Pėdos akmenyje*. Vilnius, 1958.
- ¹⁸⁵Balys J. Raštai. I tomas. Vilnius, 1998.
- ¹⁸⁶Александров А. А. Волшебные камни в народных сказках / Отечество. Краеведческий

альманах. Вып. 18. М., 2000.

¹⁸⁷Курбатов А. В. Историко-культурные валуны Тверской области / Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху Средневековья. Тверь, 1996; Топоров В. Н. Балтийские следы на Верхнем Дону / Балтославянские исследования. 1988–1996. М., 1997.

¹⁸⁸Дунаев М. М. К югу от Москвы. М., 1978; Орел В. Э. Неславянская гидронимия бассейнов Вислы и Одера / Балтославянские исследования 1988–1996. М., 1997; Топоров В. Н. Голядский фон ранней Москвы (о балтийском элементе в Подмосковье) / Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. Тезисы докладов, март 1981. Вильнюс.

¹⁸⁹Поспелов Е. М. Названия подмосковных городов, сел и рек. М., 1999.

¹⁹⁰См., напр.: Формозов А. А. Наскальные изображения и их изучение. М., 1987.

¹⁹¹Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни северо-запада России. СПб, 1998.

¹⁹²Курбатов А. В. Загадочные знаки на камнях / Отечество. Краеведческий альманах. М., 2000; Уртанс Ю. В. Два вида культовых камней с выемками в Латвии / Археология и история Пскова и Псковской земли. 1992. Материалы семинара. Псков, 1992; Шорин М. В. Вопросы классификации и датировки культовых камней. Славяно-русские древности. Краткие сообщения. С. 205. М., 1991.

¹⁹³В Северной части России исследователями отмечена связь камней-чашечников с могильниками I тыс. до н. э.

¹⁹⁴В настоящее время уже существенно больше. — *Примеч. ред.*

¹⁹⁵Vaitkevičius V. Senosios Lietuvos šventvietės. Vilnius, 1998.

¹⁹⁶Matulis R. Istoriniai akmenys. Vilnius, 1990.

¹⁹⁷Дучиц Л. В., Левков Э. А. Валун как объект поклонения у белорусов / Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1989; Vasilevičius L. Akmenys paženklininti mažomis duobutėmis. Maskvos lietuvių naujienos. № 5,6. 1999.05.13.

¹⁹⁸Balys J. Raštai. I tomas. Vilnius, 1998.

¹⁹⁹Шорин М. В. Вопросы классификации и датировки культовых камней / Славяно-русские древности. Краткие сообщения. С. 205. М., 1991.

²⁰⁰Буров В. А. Лето в Новгороде. Из варяг в греки на байдарке. М. 1994; Буров В. А. «А погост Жабня пуст...». М., 1994.

²⁰¹Василявичус Л. «Святой» камень в Строгино / Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 6. М., 1998.

²⁰²Tautavičius A. Geležies amžius istorinėse baltų žemėse / Baltų archeologija, № 3, 1994.

²⁰³Vaitkevičius V. Akmenys su duobutėmis: sena ir nauja/ Kultūros paminklai. III tomas. Vilnius, 1996.

²⁰⁴Tarasenka P. Pėdos akmenyje. Vilnius, 1958.

²⁰⁵Vasilevičius L. Kolomenskoje akmenys. Maskvos lietuvių naujienos. Maskva, 1999, № 4.

²⁰⁶Tarasenka P. Pėdos...; Vaiškūnas J., Vaitkevičius V. Lietuvių liaudies žinios apie žvaigždes. Romuva. 1997.

²⁰⁷Зеленов В. С. Туристские тропы Калужской области. Тула, 1990.

²⁰⁸См., напр.: Перепелицын А. Тайны Чертова городища / Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 3, 1996. Тж.: Girininkas A., Lukoševičius O. Lietuvos priešistorė. Vilnius, 1997.

²⁰⁹Прошкин О. Л., Фролов А. С. Камень с чашечными углублениями с «Чертова городища» под Козельском / Российская археология, № 1, 1995.

- ²¹⁰Платов А. В. Новые данные по мегалитам Русской равнины / Мифы и магия индоевропейцев. Вып. 11, 2002.
- ²¹¹Перепелицын А. Тайны Чертова Городища...
- ²¹²Kviklys V. Mūsų Lietuva. IV tomas. Vilnius, 1989.
- ²¹³Буров В. А. «А погост Жабня пуст...». М., 1994.
- ²¹⁴Маланин И. Д. Синий камень Подмосковья / Истринские вести, № 96–97, 1999 (21 августа).
- ²¹⁵Dundulienė P. Lietuvių liaudies kosmologija. Vilnius, 1988; Vaiškūnas J., Vaitkevičius V. Lietuvių liaudies žinios apie žvaigždes. Romuva. 1997.
- ²¹⁶Vaiškūnas J., Vaitkevičius V. Lietuvių liaudies žinios...
- ²¹⁷См., напр.: Marengolcas V. Lietuvos valstybingumas, sienų ir plotų kaita. Vilnius, 1998.
- ²¹⁸Михайлов Н. А. Балтийские боги в серболужицком пантеоне / Балтославянские исследования 1997. М., 1998; Vaitkevičius V. Senosios Lietuvos šventvietės. Vilnius, 1998; Vasilevičius L., Kakanauskas A. Ar jau išnyko paskutiniai pagonys / Mokslas ir gyvenimas. Vilnius, 1991, № 11; Vėlius N. Nuo seniausių laikų iki XV amžiaus pabaigos / Baltų religijos ir mitologijos šaltiniai. Vilnius, 1996.
- ²¹⁹Курбатов А. В. Загадочные знаки на камнях / Отечество. Краеведческий альманах. М., 2000.
- ²²⁰Gaižutis A. Iki krikščioniškosios Lietuvos kultūra / Senovės baltų kultūra. Vilnius, 1992.
- ²²¹Велюс Н. Древние смысловые пласты литовских святочных песен / Балтославянские исследования 1997. М., 1998; Vėlius N. Lietuvių mitologija. I tomas. Vilnius, 1995; Vėlius N. Lietuvių mitologija. II tomas. Vilnius, 1997; Daukantas S. Būdas senovės lietuvių kalnėnų ir žemaičių. Vilnius, 1993; Laurinkienė N. Mito atšvaitai lietuvių kalendorinėse dainose. Vilnius, 1990.
- ²²²Vaitkevičius V. Senosios Lietuvos šventvietės. Vilnius, 1998.
- ²²³Vaitkevičius V. Senosios...
- ²²⁴Matulis R. Istoriniai akmenys. Vilnius, 1990.
- ²²⁵Vasilevičius L. Įdomus radinys Tryškiuose. Kalvotoji Žemaitija. Telšiai, 1992.12.05. № 94.
- ²²⁶Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-запада России. СПб., 1998.
- ²²⁷Магистр Ордена. — *Примеч. ред.*
- ²²⁸Matulis R. Istoriniai akmenys. Vilnius, 1990.
- ²²⁹Urtans J. Pėdakmeni robežakmeni muldakmeni. Riga, 1990.
- ²³⁰Попов А. С. В поисках Дивьего камня. М., 1981.
- ²³¹Ляукоу Э. А. Мауклівыя сведкі мінуувшчыны. Мінск, 1992.
- ²³²Александров А. А. Волшебные камни в народных сказках / Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 18. М., 2000.
- ²³³Vaitkevičius V. Senosios Lietuvos šventvietės. Vilnius, 1998.
- ²³⁴Вуд Дж. Солнце, Луна и древние камни. М., 1981.
- ²³⁵Ляукоу Э. А. Мауклівыя сведкі мінуувшчыны. Мінск, 1992.
- ²³⁶Ляукоу Э. А. Мауклівыя сведкі...
- ²³⁷Vaitkevičius V. Senosios Lietuvos šventvietės. Vilnius, 1998.
- ²³⁸Matulis R. Istoriniai akmenys. Vilnius, 1990.
- ²³⁹Буров В. А. Лето в Новгороде. Из варяг в греки на байдарке. М... 1994; Буров В. А. «А погост Жабня пуст...». М., 1994.

- ²⁴⁰Топоров В. Н. Vilnius, Wilno, Вильна: город и мир. Балтославянские этноязыковые контакты. М., 1980.
- ²⁴¹Gimbutas M. The gods and goddesses of Old Europe. Los Angeles, 1974. См. тж.: Vyčinas V. Senovės Europos deivės. Kaunas, 1999.
- ²⁴²См., напр.: Голан А. Миф и символ. М., 1994.
- ²⁴³Perkovskis J. Žemaičių liaudies meno ornamentas: forma ir simbolika. Vilnius, 1999.
- ²⁴⁴Dundulienė P. Pagonybė Lietuvoje, moteriškos dievybės. Vilnius, 1989; Dundulienė P. Senovės lietuvių mitologija ir religija. Vilnius, 1990.
- ²⁴⁵Dundulienė P. Pagonybė Lietuvoje, moteriškos dievybės. Vilnius, 1989.
- ²⁴⁶Wolanski T. Listy o starożytnościach sławiańskich. Gniezno, 1845.
- ²⁴⁷Dundulienė P. Pagonybė Lietuvoje, moteriškos dievybės. Vilnius, 1989.
- ²⁴⁸Рыбаков Б. А. Язычество древней Руси. М., 1987.
- ²⁴⁹Гусаков М. Г. Об одном фрагменте сообщения Вульфстана «О похоронах древних пруссов» / Балтославянские исследования. 1997. М., 1998; Топоров В. Н. Vilnius, Wilno, Вильна: город и мир. Балтославянские этноязыковые контакты. М., 1980.
- ²⁵⁰Лопатин Н. В. Комплекс каменных крестов и изваяний на севере Смоленщины / Археология и история Пскова и Псковской земли. Тезисы докладов научно-практической конференции. Псков, 1988.
- ²⁵¹Ляукоу Э. А. Мауклівыя сведкі мінуувшчыны. Мінск, 1992.
- ²⁵²Моряков С. В. О чем молчат камни древнего Верха / Отечество. Краеведческий альманах. Вып. 18. М., 2000.
- ²⁵³Панченко А. А. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-запада России. СПб., 1998.
- ²⁵⁴Matulis R. Istoriniai akmenys. Vilnius, 1990.
- ²⁵⁵Gudavičius E. Žymenys ir ženklai Lietuvoje XII–XX a.a. Vilnius, 1980.
- ²⁵⁶Титов А. Пячаткі старажытнай Беларусі. Мінск, 1993.